Московское Общество Народныхъ Университетовъ.

А. А. Кауфманъ.

Аграрный вопросъ въ Россіи.

Лекціи, читанныя въ Московскомъ народномъ университетѣ въ 1907 г.

13941

II

Въ чемъ вопросъ и гдѣ его рѣшеніе.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1908.

ПРОВ.

Аграрный вопросъ въ Россіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книжка представляетъ собой 3, 5 и 6 лекціи дважды читаннаго въ 1907 году въ Московскомъ Народномъ Университетѣ курса „Аграрный вопросъ въ Россіи“, въ совокупности своей долженствующія дать теоретическое освѣщеніе этого вопоса. Первая часть курса, охватывающая 1, 2 и 4 лекціи и дающая характеристику земельныхъ отношеній и земельной политики, издана особо.

По поводу объема и содержанія этого курса необходимо замѣтить слѣдующее: взявшись прочесть рядъ лекцій по насущнѣйшему вопросу современной русской жизни, авторъ всѣми силами старался сохранить за своимъ изложеніемъ спокойно-научный характеръ и всячески избѣгалъ „злободневности“, а тѣмъ болѣе пропаганды или защиты идей какой бы то ни было изъ современныхъ политическихъ партій. Вотъ почему, между прочимъ, въ лекціи, посвященной „правительственнымъ мѣропріятіямъ“

(вошла въ 1-ю часть), авторъ почти не касается *новѣйшихъ* узаконеній и мѣръ въ области земельнаго вопроса, а въ лекціи, посвященной „теченіямъ русской общественной мысли“, авторъ разсматриваетъ именно только *теченія* и совершенно не касается *политическихъ партій*, излагаетъ лишь принципіальные взгляды и вовсе не говоритъ о партійныхъ программахъ и платформахъ.

А. К.

Іюнь 1908 г

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Сущность аграрнаго вопроса.

Что такое малоземелье?

Какъ ни различны проявленія современнаго аграрнаго кризиса [1]), суть его все-таки въ одномъ: тѣсно стало народу, земля не кормитъ... И какъ въ умахъ крестьянъ, такъ и въ представленіяхъ интеллигентнаго общества все сводится къ одному воплю: *„мало земли“* .

Основнымъ пунктомъ, значитъ, въ сознаніи и крестьянства и общества является вопросъ о землѣ; не даромъ „земля и воля“ — лозунгъ одной изъ наиболѣе активныхъ частей современной русской интеллигенціи ..

Для насъ, однако, вопросъ не разрѣшается такъ просто. Моя задача — не провозглашать какіе-либо лозунги, а подробно разобрать и всесторонне выяснить причины и сущность того аграрнаго кризиса, который переживаетъ наша страна. Только тогда для насъ выяснятся и способы из-

---

[1]) См. 1-ю часть этого курса («Земельныя отношенія и земельная политика»), гл. обр, гл. II.

лѣченія той тяжкой болѣзни, которою мы уже такъ давно страдаемъ.

А между тѣмъ причины кризиса очень сложны и разнообразны: можно смѣло сказать, что нашъ аграрный кризисъ — это *слѣдствіе всей совокупности условій*, въ которыхъ мы прожили послѣдніе полвѣка; можно сказать и болѣе того: нашъ аграрный кризисъ—это кризисъ тѣхъ отжившихъ свой вѣкъ формъ и способовъ веденія хозяйства, на которыхъ многіе вѣка зиждилось благополучіе крестьянина.

Мы видѣли въ 1-ой части этого курса, какъ плохо живется русскому крестьянину. Но если крестьянину нѣтъ возможности прожить на своемъ надѣлѣ; если онъ жадно набрасывается на всякую землю, какую только можно купить или заарендовать; если онъ постепенно нищаетъ, переходитъ отъ полуголоднаго существованія, отъ постояннаго недоѣданія, къ полной голодовкѣ, отъ нужды уходитъ на заработки, этимъ окончательно разстраивая свое хозяйство, или бѣжитъ безъ оглядки „на новыя мѣста“; если онъ, въ концѣ-концовъ, бросаетъ землю и уходитъ въ городъ или на фабрику, — то вѣдь это все можетъ происходить отъ разныхъ причинъ. Можетъ-быть, у крестьянина, въ самомъ дѣлѣ, *мало земли*, а, можетъ-быть, земли не такъ уже мало, да *земля очень ужъ мало даетъ*; можетъ-быть, конечно, и то и другое вмѣстѣ: и мало земли, и даетъ она меньше, чѣмъ могла бы и должна бы давать. И потому аграрный вопросъ — вопросъ о *малоземельѣ*, о недостаткѣ земли, самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ сельскохозяйственнымъ во-

просомъ — о *производительности* земли, о томъ, что̀ земля даетъ, и что̀ она можетъ давать. А что у насъ на *этотъ* счетъ обстоитъ очень плохо, объ этомъ не приходится и говорить. Вѣдь посѣвная десятина даетъ у насъ, кругомъ, около 40 пудовъ всякаго хлѣба. Но это—*посѣвная* десятина; а около одной трети всей земли у насъ пропадаетъ подъ паромъ, и если разсчитать не на посѣвную, а на *пахотную* десятину, — на десятину всей пахотной земли, то кругомъ придется уже меньше 30 пудовъ, а за вычетомъ сѣмянъ около 23 пудовъ... А между тѣмъ вотъ какіе урожаи, въ среднемъ, получаются въ Западной Европѣ: въ Германіи и Франціи — 63 пуда, въ Швеціи — 75, въ Даніи — 93, въ Голландіи —102, въ Англіи—112, въ Бельгіи даже 116 пудовъ по расчету на нашу десятину . Средній урожай пшеницы у насъ 28 пудовъ, во Франціи—70, въ Германіи — 77, въ Голландіи и Бельгіи —111, въ Англіи — 124, въ Даніи даже 179 пудовъ; даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ пріемы хозяйства ближе всего къ нашимъ, и гдѣ человѣкъ до сихъ поръ такъ-же мало или еще меньше, чѣмъ у насъ, дѣлаетъ для поднятія производительныхъ силъ земли, средній урожай пшеницы около 50 пудовъ. Овесъ у насъ даетъ въ среднемъ 29 пудовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ—63, во Франціи — 61, въ Германіи — 74, въ Голландіи — 117, въ Бельгіи — 125 пудовъ на десятину. Только рожь даетъ не такую большую разницу. средній урожай у насъ 34 пуда, въ Соединенныхъ Штатахъ — 42, въ Германіи — 56, во Фран-

Низкая производительность надѣльныхъ земель.

ціи—64, въ Голландіи — 88, въ Даніи—101 пудъ съ нашей десятины; понятно, почему мы до сихъ поръ сѣемъ такъ много ржи,— этого наиболѣе дешеваго и наименѣе питательнаго, но зато, при нашемъ хозяйствѣ, сравнительно болѣе урожайнаго хлѣба. И притомъ какая громадная разница въ колебаніяхъ урожаевъ!.. Если принять средній урожай пшеницы *въ самый лучшій* годъ за 100, то средній урожай ея *въ самый плохой* годъ будетъ: въ Англіи — 76 пудовъ, въ Германіи—73 пуд., въ Россіи для озимой—27 и для яровой пшеницы около 30; если за 100 принять средній размѣръ самаго хорошаго урожая ржи, то самый плохой урожай окажется, кругомъ на десятину, въ Германіи—73, у насъ—всего 48 пуд.; если за 100 принять средній на десятину размѣръ хорошаго урожая овса, то въ плохой урожай приходится кругомъ на десятину: въ Англіи — 79, въ Германіи—66, въ Россіи — 44 пуда. Это значитъ, что въ Англіи, напримѣръ, земледѣлецъ въ самый плохой годъ не добираетъ противъ хорошаго всего около одной четвертой части, тогда какъ у насъ онъ собираетъ пшеницы меньше третьей части, овса — немногимъ болѣе двухъ пятыхъ и даже озимой ржи — меньше половины противъ хорошаго урожая.

Посмотримъ теперь дальше. У насъ очень обычны жалобы на недостатокъ кормовыхъ угодій и въ особенности сѣнокосовъ. А между тѣмъ луговъ и пастбищъ у насъ не только не меньше, но даже больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, кромѣ Даніи и Австріи: изъ ста десятинъ всѣхъ угодій въ Россіи приходится на долю кормовыхъ

угодій 33,7 дес., или ровно треть, и даже у крестьянъ 28,7 дес., т.-е. болѣе четверти. Между тѣмъ въ другихъ странахъ на долю луговъ и пастбищъ приходится: во Франціи — 19, въ Германіи — 25, въ Италіи — 27, даже въ Соединенныхъ Штатахъ тѣ-же 28 десятинъ на каждую сотню десятинъ всѣхъ угодій, какъ у насъ на крестьянскихъ земляхъ Но *что даютъ* кормовыя угодья за границей и у насъ? Въ Россіи средній укосъ на десятину 77 пудовъ, во Франціи —182, въ Германіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—205, въ Англіи—235 пудовъ...

Причина ея не климатъ, а плохое хозяйство.

Мы привыкли причину нашихъ плохихъ урожаевъ, нашихъ столь частыхъ неурожаевъ валить на неблагопріятныя свойства природы, на суровый или засушливый климатъ. А между тѣмъ приблизительно половина Европейской Россіи по пространству и гораздо больше половины по количеству населенія — это вѣдь знаменитый русскій черноземъ, подобнаго которому нѣтъ во всей остальной Европѣ,— и какъ разъ на этомъ-то черноземѣ чаще всего неурожаи и сильнѣе всего голодовки. Климатъ нашъ, если ближе разобрать, отнюдь не слишкомъ суровъ и не слишкомъ засушливъ. Если смѣрить, сколько дождя выпадаетъ, въ среднемъ за хорошіе и плохіе года, въ тѣ пять мѣсяцевъ, когда происходитъ произрастаніе хлѣбовъ, то окажется, что въ средней Германіи количество выпадающаго дождя около 26, въ средней Франціи и восточной Англіи около 25 сантиметровъ; у насъ, въ Нижегородской губерніи, среднее количество вы-

падающаго дождя за пять мѣсяцевъ—29, въ Рязанской и Воронежской — 27, въ Симбирской — 25 сантиметровъ; значитъ, во всей средней черноземной полосѣ дождей выпадаетъ даже больше, чѣмъ въ Западной Европѣ, и только для юго-восточныхъ губерній можно говорить о недостаточности количества дождей: въ Самарѣ среднее количество дождя за пять мѣсяцевъ—20, въ Оренбургѣ — 19, въ Саратовѣ 18 сантиметровъ,— уже значительно меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ; но это, повторяю, только на крайнемъ юго-востокѣ Европейской Россіи [1]).

Очевидно, дѣло здѣсь не въ естественныхъ условіяхъ, не въ суровомъ климатѣ, тѣмъ болѣе не въ плохой почвѣ: „урожайность земли находится въ прямой зависимости не столько отъ качества земли, сколько отъ тщательности, интенсивности ея обработки“ (Масловъ). И въ самомъ дѣлѣ: на песчаныхъ и подзолистыхъ почвахъ сѣвера Пермской или Вологодской губерній урожайность крестьянскихъ земель, благодаря усиленному унавоживанію, поднимается, кругомъ, до 80, а мѣстами и до 100 пудовъ съ десятины, а на тучномъ черноземѣ нашихъ среднихъ и южныхъ губерній родится, кругомъ, менѣе 40 пудовъ; во многихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ такомъ богатомъ почти непочатою степью уѣздѣ,

---

[1]) Эти цифры (25, 19 сантиметровъ)—это высота слоя воды, который получился бы, если бы вся вода, выпадающаяся съ дождями и снѣгомъ, оставалась на поверхности земли и не высыхала, или того столбика воды, который въ теченіе пяти мѣсяцевъ получился бы въ выставленномъ подъ дождь сосудѣ.

какъ Новоузенскій, Самарской губерніи, средній урожай падаетъ даже до 20—25 пудовъ. И еще несомнѣнное доказательство того, что дѣло не въ климатѣ и не въ почвѣ, а въ плохомъ хозяйствѣ. вѣдь во всякомъ мало-мальски хорошемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ—конечно не изъ тѣхъ, которыя всю землю раздаютъ въ аренду или обрабатываютъ кругами! — урожаи вдвое, а въ особенно выдающихся хозяйствахъ и втрое выше, чѣмъ на сосѣднихъ крестьянскихъ земляхъ или хотя бы и на такихъ-же помѣщичьихъ земляхъ, но сдаваемыхъ въ аренду крестьянамъ или обрабатываемымъ изъ доли урожая.

Дѣло, значитъ, не въ почвѣ и не въ климатѣ, а *въ плохомъ хозяйствѣ, плохой обработкѣ* земли. Въ значительной части Россіи, именно по всей черноземной полосѣ, до сихъ поръ еще держится залежное или переложное хозяйство, при которомъ производительная сила земли не возстановляется ни навознымъ, ни какимъ-либо другимъ удобреніемъ, а однимъ только отдыхомъ въ промежуткахъ между посѣвами. Такое хозяйство было очень удобно и хорошо, оно давало населенію достаточно хорошіе урожаи, пока земли было много и пока, поэтому, заброшенная послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ пашня успѣвала хорошо задернѣть и отдохнуть; теперь земли стало мало, наступило „утѣсненіе“, и залежное хозяйство выродилось въ пестрополье или „однополье“ — пашни изъ года въ годъ засѣваются хлѣбами; развѣ изрѣдка совсѣмъ уже выпаханной полосѣ дается годъ, рѣдко два года отдыха. Земля, значитъ, истощена до послѣдней крайности, она

обратилась въ порошокъ, непрерывные посѣвы вытянули изъ нея всѣ соки, — не удивительно, что она отказывается родить хлѣбъ, и неурожаи случаются чуть ли не чаще, чѣмъ сколько-нибудь добропорядочные урожаи. Средне-русское трехполье было очень хорошо, пока населеніе, на ряду съ пахотною землею, располагало достаточною кормовою площадью, пока оно, значитъ, могло содержать достаточно скота и его навозомъ удобрять поля. Но въ значительной части страны надѣльныя земли распаханы чуть не сплошь; подъ пашней занято гдѣ четыре пятыхъ, гдѣ и шесть седьмыхъ всей надѣльной площади, гдѣ и того больше; часть земли еще отходитъ подъ усадебныя мѣста, дороги и всякія неудобныя земли; кормовъ, значитъ, нѣтъ или чрезвычайно мало — стало-быть, нѣтъ навоза, нечѣмъ удобрять поля, и поля не могутъ давать прежнихъ урожаевъ. Пашутъ крестьяне, въ большинствѣ, сохою-ковырялкой или допотопнымъ сабаномъ, заставляющимъ терять даромъ огромное количество рабочей силы, а пріемы обработки земли, по отзывамъ агрономовъ, „поражаютъ своей нераціональностью“: крестьяне какъ бы нарочно дѣлаютъ все, чтобы испортить землю, дѣлаютъ какъ-разъ не то, что̀ нужно было бы, чтобы ее поправить. Отсюда и ничтожные средніе урожаи нашихъ полей, отсюда все болѣе и болѣе частые неурожаи: земля выпахалась, или, какъ говорятъ крестьяне, выболталась, и при *такомъ* хозяйствѣ она не можетъ давать лучшихъ и болѣе постоянныхъ урожаевъ.

Значитъ, чтобы поправить дѣло, нужно другое хозяйство, надо повести дѣло такъ, чтобы земля давала больше, чѣмъ даетъ теперь. Наука и практика знаютъ способы улучшить хозяйство; такое улучшенное хозяйство ведется и на западѣ, въ Западной Европѣ и во многихъ странахъ на востокѣ, даже на нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ окраинахъ: мы считаемъ какихъ-нибудь китайцевъ или туркестанскихъ сартовъ некультурными народностями, стоящими гораздо ниже русскихъ,— между тѣмъ у нихъ вѣками выработались такіе способы хозяйства, при которыхъ земля даетъ несравненно большіе и болѣе постоянные урожаи, гораздо большій доходъ, нежели у насъ. Почему же, спрашивается, *мы* стоимъ на мѣстѣ? Почему *у насъ* продолжаетъ вестись такое хозяйство, которое не можетъ дать ничего, кромѣ плохихъ урожаевъ или совершенныхъ неурожаевъ, которое не даетъ населенію ничего, кромѣ бѣдности и голодовокъ?

Причины плохого хозяйства.

Причинъ этому очень много, и прежде всего — вѣковая привычка, отъ которой народу очень трудно отрѣшиться. „Чтобы совершилась перемѣна въ интенсивности труда,—говоритъ проф. А. И. Чупровъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ политической экономіи, — долженъ пройти извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени; если нація, народъ, въ теченіе долгаго времени находилась подъ вліяніемъ причинъ, благопріятствовавшихъ энергичной работѣ, то вялость въ трудѣ сохраняется долго даже послѣ того, какъ устраняются условія, ее производив-

Вѣковая привычка къ простору.

шія“ Наша родина еще только выходитъ изъ періода заселенія страны и разселенія по странѣ: въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго тысячелѣтія населеніе страны еще только размѣщалось по ея необъятному пространству, заселяя на сѣверѣ лѣса, а на югѣ необъятныя степи; и всѣ трудовыя привычки русскаго земледѣльца цѣликомъ вынесены изъ этого періода колонизаціи. Когда поля гдѣнибудь выпахивались, „засаривались“, онъ бросалъ одно поле и переходилъ на другое; когда въ цѣлой „окрýгѣ“ становилось тѣсно, когда, другими словами, не оказывалось больше нетронутыхъ цѣлинъ или достаточно отдохнувшихъ залежей, онъ шелъ „на новыя мѣста“, на вольныя и крѣпкія земли. И это было совершенно разумно, пока было вдоволь новыхъ мѣстъ и непочатыхъ, „крѣпкихъ“ земель. Теперь совершенно другое: „вольныя земли“, какія еще есть въ Сибири, не такъ-то ужъ заманчивы; „на старинѣ“ усвоенное отъ дѣдовъ хозяйство не даетъ крестьянину ничего, кромѣ горя и нужды. Но хозяйственныя привычки нашего крестьянина „сохранились послѣ того, какъ устранились условія, ихъ производившія“ (Чупровъ); эти привычки гонятъ крестьянина попрежнему вширь, когда давно пришла пора направить свои усилія вглубь,—онѣ побуждаютъ его „пахать побольше“, когда нужно было бы „пахать получше“. Отсюда и выходитъ, что крестьянинъ, если у него есть оборотныя средства, по многовѣковой наслѣдственной привычкѣ обратитъ ихъ *не на улучшеніе* своего хозяйства, а на его *расширеніе:* на покупку земли, на аренду, хотя бы на самыхъ тя-

гостныхъ условіяхъ, въ крайнемъ случаѣ на переселеніе. Отсюда и выходитъ, что крестьянинъ не вѣритъ въ улучшенные пріемы хозяйства и не желаетъ принимать ихъ, разъ они не соотвѣтствуютъ его вѣковому стремленію вширь, — не вѣритъ и не желаетъ именно потому, что попрежнему еще ищетъ простора и еще вѣритъ въ возможность найти такой просторъ.

Или иначе сказать: мы привыкли къ тому, что гдѣ-то еще есть свободная, плодородная земля; разъ намъ „стало тѣсно“, мы бросаемся искать этой свободной земли, и намъ трудно рѣшиться углубить культуру, затратить лишній трудъ и лишнія средства на обработку той-же десятины земли, какая у насъ есть подъ руками, хотя бы это было и гораздо выгоднѣе, чѣмъ арендовать, покупать землю или переселяться. И мы остаемся вѣрны этимъ своимъ привычкамъ даже тамъ, гдѣ мѣстная практика уже выработала гораздо лучшіе пріемы хозяйства и доказала ихъ выгодность и цѣлесообразность. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ среди русскихъ деревень разселилось уже не мало колонистовъ-латышей или эстонцевъ, которые продолжаютъ вести то-же, гораздо лучшее хозяйство, какое они вели у себя на родинѣ, и благодаря этому не знаютъ неурожаевъ; на Дальнемъ Востокѣ нашъ переселенецъ воочію видитъ чрезвычайно разумное хозяйство китайцевъ и корейцевъ, превосходнѣйшимъ образомъ приспособленное къ мѣстнымъ особенностямъ почвы и климата; въ Туркестанѣ онъ встрѣчается съ не менѣе хорошо или даже еще лучше поставленнымъ хозяйствомъ сартовъ, въ основѣ

котораго лежатъ искусственное орошеніе и плодосмѣнъ, связанный съ воздѣлываніемъ разныхъ цѣнныхъ растеній. А между тѣмъ онъ и тутъ и тамъ продолжаетъ пахать своими привычными сабаномъ или плугомъ, все такъ-же ведетъ распашку широкими загонами, все такъ-же норовитъ засѣять побольше пшенички, какъ онъ привыкъ дѣлать у себя въ Полтавщинѣ или „на Самарѣ“. И отъ такого хозяйства на Дальнемъ Востокѣ уже и сейчасъ опустѣло не мало крестьянскихъ поселковъ, а туркестанскіе переселенцы, получивъ 25 — 30-десятинные надѣлы, арендуютъ землю, хлопочатъ о прирѣзкахъ и въ концѣ-концовъ бѣгутъ „отъ тѣсноты“, тогда какъ туземцы благоденствуютъ на 4—5 десятинахъ. И отчего это? На этотъ вопросъ вамъ очень ясно отвѣтитъ всякій крестьянинъ: оттого, что ему „не съ руки“, „не подходящее дѣло“ копаться въ землѣ, какъ „копаются“ латыши, сарты или корейцы; ему надо распахаться пошире, да побольше посѣять, хотя-бы его широкая запашка давала ему, въ концѣ-концовъ, гораздо меньше, чѣмъ даютъ маленькія поля китайца или сарта, раздѣленныя квадратиками въ родѣ шахматной доски...

Низкій уровень умственнаго развитія.

Но это все стоитъ въ самой тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій, и прежде всего—съ низкимъ уровнемъ умственной культуры нашихъ народныхъ массъ, съ недостаткомъ у нихъ образованія и общаго развитія. При низкомъ уровнѣ умственнаго развитія въ дѣйствіяхъ человѣка всегда господствуетъ наслѣдственная привычка, такъ

называемая традиція: дѣлаютъ то или другое не потому, что такъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно, а потому, что „такъ повелось“, такъ „дѣды и отцы“ дѣлали; раціональное, т.-е. сообразованное съ обстоятельствами даннаго времени, основанное на правильномъ расчетѣ хозяйство, быстрое приспособленіе хозяйства къ такъ часто наступающимъ въ настоящее время измѣненіямъ этихъ условій, — это все можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если умъ отточенъ широко поставленнымъ научнымъ образованіемъ. А между тѣмъ что мы видимъ у насъ? Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ обстоитъ у насъ дѣло съ народнымъ образованіемъ, достаточно немногихъ цифръ. На тысячу человѣкъ населенія приходится учащихся: въ Соединенныхъ Штатахъ—230, въ Германіи 158, въ Англіи 155, во Франціи 146, а у насъ всего 36, значитъ вчетверо меньше, чѣмъ во Франціи, и въ шесть разъ меньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Расходы на народное образованіе, по расчету на душу населенія, составляютъ: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 4 р. 86 к., въ Пруссіи 2 р. 45 к, въ Англіи 2 р. 36 к., во Франціи 1 р. 66 к., а у насъ всего 31 копейку—въ восемь разъ меньше, чѣмъ въ Пруссіи, и въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ И достаточно двухъ-трехъ примѣровъ, чтобы стало ясно, какъ непосредственно недостатокъ образованія отражается на хозяйственныхъ условіяхъ, на трудоспособности населенія. По статистическому обслѣдованію олонецкихъ кустарей оказалось, что въ числѣ постоянно работающихъ гра-

мотные зарабатываютъ среднимъ числомъ 25 р., неграмотные—16 руб. въ годъ; среди временныхъ грамотные — 127 р., неграмотные— 83 руб.; среди кратковременныхъ грамотные зарабатываютъ 41 р., неграмотные—21 руб. При группировкѣ кустарей по родамъ производства оказывается то-же самое: въ обработкѣ дерева грамотные зарабатываютъ 26 р., неграмотные—14 руб.; въ обработкѣ металла первые 119 р., вторые—50 руб.,—заработокъ неграмотныхъ кустарей въ полтора и въ два раза меньше, чѣмъ грамотныхъ. „Невооруженные со стороны общаго развитія, знаній и искусства, они—эти неграмотные—безсильны въ борьбѣ съ рутиной и косностью; знанія и искусство ихъ остаются зачаточными и первобытными; они не могутъ прокладывать новыхъ путей въ своемъ дѣлѣ, вводить въ него новыя отрасли, улучшать качество издѣлій. Тонкая, изящная, а потому и наиболѣе цѣнная работа для нихъ недоступна; воображеніе ихъ сковано невѣжествомъ, умственною темнотою и духовнымъ убожествомъ, ограничено, тускло и слабо; попытки творчества безплодны или выливаются въ курьезныя и грубыя формы“ (Озеровъ). То-же самое наблюдается и въ области фабричной промышленности: грамотный рабочій всегда можетъ заработать больше, чѣмъ неграмотный; на фабрикѣ Цинделя дневной заработокъ неграмотныхъ и полуграмотныхъ рабочихъ составлялъ, кругомъ, 58 к., грамотныхъ—77 копеекъ. Не менѣе сильно недостатокъ общаго образованія и умственнаго развитія отражается на условіяхъ сельскохозяйственнаго труда и деревенской жизни. Чтобы понять улучшенные

пріемы хозяйства, чтобы умѣть отрѣшиться отъ наслѣдственной привычки и рутины, необходимо извѣстное умственное развитіе — нужно умѣть прочесть и понять сельскохозяйственную книжку, нужно умѣть разобраться въ разъясненіяхъ агронома, нужно понять сущность и смыслъ показываемаго опыта, который неразвитому уму легко можетъ показаться, просто, господскою забавой. Не даромъ сельскохозяйственные корреспонденты саратовскаго земства отмѣчаютъ, что „грамотные разумнѣе проводятъ время отдыха, чище живутъ, довѣрчиво относятся ко всякаго рода нововведеніямъ и, главное, благоразумнѣе въ санитарномъ отношеніи; грамотные отличаются большею расторопностью въ веденіи своего хозяйства, стараются вести хозяйство болѣе раціонально и т. д. Множество отвѣтовъ свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи грамотности на сельское хозяйство. Правда, въ виду того, что грамотные составляютъ новое поколѣніе и еще молоды, а хозяйство, главнымъ образомъ, ведется стариками, еще нѣтъ возможности этому новому фактору грамотности проявиться во всей своей силѣ: много еще стариковъ неученыхъ, а они держатся древняго обычая“ (Озеровъ).

Вліяніе общаго строя.

Но вѣдь если наши народныя массы малограмотны, — это тѣсно связано съ общимъ строемъ нашей гражданской и политической жизни. Вѣдь образованіе у насъ считалось какъ-бы сильнымъ ядомъ, который можно давать народу съ большою осторожностью: какъ мышьякъ полезенъ при малыхъ пріемахъ, но можетъ убить, если

принять большую порцію, такъ народное образованіе—думали многіе—полезно, пока оно не идетъ дальше простой грамотности, и вредно, даже гибельно для народа, если давать его слишкомъ большими порціями; образованіе—это „сильный ядъ, который можно принимать лишь съ большой осторожностью, въ малыхъ дозахъ и подъ наблюденіемъ опытнаго врача“, т.-е. администраціи. Мы поэтому не столько заботились о распространеніи широкаго образованія, сколько боролись съ нимъ, старались ослабить дѣйствіе этого „яда“ разными противоядіями: отсюда такая заботливость о распространеніи церковно-приходскихъ школъ,— предполагалось, что дѣйствіе яда грамотности въ этихъ школахъ будетъ ослабляться противоядіемъ церковнаго вліянія; отсюда непрестанная борьба правительства съ земствомъ, постоянныя старанія администраціи уменьшить участіе земства въ школьномъ дѣлѣ; отсюда гоненія, которымъ постоянно подвергалось такое необходимое для правильной постановки народнаго образованія учрежденіе, какъ учительскіе курсы; отсюда всевозможныя полицейскія сгѣсненія и препятствія, которыя ставились и ставятся дѣлу внѣшкольнаго образованія народа—достаточно вспомнить, какими формальностями и препонами обставлена такая вещь, какъ народныя чтенія...

Административный гнетъ.

Въ сказанномъ выражалось косвенное вліяніе нашего отживающаго свой вѣкъ, но пока еще не желающаго сдаваться политическаго строя. Но этотъ строй оказывалъ и гораздо болѣе прямое влія-

ніе въ образѣ того тяжкаго гнета, который тяготѣлъ и пока еще продолжаетъ тяготѣть надъ личностью крестьянина со стороны всякаго рода начальства. Этотъ административный гнетъ тяготѣлъ не только надъ личностью крестьянина, но и надъ столь необходимою и въ интересахъ улучшенія крестьянскаго хозяйства общественною самодѣятельностью, потому что вѣдь и крестьянскіе сходы, и крестьянскія выборныя власти—все это только по названію было крестьянское, а на самомъ дѣлѣ всѣмъ распоряжался по своему произволу земскій начальникъ. Понятно, что темный, связанный по рукамъ и по ногамъ всяческою опекой крестьянинъ не могъ ни сознать, какъ слѣдуетъ, необходимости улучшенія своего хозяйства, ни разобраться въ тѣхъ способахъ улучшенной обработки земли, которые давно знаетъ наука; и такимъ образомъ эта темнота, эта подавленность личности крестьянина были одною изъ главныхъ причинъ того, что крестьянское хозяйство не могло измѣняться и улучшаться, какъ того требовали измѣнившіяся условія, и главное,— какъ того требовалъ непрерывный ростъ населенія, переросшаго то, что̀ могла дать земля при старыхъ способахъ хозяйства.

И все это отнюдь не одни только пустые разговоры, не одни такъ называемыя общія мѣста, выдуманныя „неблагонадежными“ людьми,—сказанное можетъ стать совершенно яснымъ для всякаго изъ извѣстныхъ каждому жизненныхъ примѣровъ. Крестьяне въ какой-нибудь волости надумали образовать сельскохозяйственное общество съ цѣлью распространенія сельскохозяй-

ственныхъ знаній, производства хозяйственныхъ опытовъ, совмѣстной закупки орудій и сѣмянъ—дѣла о разрѣшеніи тянутся годами, а сплошь и рядомъ кончаются отказомъ, потому что земскій начальникъ или губернаторъ считаетъ образованіе общества ненужнымъ или вреднымъ. Какое-нибудь земство задумываетъ сельскохозяйственныя чтенія или бесѣды, но дѣло разстраивается изъ-за того, что избранные лекторы не нравятся администраціи; а если они и нравятся—для каждаго чтенія еще недавно требовался такой сложный порядокъ разрѣшенія, при которомъ совершенно невозможно было какое-либо живое дѣло. Въ Сибири широко развивается маслодѣліе; чтобы выгоды отъ него не достались небольшому числу торговцевъ и кулаковъ, необходимо организовать маслодѣльныя и молочныя артели или товарищества; но земскіе начальники (въ Сибири носящіе названіе крестьянскихъ) всячески препятствуютъ этому дѣлу, потому что дѣятельность такихъ товариществъ не подчиняется *ихъ* руководительству и контролю. И такъ рѣшительно во всемъ: всякое живое дѣло, необходимое для улучшенія крестьянскаго хозяйства и для подъема благосостоянія крестьянъ, разбивается о бюрократическую опеку и волокиту.

Община и міръ.

Когда начинаютъ говорить о гнетѣ надъ личною и общественною самодѣятельностью крестьянина, многіе очень охотно забываютъ о тѣхъ формахъ гнета, о которыхъ я только-что говорилъ, но зато тѣмъ охотнѣе говорятъ о томъ, что называютъ *общиннымъ* гнетомъ, о „зависимости крестьянина

отъ общины и міра“ (Ритпихъ),—и министерство И. Л. Горемыкина, выступая со своею декларацією передъ первою Государственною Думой, сочло необходимымъ упомянуть, въ числѣ необходимыхъ мѣръ къ подъему благосостоянія крестьянъ, и объ отмѣнѣ „всѣхъ тѣхъ ограниченій права собственности на надѣльныя земли“, которыя, будто-бы, созданы положеніями 19 февраля ради обезпеченія исправной уплаты выкупного долга; подъ этимъ нѣсколько мудренымъ названіемъ разумѣлась, конечно, община. На той-же почвѣ стоитъ и нынѣшнее министерство, замѣнившее кабинетъ И. Л. Горемыкина, — министерство П. А. Столыпина. Въ его глазахъ, если не немедленное, единовременное, рѣшительное уничтоженіе, то, во всякомъ случаѣ, возможно быстрое разложеніе общины представляется дѣломъ настолько необходимымъ и безотлагательнымъ, что ради скорѣйшаго проведенія направленныхъ къ этой цѣли мѣръ оно сочло возможнымъ прибѣгнуть къ тому порядку междудумскаго законодательства, который установленъ для экстренныхъ мѣръ, не терпящихъ никакого отлагательства,—и указъ 9 ноября 1906 г. о выдѣлѣ надѣльныхъ земель изъ общиннаго землевладѣнія былъ изданъ въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ, предусматривающей именно лишь такія, безусловно безотлагательныя мѣры. И въ этомъ отношеніи правительство шло навстрѣчу довольно распространенному въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ взгляду, имѣющему не мало представителей и среди крестьянъ. Вѣдь очень многіе, въ самомъ дѣлѣ, видятъ въ общинѣ и общинномъ, мірскомъ

землевладѣніи корень всѣхъ золъ, переживаемыхъ нашею деревней. Говорятъ, что при общинномъ землевладѣніи крестьянинъ, связанный трехпольемъ и общинными распорядками, рискующій лишиться своей земли при передѣлѣ, лишенный свободы въ выборѣ чередованія хлѣбовъ и способовъ обработки земли, не можетъ улучшать свое хозяйство, — отсюда, будто-бы, и плохіе урожаи, отсюда, значитъ, и голодовки; и такіе взгляды, какъ я сказалъ, распространены не только въ образованномъ обществѣ и въ правительственныхъ кругахъ, — такъ думаютъ и говорятъ многіе изъ крестьянъ, въ особенности тѣ, кто боится передѣла, чтобы не отдать лишнюю противъ душевого расчета землю; много голосовъ раздавалось въ этомъ смыслѣ на московскомъ съѣздѣ старообрядцевъ,—вопросъ объ общинѣ и мірскомъ землевладѣніи, о пользѣ или вредѣ передѣловъ, былъ однимъ изъ тѣхъ, по которомъ на съѣздѣ происходили самыя жаркія пренія, и съѣздъ, въ концѣ-концовъ, такъ и остался при полномъ разногласіи. Но все, что̀ говорится противъ общиннаго землевладѣнія, нисколько не доказано Вѣдь и тамъ, гдѣ земли *не* передѣляютъ, крестьянское хозяйство и по-сейчасъ ведется не лучше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ община и передѣлы, и, напротивъ, тамъ, гдѣ передѣляютъ землю, хозяйство ведется теперь далеко не такъ, какъ велось 100 или 50 лѣтъ тому назадъ. „Мудрено доказывать,—говоритъ проф. А. И. Чупровъ,--недоступность для крестьянъ - общинниковъ усовершенствованной техники, улучшенныхъ способовъ обработки земли,

послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному, правильному земледѣлію — перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ". Хорошо-ли или худо это многополье—это другой вопросъ; важно то, что община не помѣшала крестьянамъ переломать поля, перейти къ совершенно новымъ способамъ хозяйства, и не только не помѣшала, но даже помогла, — значитъ, она и въ будущемъ не будетъ мѣшать *дѣйствительно необходимымъ* и общеполезнымъ перемѣнамъ въ устройствѣ крестьянскаго хозяйства. А если въ другихъ мѣстностяхъ крестьянинъ не улучшаетъ своего хозяйства, то это не оттого, что ему мѣшаетъ община со своими передѣлами, а оттого, что онъ бѣденъ, что онъ теменъ, что онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ административнымъ гнетомъ, а главное— что онъ пока еще плохо вѣритъ въ необходимость улучшеній, что онъ все еще продолжаетъ считать ихъ барскою затѣей. И отъ этихъ-то причинъ, какъ я сказалъ, крестьянское хозяйство не улучшается и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне уже очень давно, съ самой X ревизіи или съ выхода на волю, не передѣляли и не собираются передѣлять землю, и въ такихъ (напримѣръ, въ Малороссіи), гдѣ вовсе нѣтъ общиннаго землевладѣнія. Какъ никакъ, а подмосковный районъ, хотя въ немъ и существуетъ община, давнымъ давно ведетъ хозяйство съ навознымъ удобреніемъ, а теперь переходитъ къ многополью съ травосѣяніемъ; въ Малороссіи же, гдѣ общины

пѣтъ, до сихъ поръ еще не дошли до навознаго удобренія, а продолжаютъ вести все то-же извѣчное пестропольное хозяйство. Если что̀ дѣйствительно мѣшаетъ крестьянину улучшать свое хозяйство, то это не община и не общинное землевладѣніе, а такія вещи, какъ круговая порука въ отбываніи казенныхъ платежей, какъ длинноземелье и чрезполосность надѣльныхъ земель,— но все это такія вещи, въ которыхъ община нисколько не повинна: длинноземелье и чрезполосность не слабѣе въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, а круговая порука была навязана общинѣ правительствомъ; общинное землевладѣніе существовало и тамъ, гдѣ не было никакой круговой поруки, и недавнее упраздненіе круговой поруки правительствомъ нисколько не помѣшало и не помѣшаетъ ея существованію. Въ концѣ-концовъ „противники общины и абсолютные защитники общины слишкомъ много придаютъ значенія вопросу объ общинѣ при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, при чемъ одни склонны видѣть въ ней чуть не якорь спасенія противъ капитализма“ и противъ всѣхъ бѣдъ, которыя претерпѣваетъ крестьянство, „а другіе склонны считать ее единственною причиною всѣхъ бѣдъ, которыя претерпѣваетъ крестьянство. Если невѣрно представленіе объ общинѣ послѣднихъ, то не болѣе основательны и ожиданія первыхъ“ (Масловъ) И обратно: если неправы тѣ немногіе (да и есть ли еще такіе?!), кто въ самомъ дѣлѣ видитъ въ общинѣ „якорь спасенія противъ *всѣхъ* бѣдъ“, то не менѣе неправы тѣ, кто въ общинѣ видитъ „единственную причину всѣхъ

бѣдъ", и кто уничтоженіемъ общины думаетъ серьезно помочь народному горю.

Финансовая система.

Гораздо важнѣе, въ числѣ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства и въ числѣ условій, препятствующихъ его улучшенію, другое обстоятельство, именно дурная финансовая система. И дѣло тутъ вовсе не въ выкупныхъ платежахъ. Какъ я говорилъ въ первой части этого курса, выкупные платежи послѣднее время были отнюдь не тяжелы, по указу же 3 декабря 1905 года они и совершенно отмѣнены, а между тѣмъ крестьянамъ отъ этого не стало легче. Дѣло не въ выкупныхъ платежахъ, а именно *во всей финансовой системѣ* государства. Это была, можно сказать, финансовая система наизнанку. Всѣ податныя тягости ложились прежде всего на нашу многострадальную деревню; крестьянской землѣ приходилось нести во много разъ больше всякаго рода повинностей и платежей, нежели помѣщичьей, крестьянину съ малымъ надѣломъ приходилось платить съ десятины гораздо больше, чѣмъ многонадѣльному. Эта система заставляла крестьянина переплачивать на всемъ необходимомъ—на керосинѣ, сахарѣ, чаѣ, казенномъ винѣ, на спичкахъ, на своей одеждѣ, — рѣшительно на всемъ; крестьянинъ переплачивалъ за желѣзныя издѣлія, потому что желѣзо было обложено пошлинами въ интересахъ желѣзныхъ заводчиковъ; онъ переплачивалъ на сахарѣ, потому что правительство искусственно поддерживало выгодныя для сахарозаводчиковъ дорогія цѣны на сахаръ. Эта податная система выжимала изъ деревни

каждый лишній грошъ, заставляла продавать каждый лишній и не лишній пудъ хлѣба; у крестьянина, отъ этого, не оставалось никакихъ средствъ не только чтобы улучшать свое хозяйство, но даже чтобъ имѣть какой-нибудь запасъ про черный день,—и это было одною изъ главныхъ причинъ того, что каждый сильный неурожай ведетъ у насъ за собою голодовку. И государство, вытягивавшее всѣ соки изъ деревни, жившее тѣмъ, что̀ ему удавалось такъ или иначе, не мытьемъ, такъ катаньемъ, выжать изъ мужика,—это государство находило деньги на все, что̀ угодно: и на войско, и на флотъ, и на желѣзныя дороги, и на разныя воспособленія дворянамъ и дворянству,—но не находило денегъ, когда онѣ были нужны для крестьянъ; денегъ не было ни на народную школу, ни на переселеніе, ни на расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, ни на улучшеніе крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.

Сельскохозяйственный кризисъ.

Наконецъ я долженъ упомянуть еще о двухъ группахъ условій, также повинныхъ въ бѣдственномъ положеніи нашего крестьянства, и прежде всего о такъ называемомъ общемъ сельскохозяйственномъ кризисѣ, отъ котораго страдаютъ сельскіе хозяева, крупные и мелкіе, и у насъ, въ Россіи, и въ Западной Европѣ. Суть этого сельскохозяйственнаго кризиса въ томъ, что въ послѣднія, примѣрно, 25 лѣтъ очень увеличились распашки въ новыхъ странахъ—въ Америкѣ, Индіи, Австраліи и пр., — странахъ съ еще свѣжими и очень плодородными землями,

гдѣ, поэтому, хлѣбъ можно получать съ самыми небольшими затратами на обработку земли. Эти заморскія страны стали посылать свой дешевый хлѣбъ въ Европу, и отъ этого сильно упали цѣны и въ Западной Европѣ, и у насъ въ Россіи: до тѣхъ поръ вѣдь *мы* были почти-что главными поставщиками хлѣба въ Западную Европу, — новые поставщики уронили цѣны, и теперь и намъ приходится дешевле продавать свой хлѣбъ. Главный убытокъ отъ этого, конечно, крупнымъ землевладѣльцамъ; но не мало повредили дешевыя цѣны на хлѣбъ и нашимъ крестьянамъ,—и не только тѣмъ, у кого есть лишній хлѣбъ, но даже и тѣмъ, у кого своего хлѣба не хватаетъ: вѣдь и тотъ крестьянинъ, которому недостаетъ хлѣба на годовое прокормленіе, осенью все-таки продаетъ хлѣбъ на подати, на расплату съ долгами и на всякую неотложную нужду; тѣмъ паче, конечно, продаетъ хлѣбъ тотъ, у кого есть излишекъ. Разъ цѣны на хлѣбъ упали,—значитъ, для того, чтобы выручить, скажемъ, 25 рублей на необходимые расходы, приходится продать съ осени уже не 30 или 35, а 40—45 пудовъ хлѣба. Но разъ больше пришлось продать хлѣба съ осени, чтобы выручить необходимыя деньги, значитъ, весной придется купить больше обратно, уже по весенней, дорогой цѣнѣ; и многіе изъ тѣхъ, кто при хорошей осенней цѣнѣ на хлѣбъ могъ-бы выручить нужныя деньги отъ продажи одного только излишка хлѣба, при дешевой цѣнѣ вынуждены продавать и часть необходимаго, а весной—покупать обратно...

Капитализація промысловъ.

Упомяну также вкратцѣ о томъ, что называютъ „индустріализаціей и капитализаціей“ обрабатывающей промышленности. Въ прежнее время, еще не такъ давно, крестьянинъ не только кормился отъ земли и надѣльнаго хозяйства; онъ и всѣ остальныя важнѣйшія потребности удовлетворялъ продуктами собственнаго хозяйства — достаточно напомнить объ одеждѣ, которая изготовлялась изъ своего льна, конопли и шерсти; въ то время, значитъ, крестьянамъ не нужно было или было очень мало нужно денегъ и на одежду, и на обувь, и на такія вещи, какъ керосинъ, какъ всяческая домашняя утварь; вообще, покупали крестьяне мало,—значитъ и денегъ имъ требовалось немного. Во многихъ мѣстностяхъ, кромѣ того, существовали разнообразные кустарные промыслы—гдѣ ткачество, гдѣ выдѣлка разныхъ деревянныхъ или желѣзныхъ издѣлій, и они давали крестьянамъ хотя и не обильные, но все же достаточные заработки, въ дополненіе къ доходу отъ своего хозяйства. Теперь все стало выдѣлываться на фабрикахъ; крестьянская домашняя и кустарная промышленность либо прекратилась, либо кустарямъ, чтобы какъ-нибудь сбыть свои издѣлія, приходится отдавать ихъ по гораздо болѣе дешевымъ цѣнамъ. Съ другой стороны, крестьянинъ теперь одѣвается уже не въ домотканыя, а въ фабричныя ткани; онъ покупаетъ сапоги, чай, сахаръ, керосинъ, металлическую посуду, многое изъ домашней утвари и т. п. И вотъ, получается такое положеніе: крестьянинъ, который прежде имѣлъ хорошій заработокъ отъ кустарнаго промысла,

теперь ничего не зарабатываетъ отъ промысла или зарабатываетъ гораздо меньше; крестьянская семья, которой прежде домотканая одежда ничего не стоила, которая не тратила денегъ на освѣщеніе, на домашнюю утварь, на чай и сахаръ, теперь одѣвается въ покупные ситцы и сукна, носитъ покупную обувь, жжетъ покупной керосинъ въ купленной лампѣ-коптилкѣ и т. д. Доходъ крестьянина, значитъ, сталъ гораздо меньше, а денежный расходъ—гораздо больше: надѣльная земля должна уже *не только прокормить* крестьянина и дать ему деньги на повинности,—она должна ему *дать и деньги* на всѣ необходимыя покупки; разъ этихъ денегъ нельзя выручить отъ продажи излишка, приходится, опять-таки, продавать необходимое и потомъ либо не доѣдать, либо какъ-нибудь покупать обратно. Это случилось, правда, не въ одной только Россіи, а во всѣхъ странахъ—и вездѣ крестьянамъ, въ особенности крестьянамъ съ мелкими земельными участками, отъ этого стало гораздо тяжелѣе жить. Но одно дѣло въ зажиточной Америкѣ или въ Германіи, другое дѣло у насъ, гдѣ и безъ того всякій ломоть хлѣба на счету, гдѣ крестьянину, чтобы купить сапоги или зипунъ, приходится продать лишній возъ хлѣба, котораго ему и безъ того не хватало или едва хватало: „приходилось отчуждать все больше и больше сельскохозяйственныхъ продуктовъ для удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя до того удовлетворялись собственнымъ трудомъ, такъ что объ увеличеніи производительности своего

земледѣльческаго труда надо было забыть и думать“ (Н.—онъ)

Роль города и фабрики.

Но фабрика, убивъ кустарную и домашнюю промышленность, сокративъ этимъ приходы и увеличивъ расходы крестьянской семьи, могла отвлечь извѣстную часть населенія отъ земли и этимъ ослабить дѣйствіе естественнаго прироста населенія, разрѣдить надвигающуюся земельную тѣсноту. Такъ дѣло идетъ на Западѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ. Такъ, въ Германіи земледѣльческое населеніе въ 1882 году составляло $19^1/_4$ милліоновъ душъ обоего пола, въ 1895 году, черезъ тринадцать лѣтъ—уже всего только $18^1/_2$ милліоновъ. Во Франціи въ 1881 году насчитывалось $18^1/_4$ милліоновъ, черезъ 10 лѣтъ, въ 1891 году, уже только $17^1/_2$ милліоновъ земледѣльческаго населенія. Значитъ, въ обѣихъ этихъ странахъ приростъ населенія не только не ведетъ за собою усиленія земельной тѣсноты, но напротивъ,—земельный просторъ возрастаетъ, земледѣльческому населенію становится свободнѣе и шире на землѣ: городъ, фабрика, не только поглощаютъ весь приростъ земледѣльческаго населенія, но отвлекаютъ отъ земли даже часть тѣхъ, кто раньше занимался земледѣліемъ. Мѣстами и у насъ замѣчается нѣчто похожее; въ Московской губерніи, напримѣръ, почти пятая часть крестьянъ забросила свои надѣлы и ушла въ города или на фабрики. Въ общемъ, однако, этого у насъ нѣтъ и не можетъ быть. На Западѣ фабрично-заводская промышленность можетъ расти такъ сильно потому, что она работаетъ от-

части на иностранные, въ особенности заморскіе рынки, отчасти на тотъ широкій спросъ, который предъявляетъ на продукты сравнительно состоятельное, значитъ, располагающее покупными средствами собственное населеніе страны. Нашей промышленности нельзя расширяться въ расчетѣ на внѣшніе рынки — эти рынки уже захвачены промышленностью западно-европейскихъ странъ, наша же промышленность пока еще такъ мало развита, что ей въ пору не искать внѣшнихъ рынковъ, а обороняться отъ конкуренціи иностранной промышленности: не даромъ у насъ существуютъ высокія пошлины на продукты послѣдней, не даромъ намъ приходится переплачивать на всемъ, чтобы поддержать „отечественную промышленность“, иначе сказать, нашихъ фабрикантовъ, которые безъ этого не могли бы конкурировать съ иностранными. Наша промышленность могла бы широко развиться только за счетъ внутренняго рынка,—но этого не происходитъ, промышленность развивается медленно, потому что громадная масса населенія Россіи — это мужикъ; мужикъ бѣденъ, у него нѣтъ покупательной силы, значитъ наша фабрично-заводская промышленность не можетъ расти, потому что она не найдетъ покупателей на свои продукты. Впослѣдствіи, если аграрная реформа и преобразованіе всей нашей политической и финансовой системы, повышеніе уровня народнаго образованія и умственнаго развитія народныхъ массъ, улучшеніе сельскохозяйственной культуры и связанное съ нимъ повышеніе производительности и доходности крестьянскихъ земель, поднимутъ

благосостояніе нашихъ крестьянскихъ массъ; если благодаря этому возрастетъ нашъ внутренній рынокъ,—можно ожидать и сильнаго развитія нашей обрабатывающей промышленности. Но случится это, конечно, не такъ скоро. А въ ближайшемъ будущемъ можно, скорѣе, ожидать обратнаго: слѣды современнаго политическаго и соціальнаго кризиса изгладятся еще не скоро; если болѣе свободный государственный строй ослабитъ нынѣ дѣйствующее таможенное покровительство, это на первое время приведетъ, вѣроятно, только къ сокращенію фабрично-заводской промышленности, по крайней мѣрѣ многихъ отраслей ея, которымъ пока еще не подъ силу конкурировать съ иностранною промышленностью, и только впослѣдствіи, по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, можно ожидать здороваго и сильнаго расцвѣта нашей обрабатывающей промышленности, такого расцвѣта, при которомъ она оказалась бы въ состояніи отвлекать отъ земледѣлія весь приростъ населенія или хотя бы значительную часть этого прироста. Значитъ, въ ближайшемъ времени земледѣльческое населеніе у насъ будетъ продолжать сгущаться; земля, земледѣліе, должны будутъ прокармливать все больше и больше народу; значитъ, *для насъ* коренной вопросъ—въ землѣ, и этотъ вопросъ долженъ разрѣшаться на землѣ. И отсюда-то крайняя острота и неотложность нашего земельнаго вопроса: на Западѣ излишекъ населенія уходитъ отъ земли, у насъ онъ остается на землѣ и настоятельно требуетъ земли.

Опять вопросъ о малоземельѣ.

Мы, значитъ, опять подошли къ самому главному — къ вопросу о малоземельѣ.

Я говорю, что это самое главное. И въ самомъ дѣлѣ, кто хоть сколько-нибудь прислушивался къ тому, или вчитывался въ то, о чемъ говорятъ, и чего требуютъ крестьяне, тотъ знаетъ, что они говорятъ прежде всего о землѣ и требуютъ прежде всего земли; они требовали земли и въ тысячахъ приговоровъ, которыми заваливались правительственныя учрежденія, и въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, и въ депутатскихъ наказахъ, и въ рѣчахъ крестьянскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ, и на старобрядческомъ съѣздѣ, и на съѣздахъ крестьянскаго союза. Требуютъ земли безземельные, отцы которыхъ либо были дворовыми и потому не получили права на земельный надѣлъ, либо при выходѣ на волю почему-либо отказались отъ надѣла. Требуютъ земли дарственники, которые въ 1861 году дали себя заманить или загнать на четвертной надѣлъ, и которые слишкомъ скоро почувствовали послѣдствія своей неосторожности и довѣрчивости. Требуютъ земли всѣ тѣ, отъ кого, при выходѣ на волю, почему-нибудь отошла добрая часть прежней тягловой земли,—да отошла еще отъ многихъ такъ, что они оказались какъ бы въ западнѣ или въ мышеловкѣ. Но такъже громко требуютъ земли и тѣ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которымъ поступила въ надѣлъ вся, до послѣдней пяди, тягловая земля; требуютъ ея и бывшіе государственные крестьяне, получившіе въ надѣлъ въ однѣхъ

губерніяхъ по восьми, въ другихъ—по пятнадцати десятинъ на душу десятой ревизіи, и теперь еще имѣющіе въ многоземельныхъ мѣстностяхъ по 7—8 дес., въ малоземельныхъ—по 3—4 дес. на наличную мужскую душу. Требуютъ прирѣзки земли даже переселенцы, которымъ какихъ-нибудь десять, а то и пять лѣтъ тому назадъ отведено: въ Заволжьѣ по 5, 6, 7 дес., въ Сибири и Степномъ краѣ — по 15 удобныхъ десятинъ на наличную мужскую душу. Требуютъ земли и „на прибылыя души“, и по случаю плохого грунта или выпаханности земли, и изъ-за недостатка сѣнокосовъ или скотскаго выпуска; требуютъ земли „малолѣтки“ и „заревизные“, которымъ не удается добиться передѣла, и переселенцы-новоселы, причисленные къ старымъ поселкамъ—у нихъ изъ-подъ носу староселы выхватили всѣ лучшія угодья. И что крестьянину въ самомъ дѣлѣ тѣсно, это показываетъ и повсемѣстное распространеніе аренды, и страшно быстрый ростъ, какъ продажныхъ, такъ и арендныхъ цѣнъ на землю. Крестьянинъ арендуетъ вездѣ, гдѣ только есть возможность, онъ снимаетъ все, что только сдается въ аренду; и если крестьяне гдѣ-нибудь *не* арендуютъ земли, то не потому, что не хотятъ или что имъ не нужно, а либо потому, что въ округѣ земля не сдается, либо потому, что не на что арендовать. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ крестьянскій банкъ покупалъ землю кругомъ по 39 рублей; въ 1896 году—уже по 52 р., въ 1902 году—вдвое дороже, по 108 рублей, въ 1906 году, кругомъ, по 130 рублей за десятину. Помѣщичьи земли въ Полтавской губерніи въ 1890 году арен-

довались, кругомъ же, по 8 руб. 60 коп., а чрезъ 10 лѣтъ, въ 1901 году—въ полтора раза дороже, по 12 руб. 60 коп. „Регуляторомъ арендныхъ цѣнъ,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ,—сдѣлалась крестьянская земельная нужда, и онѣ стали расти внѣ всякой связи съ доходностью самихъ земель". Иначе сказать: цѣны на землю поднимаются не потому, что хозяйство на землѣ даетъ больше дохода, чѣмъ прежде, а только потому, что растетъ крестьянская земельная нужда, и крестьянинъ готовъ покупать и арендовать хоть себѣ въ убытокъ, только бы достать земли...

Въ недостаткѣ ли земли суть дѣла?

Крестьянину, мы видимъ, тѣсно, ему не хватаетъ земли. Я уже ставилъ выше вопросъ: отчего это такъ, въ чемъ тутъ суть дѣла? Въ томъ ли, что земли, въ самомъ дѣлѣ, мало, что малы крестьянскіе надѣлы, или въ томъ, что земля мало даетъ? Въ недостаточности размѣра надѣловъ—или въ плохомъ хозяйствѣ, въ низкой производительности и малой доходности крестьянскихъ земель?

На первый взглядъ тутъ не о чемъ и спрашивать... Конечно, скажетъ всякій или почти всякій, благосостояніе или нищета крестьянина вполнѣ зависятъ отъ того, много или мало у него земли. Вѣдь не даромъ населеніе малонадѣльныхъ крестьянскихъ обществъ за двадцатилѣтіе 1858—1877 гг. возросло въ общихъ итогахъ по всей Россіи, всего на 16—19%, а населеніе хорошо обезпеченныхъ землею обществъ—на 27—30%: приростъ у хорошо обезпеченныхъ землею, значитъ, почти вдвое сильнѣе, чѣмъ у малона-

дѣльныхъ. И приблизительно то-же самое наблюдается и въ отдѣльныхъ районахъ и губерніяхъ: въ Воронежской, напримѣръ, губерніи, по вычисленіямъ земскихъ статистиковъ, годовая смертность въ хорошо надѣленныхъ землею обществахъ не превышаетъ 26—28 человѣкъ на тысячу населенія; въ средненадѣльныхъ обществахъ она поднимается уже до 32, въ обществахъ съ самыми малыми надѣлами—даже до 35 на тысячу .. Но въ томъ-то и дѣло, что такая разница окажется лишь въ томъ случаѣ, если сравнивать между собою получившихъ большіе и малые надѣлы крестьянъ въ *какомъ-нибудь одномъ* районѣ, гдѣ ведется приблизительно однородное хозяйство. Но *этого* вѣдь и доказывать не надо: само собою разумѣется, что при одинаковомъ хозяйствѣ, когда, значитъ, и производительность земли приблизительно одинакова, двѣ десятины даютъ крестьянину больше, чѣмъ одна, а семь десятинъ даютъ больше, нежели четыре; что, значитъ, крестьянину на семи десятинахъ будетъ житься лучше, чѣмъ на четырехъ, а съ одною десятиною будетъ тяжелѣе, чѣмъ съ двумя. Совсѣмъ другое получится, если сравнивать положеніе крестьянъ *разныхъ мѣстностей*, съ разными порядками крестьянскаго хозяйства. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, чаще всего и сильнѣе всего свирѣпствуютъ голодовки? Развѣ въ густо-населенной, малоземельной Малороссіи и среди еще хуже обезпеченнаго надѣльною землею крестьянства Юго-Западнаго края? Совсѣмъ нѣтъ: чаще всего и сильнѣе всего голодаютъ въ Приволжьѣ и Заволжьѣ, гдѣ у крестьянъ, въ среднемъ, вдвое, втрое и

вчетверо больше земли, чѣмъ въ Малороссіи или въ юго-западныхъ губерніяхъ; голодаютъ въ Сибири и въ киргизскихъ степяхъ, гдѣ переселенцамъ отведено по 45 десятинъ одной удобной земли на семейство, и гдѣ, кромѣ того, можно задешево снимать, сколько вздумается, киргизскихъ земель. Гдѣ за крестьянами накапливаются самыя большія недоимки — вѣдь большая недоимка, какъ никакъ, ясный признакъ разстроеннаго положенія крестьянскаго хозяйства? Опять-таки, въ томъ-же Приволжьѣ и Заволжьѣ и, напротивъ, исправнѣе всего подати поступаютъ въ самыхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной полосы; нечего уже говорить о той общеизвѣстной вещи, что во всей нечерноземной полосѣ, съ ея тощими почвами, недоимокъ во много разъ меньше, чѣмъ на нашемъ плодородномъ черноземѣ. Гдѣ населеніе даетъ самый большой приростъ? Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ былой просторъ давно отошелъ въ область преданій, и въ малоземельныхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ; а въ многоземельномъ Заволжьѣ приростъ населенія меньше, чѣмъ въ крайне малоземельномъ Юго-Западномъ краѣ... Вообще, если сравнивать положеніе крестьянъ въ *различныхъ* мѣстностяхъ, то никакъ нельзя будетъ сказать, чтобы многоземельнымъ крестьянамъ жилось лучше, чѣмъ малоземельнымъ, скорѣе выходитъ, какъ будто бы, наоборотъ... И это совершенно понятно Вѣдь десятина земли въ Заволжьѣ или въ многоземельной Сибири даетъ, кругомъ, гораздо меньше, чѣмъ такая-же десятина въ районѣ трехпольнаго хозяйства, а деся-

тина земли въ трехпольномъ районѣ даетъ крестьянину, опять-таки, далеко меньше, чѣмъ въ Ярославской губерніи съ ея промысловымъ огородничествомъ, или въ Юго-Западномъ краѣ съ его свекловичными плантаціями. Крестьянская семья съ десятью десятинами земли можетъ превосходно жить гдѣ-нибудь въ Подольской губерніи; но на тѣхъ-же десяти десятинахъ она будетъ голодать гдѣ-нибудь въ Заволжьѣ, въ Самарской или Оренбургской губерніи: на десяти десятинахъ здѣсь вовсе нельзя вести никакого хозяйства. Въ Сибири будетъ „тѣсно“ даже на 20—25 десятинахъ; между тѣмъ 20—25 десятинъ—это даже въ Заволжьѣ порядочный надѣлъ, а въ Малороссіи—это чуть не маленькое дворянское имѣнье...

Вы видите изъ этого, что сказать „тѣсно“, „мало земли“,—это еще вовсе не значитъ разрѣшить вопросъ: что̀ въ одномъ мѣстѣ будетъ очень мало, то въ другомъ можетъ оказаться, напротивъ, очень много; возьмемъ хоть участокъ земли площадью въ десять десятинъ,—это, смотря по хозяйству, можетъ оказаться чрезвычайно мало и можетъ оказаться очень много—гораздо больше, чѣмъ можетъ обработать или вообще использовать крестьянская семья. Значитъ, „малоземелье“, „утѣсненіе“—это все понятія условныя, относительныя; какой-нибудь земельный участокъ будетъ очень малъ, если урожай хлѣбовъ не превышаетъ въ среднемъ 23 пудовъ, какъ у насъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ; онъ будетъ совсѣмъ не малъ, если средній урожай будетъ 116 пудовъ, какъ въ Бельгіи; и тотъ-же участокъ, это будетъ цѣлое имѣ-

ніе, гдѣ придется держать, можетъ-быть, десятки батраковъ и нанимать сотни поденщиковъ, если онъ будетъ разработанъ подъ виноградникъ или огородъ.

Земельное обезпеченіе у насъ и на Западѣ.

Можно ли сказать, что у насъ, такъ-таки просто, *мало земли?* Вѣдь если корень нашего аграрнаго кризиса просто въ томъ, что у нашихъ крестьянъ мало земли, такъ значитъ въ Западной Европѣ, гдѣ нѣтъ ни голодовокъ, вообще ничего похожаго на бѣдственное положеніе громадной массы нашего крестьянства, должно быть *больше* земли, чѣмъ сколько имѣется у насъ?!. И вотъ, попробуемъ сравнить данныя о земельной обезпеченности крестьянъ у насъ съ данными о землевладѣніи сельскаго населенія въ Западной Европѣ. Въ среднемъ выводѣ для всей Европейской Россіи крестьяне получили у насъ на ревизскую душу по 4,8 десятинъ; теперь, на наличную душу мужескаго пола, они имѣютъ, кругомъ-же, приблизительно $2^1/_4$—$2^1/_3$ десятины, т.-е. около семи десятинъ на дворъ, считая въ крестьянскомъ дворѣ по три мужскихъ души. Земельное обезпеченіе крестьянъ разныхъ районовъ очень различно: въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ Малороссіи и въ сѣверо-западныхъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ на дворъ приходится, круглымъ счетомъ, по 4—5, мѣстами даже и по 3 десятины; въ сѣверныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ—примѣрно по 12—13 десятинъ; во всѣхъ остальныхъ—центрально-черноземныхъ, приволжскихъ и промышленныхъ губерніяхъ—по 5, 6, гдѣ по 7 десятинъ. Но если мы возьмемъ статисти-

ческія данныя о крестьянскомъ землевладѣніи въ западно-европейскихъ государствахъ, то увидимъ, что въ Германіи и во Франціи около трехъ четвертей (71,6 и 76,5%), а въ Бельгіи даже свыше девяти десятыхъ (90,1%) всѣхъ крестьянскихъ дворовъ имѣютъ менѣе пяти гектаровъ земли, т.-е. на нашу мѣру менѣе $4^1/_2$ десятинъ Въ Германіи крестьянинъ, имѣющій отъ двухъ до пяти гектаровъ (1,8—4,5 дес.) считается уже „клейнбауеромъ"—это полный, хотя и мелкій хозяинъ; онъ не только не ходитъ по батракамъ, но напротивъ—когда случится, и самъ принанимаетъ людей, и, во всякомъ случаѣ, живетъ на доходъ со своего земельнаго участка. А нѣмецкій крестьянинъ съ 5, 8, 10 десятинами—это „миттельбауеръ" „хозяинъ средней руки"; онъ уже работаетъ на продажу и непремѣнно держитъ батраковъ,—развѣ только у самого ужъ очень большая семья...

Но вѣдь какъ же можно, скажете вы, сравнивать десятину земли у нѣмецкаго, а тѣмъ паче у бельгійскаго крестьянина съ десятиной у пасъ въ Заволжьѣ, а тѣмъ болѣе, гдѣ-нибудь въ Сибири?.. Вѣдь нѣмецкій крестьянинъ со своей десятины получаетъ, можетъ-быть, втрое больше, чѣмъ нашъ полтавецъ, въ десять разъ больше, чѣмъ самарецъ, въ двадцать или въ тридцать разъ больше, чѣмъ нашъ сибирякъ или переселенецъ, хозяйничающій гдѣ-нибудь въ киргизскихъ степяхъ. Такъ какое-же тутъ можетъ быть сравненіе?.. И въ самомъ дѣлѣ, именно на этомъ-то я настаиваю: *сравненія никакого быть не можетъ*: бельгійскій крестьянинъ съ пятью гектарами не можетъ и, конечно, не вздумаетъ жа-

ловаться на малоземелье, а самарецъ съ пятнадцатью десятинами *будетъ* жаловаться и *имѣетъ право* жаловаться. Но это *не потому, что у самарца мало земли*—земли у него втрое или впятеро больше, чѣмъ у бельгійскаго или нѣмецкаго крестьянина--а потому, что *земля,* при теперешнемъ хозяйствѣ, ему *слишкомъ мало даетъ и слишкомъ малаго стоитъ.*

Абсолютно-малоземельные.

Значитъ, выходитъ какъ будто бы, что у насъ никакого малоземелья нѣтъ? Значитъ, всѣ разговоры о малоземельи, всѣ требованія прирѣзокъ и дополнительнаго надѣла,—все это одни пустые разговоры, не стоящіе вниманія?.. Нисколько. Вѣдь прежде всего—четыре, пять или даже три десятины на дворъ въ Малороссіи или въ Западномъ краѣ, 12—13 десятинъ въ Заволжьѣ—это только *среднія* цифры: сколько приходится кругомъ на каждый крестьянскій дворъ. Въ каждой мѣстности есть и такіе, у которыхъ земли, и даже одной надѣльной земли (не считая купчей), гораздо больше, но есть и совсѣмъ малоземельные, у которыхъ земли гораздо меньше. Достаточно вспомнить о дарственникахъ съ ихъ „четвертными“ надѣлами—вѣдь они составляютъ, въ общемъ итогѣ по 37 губерніямъ, гдѣ дѣйствовало „общее положеніе“ 19 февраля, почти десятую часть (9%) всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этихъ губерній, въ губерніяхъ Екатеринославской, Таврической, Вятской, Пермской и Саратовской дарственники составляютъ около трети, въ Самарской и Уфимской болѣе двухъ пятыхъ, а въ Оренбургской даже три четверти всѣхъ бывшихъ

помѣщичьихъ крестьянъ. Если взять данныя о распредѣленіи всѣхъ вообще крестьянъ, безъ различія разрядовъ, по размѣрамъ земельнаго надѣла, то мы увидимъ, что 1.887.000 ревизскихъ душъ, т.-е. 18,8%, или почти одна пятая, всего крестьянскаго населенія получили въ надѣлъ менѣе двухъ десятинъ на ревизскую душу, изъ нихъ 555.000 ревизскихъ душъ получили менѣе одной десятины; 1.887.000 ревизскихъ душъ—это, примѣрно, около семи или семи съ половиною милліоновъ душъ наличнаго населенія. Что у этихъ семи или $7^1/_2$ милліоновъ *мало земли*,—объ этомъ не приходится и говорить: вѣдь даже двѣ десятины на ревизскую душу—это, круглымъ счетомъ, около десятины на наличную мужскую душу или около трехъ десятинъ на наличный дворъ. Конечно, и крестьянинъ, получившій на ревизскую душу $1^1/_2$ или 2 десятины и теперь имѣющій по расчету на наличный дворъ двѣ или три десятины, могъ бы просуществовать на своемъ надѣлѣ, если бы велъ хозяйство такъ, какъ хозяйствуетъ нѣмецкій или англійскій крестьянинъ. Но объ этомъ—всякому ясно—не приходится и говорить. „Можетъ ли огородная культура злаковъ,—справедливо замѣчаетъ А. В. Пѣшехоновъ,—быть выгодной, разъ рядомъ ведется переложное хозяйство? При данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ долженъ быть одинъ раціональный уровень интенсификаціи“—одинъ разумный способъ веденія хозяйства, „равно обязательный для всѣхъ хозяевъ данной территоріи“,—и нѣтъ никакой возможности „ожидать, что одна группа хозяевъ можетъ довести свое

земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей". Иначе сказать, дарственники съ ихъ четвертными надѣлами, вообще крайне малоземельные крестьяне, не могутъ такъ устроить свое хозяйство, чтобы имѣть возможность прожить съ какой-нибудь десятины или двухъ, разъ кругомъ все населеніе имѣетъ втрое или вчетверо, а гдѣ есть государственные крестьяне, то и въ десять разъ больше земли, и разъ все хозяйство окрестнаго населенія приспособилось именно къ такому, болѣе значительному размѣру земельнаго надѣла. *Такимъ* малоземельнымъ нѣтъ другого выхода, какъ либо получить дополнительный надѣлъ и сравняться съ остальнымъ мѣстнымъ крестьянствомъ, либо совсѣмъ бросить землю и искать другого источника средствъ существованія. Многіе—и даже изъ искренно желающихъ добра народу—думаютъ, что и въ такомъ исходѣ вовсе не было бы худа: пусть лучше такіе малоземельные совсѣмъ бросятъ землю и пойдутъ въ городъ или на фабрику, чѣмъ жить впроголодь на жалкихъ клочкахъ своихъ „нищенскихъ" надѣловъ... Но вѣдь для того, чтобы такъ могло случиться, нужно было бы, чтобы наши города, заводы и фабрики могли дать заработокъ всему тому малоземельному населенію, которое будетъ окончательно отрываться отъ земли. Какъ я говорилъ уже, при современномъ положеніи дѣлъ на это надѣяться никакъ нельзя; малоземельному населенію, значитъ, *некуда уйти* изъ деревни, и потому единственнымъ выходомъ изъ его безотрад-

наго положенія можетъ быть *только* расширеніе его землевладѣнія.

Приблизительно то-же самое слѣдуетъ сказать, вообще, о всѣхъ тѣхъ крестьянахъ, которыхъ земельный надѣлъ значительно меньше средняго въ извѣстной мѣстности; значитъ, для Заволжья, гдѣ на крестьянскій дворъ приходится кругомъ 12 — 13 десятинъ, придется признать малоземельными всѣхъ, у кого имѣется по 6, по 8, по 10 десятинъ; въ какой-нибудь Московской или Калужской губерніи, гдѣ кругомъ на дворъ приходится десятинъ 6—7 надѣльной земли, малоземельными будутъ всѣ, у кого десятины по три или по четыре. Всѣ такіе малоземельные ведутъ хозяйство приблизительно такъ-же и получаютъ съ десятины примѣрно столько-же, какъ и ихъ сосѣди съ полнымъ надѣломъ, а при *такомъ* хозяйствѣ и при *такой* доходности, при которыхъ и на полномъ-то надѣлѣ едва возможно прожить, маленькіе надѣлы ужъ совсѣмъ не могутъ дать имъ необходимыхъ средствъ существованія.

Относительное малоземелье.

Говоря о дарственникахъ и о томъ, что они никоимъ образомъ не могутъ устроить свое хозяйство такъ, чтобы прожить на полудесятинѣ или на $^3/_4$ десятины, я указалъ на „невозможность ожидать, что одна группа крестьянъ можетъ довести свое земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей“; малоземельные не могутъ вести, напримѣръ, китайскаго или итальянскаго огороднаго хозяйства, если многоземельные си-

дятъ на простомъ трехпольѣ; я призналъ справедливыми слова г. Пѣшехонова, что „при данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ долженъ быть *одинъ* раціональный уровень интенсификаціи, равно обязательный для всѣхъ хозяевъ данной территоріи". Но если это такъ, то не придется ли намъ признать малоземельными всѣхъ безъ исключенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя бы и получившихъ полный, неурѣзанный надѣлъ, разъ только въ одной съ ними мѣстности есть бывшіе государственные крестьяне? Не придется ли признать, что надѣлы *всѣхъ* бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вездѣ должны быть доведены до тѣхъ-же размѣровъ, въ какихъ надѣлялись бывшіе государственные крестьяне? Вѣдь государственные крестьяне получили въ многоземельныхъ мѣстностяхъ по 15 дес., въ малоземельныхъ до 8 дес на ревизскую душу,—круглымъ счетомъ втрое больше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне. Если у тѣхъ и у другихъ хозяйство, дѣйствительно, „стоитъ на одномъ раціональномъ уровнѣ интенсификаціи", или, говоря попросту, если земля у тѣхъ и у другихъ обрабатывается одинаковыми способами, то это значитъ вѣдь, что бывшіе помѣщичьи крестьяне получаютъ со своихъ надѣловъ втрое меньшій доходъ, чѣмъ бывшіе государственные; на такой меньшій доходъ имъ нельзя существовать, и чтобы дать имъ такую возможность, надо сравнять ихъ надѣлы съ надѣлами бывшихъ государственныхъ крестьянъ Однако, такой выводъ былъ бы вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ каждой мѣстности всѣ крестьяне, дѣйствительно, вели совер-

шенно одинаковое хозяйство; если-бы рядомъ, дѣйствительно, не могли примѣняться различные способы хозяйства и обработки земли. А между тѣмъ это не совсѣмъ такъ. Конечно, я говорилъ уже, совершенно невозможно, чтобы въ одной и той-же мѣстности одни, многоземельные, вели, положимъ, переложное хозяйство, какъ оно посейчасъ существуетъ въ Сибири, а другіе, малоземельные, вели хозяйство по-китайски: перекапывали бы землю заступами и сажали бы всякое зернышко руками въ проткнутую прутикомъ лунку. Но совершенно невѣрно было бы думать, что въ одной и той-же мѣстности непремѣнно всѣ должны вести совершенно одинаковое хозяйство;—что въ этомъ отношеніи между сосѣдними мѣстностями или даже деревнями не можетъ быть *никакихъ* различій. Вѣдь по мѣрѣ того, какъ населеніе сгущается, ему становится тѣсно, и приходится заботиться о томъ, чтобы изъ той-же площади земли выручить большій доходъ,—приходится, иначе сказать, замѣнять свое прежнее хозяйство другимъ, болѣе интенсивнымъ. Такая замѣна, такой переходъ невозможенъ, конечно, для дарственниковъ, потому что на ихъ клочкахъ земли нельзя вести *никакого* хозяйства; но онъ не только возможенъ, но даже въ дѣйствительности всегда начинается именно у тѣхъ, кто сравнительно *менѣе* обезпеченъ землей: многоземельные, худо ли, хорошо ли, еще кой-какъ могутъ просуществовать при старыхъ способахъ хозяйства, тогда какъ малоземельныхъ оно уже давно перестало прокармливать. И вотъ, еще въ

„Утѣсненіе“ какъ двигатель улучшенія хозяйства.

70-хъ годахъ было замѣчено, что бывшіе помѣщичьи крестьяне въ южныхъ степныхъ губерніяхъ перешли къ трехпольному хозяйству, а бывшіе государственные крестьяне какъ въ то время вели, такъ и посейчасъ еще продолжаютъ вести старое залежное хозяйство (Чаславскій). Въ 80-хъ годахъ земскіе статистики отмѣчали, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Самарской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне гораздо лучше обрабатываютъ землю, чѣмъ бывшіе государственные: троятъ пары, гораздо лучше пробораниваютъ землю, кое-гдѣ начинаютъ удобрять; что въ сѣверныхъ уѣздахъ, напримѣръ, Рязанской губерніи, гдѣ у крестьянъ и меньше земли, и земля хуже, уже укоренилось трехполье съ унавоживаніемъ полей, а въ южныхъ, многоземельныхъ уѣздахъ съ черноземною почвой продолжало еще держаться залежное хозяйство, и только еще начинался переходъ къ трехполью. Въ такихъ губерніяхъ, какъ Московская, Тверская, Калужская, уже очень много селеній завело въ настоящее время многопольное хозяйство съ посѣвомъ травъ, тогда какъ другія, часто сосѣднія съ первыми селенія продолжаютъ вести трехпольное хозяйство и клевера не сѣютъ. А если хозяйство у разныхъ группъ населенія одной и той-же мѣстности—губерніи, уѣзда, можетъ-быть даже волости,—не одинаковое, то, значитъ, „десятина“ у однихъ и „десятина“ у другихъ могутъ имѣть совершенно разную цѣнность и давать совсѣмъ разный доходъ, и пять десятинъ въ одномъ хозяйствѣ могутъ значить больше, чѣмъ восемь или десять десятинъ въ другомъ. И въ самомъ дѣлѣ,—вѣдь извѣстно, что „отъ добра

добра не ищутъ", и что переселеніе—несомнѣнный признакъ „утѣсненія": переселяется только тотъ, кому „тѣсно" стало у себя „на сторонѣ". А между тѣмъ переселеніе во многихъ губерніяхъ,—напр., Самарской, Курской, Рязанской, шло гораздо сильнѣе изъ бывшихъ казенныхъ селеній, чѣмъ изъ бывшихъ господскихъ; въ 80-хъ годахъ гораздо больше переселялись изъ южной, многоземельной, чѣмъ изъ сѣверной, малоземельной, части Рязанской губерніи; изъ Вятской губерніи очень много переселялись 20—30 лѣтъ тому назадъ, а теперь, когда населенія прибыло и, значитъ, земли стало меньше, не переселяются совсѣмъ. Выходитъ, значитъ, что „утѣсненіе" чувствуется гораздо сильнѣе при большихъ надѣлахъ, чѣмъ при малыхъ; въ частности, бывшіе помѣщичьи крестьяне съ ихъ малыми надѣлами во всѣхъ названныхъ и, вѣроятно, во многихъ другихъ мѣстностяхъ гораздо менѣе страдаютъ отъ „утѣсненія", чѣмъ обильно надѣленные землею бывшіе государственные крестьяне. Значитъ, если помочь противъ „утѣсненія" можно только дополнительнымъ надѣломъ, то помогать, выходило бы, надо прежде всего тѣмъ, у кого „утѣсненіе" сильнѣе; если уже кого надѣлять землей, то не бывшихъ помѣщичьихъ, а бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которымъ еще тѣснѣе на ихъ большихъ, чѣмъ помѣщичьимъ—на ихъ маленькихъ надѣлахъ.

Сколько нужно земли?

Но спрашивается теперь дальше, *сколько же* крестьянамъ нужно земли, чтобы имъ перестало быть „тѣсно"? Сколько нужно земли, чтобы крестьянинъ могъ использовать всю свою рабочую силу, сколько

нужно, чтобы земля могла полностью прокормить крестьянина и дать ему средства на всѣ его нужды и потребности? По какимъ, иначе сказать, нормамъ нужно разсчитывать полное земельное обезпеченіе крестьянъ? Гдѣ тотъ аршинъ, которымъ можно смѣрить крестьянскую земельную нужду, на который можно вымѣрить величину необходимыхъ прирѣзокъ? Къ сожалѣнію, я не могу подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Напомню только, что редакціонныя комиссіи, выработавшія положенія 19 февраля, должны были убѣдиться въ „тройственной невозможности“ выработки правильныхъ нормъ. Выработать такого рода нормы, несмотря на всѣ дѣлавшіяся попытки, не удалось и до настоящаго времени. Еще недавно въ Петербургѣ происходило внѣпартійное совѣщаніе статистиковъ, выбранныхъ изъ числа наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ людей; они очень подробно обсудили вопросъ о нормахъ и пришли къ заключенію, что *нѣтъ такого аршина*, которымъ можно было бы вымѣрить крестьянскую земельную нужду. Нѣтъ такого аршина, которымъ можно было бы вымѣрить, сколько въ какой мѣстности можетъ обработать крестьянская семья; нѣтъ и такого аршина, чтобы смѣрить, какое количество земли нужно, чтобы ее прокормить и дать ей средства на необходимые расходы. Сколько крестьянину и его семьѣ надо разнаго рода продуктовъ на продовольствіе и денегъ на необходимые расходы? Сколько крестьянская семья можетъ обработать, засѣять и убрать земли подъ хлѣбомъ, сколько—подъ травою? Сколько нужно покосовъ и выгоновъ, чтобы держать необходимое количество

скота и получить необходимое количество навоза? Сколько, среднимъ числомъ, даетъ десятина земли подъ тѣмъ или другимъ хлѣбомъ или подъ травою? Это все вопросы, на которые нѣтъ возможности получить опредѣленнаго и несомнѣннаго отвѣта. И вотъ, каждый гадаетъ на свой ладъ: трудовыя нормы для одной и той-же мѣстности одни опредѣляютъ въ 18, другіе въ 60 десятинъ, одни въ 12, другіе въ 40 десятинъ; потребительныя нормы для одной и той же мѣстности одними опредѣляются въ 10, другими—въ 30 десятинъ; не мало мѣстностей, для которыхъ потребительныя нормы оказываются *выше* трудовыхъ — это значитъ, что для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ крестьянской семьи, при теперешнемъ плохомъ хозяйствѣ, требуется такое большое количество земли, какого такая семья вовсе не въ состояніи обработать. А для всей черноземной полосы трудовыя нормы получаются такія огромныя—30, 40, 60 десятинъ на семью, что надѣлить землей по этимъ нормамъ нѣтъ никакой возможности, хотя бы нарѣзать и раздать крестьянамъ все пространство Европейской Россіи до Ледовитаго океана и всю Сибирь, съ ея тундрами и тайгами. Но разъ это такъ, то вычислять такія нормы — совершенно безполезное дѣло, потому что надѣленіе по такимъ нормамъ—совершенно невыполнимая вещь. И это, въ сущности, естественно, и иначе не можетъ быть. Вѣдь у насъ оттого и разыгрался кризисъ, у насъ оттого и постоянное недоѣданіе, перемежающееся голодовками, что земля *не можетъ* прокормить

Сущность кризиса—негодность современнаго крестьянскаго хозяйства.

существующаго населенія, не можетъ дать приложенія для его труда при существующихъ способахъ обработки и обусловливаемой ими крайне низкой производительности и доходности земли: способы хозяйства и обработки земли остались, приблизительно, тѣ-же, какіе были 50 или 75 лѣтъ тому назадъ, а людей стало вдвое или втрое больше. Но если значительная часть рабочей силы нашего крестьянства не находитъ себѣ приложенія на землѣ и не можетъ найти его даже при самомъ широкомъ дополнительномъ надѣлѣ; если значительная часть населенія не можетъ прокормиться, даже затрачивая на обработку земли всю свою рабочую силу,—значитъ, надо усилить и улучшить обработку земли, чтобы данная площадь земли давала приложеніе большему количеству рабочей силы, чтобы земля, вмѣстѣ съ тѣмъ, давала больше продукта, чтобы на данной площади земли могло прокормиться большее количество людей.

Выходъ изъ него—въ улучшеніи хозяйства.

Говорятъ, что надѣлъ, который былъ, можетъ-быть, и достаточнымъ 50 лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть достаточнымъ теперь, когда народу стало вдвое больше; приростъ населенія, „прибылыя души“—это самый обычный мотивъ въ крестьянскихъ ходатайствахъ и требованіяхъ земли. Но вѣдь земная поверхность вообще, поверхность нашей страны, въ частности, ограничена и не можетъ расти вмѣстѣ съ ростомъ населенія; „прибылыя души“ есть и всегда будутъ, а земли „прибылой“ не будетъ. Но разъ это такъ, то ясно, что земельный надѣлъ не можетъ угоняться за приростомъ населенія: приростъ *неизбѣжно* дол-

женъ вести за собою „утѣсненіе“, естественный же выходъ изъ этого „утѣсненія“—въ улучшеніи хозяйства и обработки земли, чтобы два человѣка такъ же хорошо и даже лучше могли существовать на той-же самой площади, на которой прежде существовалъ одинъ. „Увеличеніе населенія,—говорилъ еще въ 70-хъ годахъ одинъ очень извѣстный изслѣдователь (Чаславскій),—и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаютъ переходъ къ новой системѣ хозяйства“; разъ этотъ переходъ совершился, данное количество земли можетъ вмѣстить гораздо большее количество населенія; мало того, этому большему населенію, несмотря на „утѣсненіе“, будетъ житься *лучше*, чѣмъ живетъ населеніе при большомъ просторѣ, но при плохомъ хозяйствѣ и несовершенной обработкѣ земли; лучше, между прочимъ, потому, что улучшенное хозяйство въ значительной мѣрѣ устраняетъ опасность неурожаевъ и даетъ населенію не только *болѣе высокій*, но *болѣе постоянный* доходъ. Сказанное—основной законъ развитія сельскаго хозяйства, вообще отношеній человѣка къ землѣ: не земля, повторяю, должна расти, а должна расти интенсивность ея обработки; должны расти затраты труда и средствъ, затрачиваемыхъ на обработку земли. При правильномъ ходѣ вещей это всегда такъ и происходитъ, и тѣмъ самымъ устраняется вопросъ объ „утѣсненіи“ и „малоземельѣ“.

Расширеніе крестьянскаго надѣла какъ палліативъ

Это было бы у насъ „при правильномъ ходѣ вещей“. Но можно ли говорить у насъ о такомъ „правильномъ ходѣ“? Очевидно, нѣтъ. Я

уже говорилъ о томъ, что крестьяне и крестьянское хозяйство съ самаго освобожденія были поставлены и до сихъ поръ поставлены въ самыя неблагопріятныя условія, при которыхъ серьезное улучшеніе крестьянскаго хозяйства было если не невозможно, то, во всякомъ случаѣ, крайне затруднительно. И чрезмѣрность податного обложенія, отнимавшаго у крестьянъ необходимыя для улучшенія хозяйства средства, и недостаточность заботъ о народномъ образованіи, и совершенная отрѣзанность деревни отъ болѣе просвѣщенныхъ слоевъ населенія; и правовое положеніе крестьянъ, до крайности стѣснявшее всякое проявленіе личной и общественной самодѣятельности, и почти полное отсутствіе мѣръ, направленныхъ непосредственно къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, къ улучшенію способовъ и пріемовъ обработки земли,—вся эта совокупность неблагопріятныхъ условій необходимо должна была повести и, дѣйствительно, повела за собой полный застой крестьянскаго хозяйства; должна была устранить и, дѣйствительно, устранила всякую возможность существеннаго его улучшенія. Населеніе непрерывно росло—оно приблизительно удвоилось съ десятой ревизіи—хозяйство осталось почти то-же; очевидно, что при такомъ застоѣ отведенные 40—45 лѣтъ тому назадъ, по расчету на ревизское населеніе, надѣлы теперь уже не могутъ удовлетворить потребностямъ почти удвоившагося населенія. Отсюда, изъ этого застоя, и произошелъ тотъ острый кризисъ крестьянскаго хозяйства, который проявляется въ хроническихъ голодовкахъ, и который въ послѣднее время по-

лучилъ столь ясное выраженіе въ крестьянскихъ волненіяхъ. Дѣйствительный выходъ изъ этого кризиса, какъ мнѣ придется подробнѣе говорить въ моей послѣдней лекціи, *только* одинъ: улучшеніе способовъ хозяйства и обработки земли и неразрывно связанное съ этимъ повышеніе ея производительности. Но такое улучшеніе и такое повышеніе не можетъ послѣдовать по щучьему велѣнію,—крестьянское хозяйство, стоявшее на одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ, не можетъ разомъ двинуться впередъ и разомъ, скажемъ, удвоить производительность земли. Для этого требуются годы и, можетъ-быть, десятилѣтія. А между тѣмъ въ моментъ такого остраго кризиса, какъ теперь, нужны скоро-дѣйствующія мѣры, и такою скородѣйствующею мѣрой, до извѣстной степени, могло-бы явиться дополнительное надѣленіе: „расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно“ (Туганъ-Барановскій). Нельзя скрывать отъ себя, правда, и того, что само дополнительное надѣленіе — далеко не такая скоро-дѣйствующая мѣра, какъ принято думать: планомѣрное осуществленіе ея тоже потребовало бы не мало лѣтъ, хотя бы уже по одному тому, что милліонамъ населенія пришлось бы переселяться и разселяться. Нельзя скрывать отъ себя и того, что всякое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ бы широко, въ практически-мыслимыхъ предѣлахъ, оно ни было

проведено, можетъ быть только палліативомъ, успокаивающимъ средствомъ, только пластыремъ, который наклеиваютъ на зіяющую язву, который можетъ ненадолго *утолить острую боль*, но не можетъ *вылѣчить* самой язвы. Вѣдь въ чемъ причина этой язвы, въ чемъ та внутренняя болѣзнь, которой она является наружнымъ проявленіемъ? Въ томъ, что принятые у крестьянъ способы хозяйства уже давно не соотвѣтствуютъ современной густотѣ населенія. Всякая система хозяйства цѣлесообразна, всякая система хозяйства хорошо обезпечиваетъ населеніе только при достаточномъ просторѣ: то залежное хозяйство, какое еще теперь ведется, въ формѣ безобразнаго пестрополья, въ нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, имѣло полный смыслъ при томъ просторѣ, какой сейчасъ существуетъ только въ самыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Сибири; трехполье среднихъ губерній имѣетъ резонъ тамъ, гдѣ площадь сѣнокосовъ, по крайней мѣрѣ, равна площади пахотныхъ земель. Если бы дополнительный надѣлъ могъ вновь создать это давно исчезнувшее многоземелье, онъ на нѣкоторое время, дѣйствительно, помогъ бы крестьянамъ; но для этого нужно было бы увеличить крестьянскіе надѣлы гдѣ втрое, гдѣ вчетверо, а гдѣ еще больше. *Столько* неоткуда взять земли. На самомъ дѣлѣ можно увеличить крестьянскіе надѣлы, въ лучшемъ случаѣ, на третью часть, едва ли наполовину; а если распредѣлить имѣющіеся земельные запасы по нуждѣ, то бо́льшая часть этихъ запасовъ, конечно, отойдетъ самымъ малоземельнымъ; уже среднеземельнымъ достанется развѣ только очень не-

много, а многоземельнымъ ничего не останется. А разъ это такъ, то, значитъ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не можетъ возстановить того простора, при которомъ залежное или трехпольное хозяйство стало бы опять давать хорошіе урожаи; оно можетъ, слѣдовательно, только дать населенію возможность еще на нѣкоторое время остаться при томъ-же полуголодномъ существованіи, какое оно ведетъ теперь. Какъ ни увеличивай надѣлы, *единственною* коренною мѣрой все-таки останется улучшеніе крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности крестьянскихъ земель...

Нельзя скрывать отъ себя этого всего, и, тѣмъ не менѣе, *необходимо* сдѣлать все, что только возможно, для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Когда врачъ лѣчитъ больного, онъ долженъ направить всѣ свои старанія на то, чтобы бороться съ причиною, съ корнемъ болѣзни; но если для этого требуется продолжительное лѣченіе, онъ непремѣнно позаботится и о томъ, чтобы утолить ту острую боль, которой больной уже не можетъ выносить, чтобы понизить тотъ жаръ, отъ котораго больной можетъ сгорѣть, прежде чѣмъ поможетъ начатое врачомъ продолжительное лѣченіе. Такъ точно и въ данномъ случаѣ: *коренного* излѣченія той болѣзни, отъ которой такъ страдаетъ наше крестьянство, можно ожидать только отъ устраненія всей той совокупности ненормальныхъ условій, которыя вызвали самую эту болѣзнь, и въ особенности отъ улучшенія крестьянскаго хозяйства и повышенія производительности крестьянскихъ земель; чтобы устранить эту

болѣзнь, надо „выучить земледѣльца искусству выращивать два колоса, гдѣ прежде росъ одинъ“ (Чупровъ),—тогда два человѣка проживутъ на такой площади, которая прежде прокармливала одного. Но чтобы ослабить острый кризисъ, чтобы дать крестьянину передышку, чтобы дать ему время выучиться тѣмъ лучшимъ способамъ и пріемамъ хозяйства, при которыхъ онъ сможетъ получать „два колоса, гдѣ прежде росъ одинъ“,—для всего этого необходимо, повторяю еще разъ, сдѣлать все, что только есть возможность сдѣлать, чтобы расширить крестьянское землевладѣніе. Только съ одною оговоркой, значеніе которой выяснится ниже, въ слѣдующей лекціи: временныя, такъ называемыя палліативныя мѣры не должны помѣшать успѣху настоящаго радикальнаго лѣченія; мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, не должны вести къ подрыву производительныхъ силъ страны и мѣшать разрѣшенію основной задачи—повышенія сельскохозяйственной культуры.

Пособія: Сборникъ «Аграрный вопросъ», т. I, главнымъ образомъ, статья *Мануилова*, т. II—статьи *А. И. Чупрова* и *В. Ѳ. Левитскаго*.—*Чупровъ*, «Къ вопросу объ аграрной реформѣ» и «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды».—*Озеровъ*, «На борьбу съ народною тьмой»—*Туганъ-Барановскій*, «Націонализація земли», часть 2-ая. Сборникъ «Аграрный вопросъ» Протоколы аграрной комиссіи партіи народной свободы, докладъ *Кауфмана* о нормахъ дополнительнаго надѣленія и протоколы.—*Каблуковъ*, «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства», гл VI, § 2.—*Лохтинъ*, «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи».

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Аграрный вопросъ и главнѣйшія теченія русской общественной мысли.

Задачи этой лекціи.

Въ настоящей лекціи я имѣю въ виду дать обзоръ тѣхъ путей и способовъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, которые намѣчаются главнѣйшими направленіями русской общественной мысли. Я буду имѣть, при этомъ, въ виду именно только *направленія*, и совершенно не буду входить въ разсмотрѣніе какихъ-либо партійныхъ программъ, а тѣмъ болѣе—агитаціонныхъ „платформъ"; я, слѣдовательно, буду имѣть дѣло только съ извѣстными *теченіями*, а не съ *политическими партіями;* знакомство съ такими вещами, какъ программа или платформа партіи народной свободы, союза 17 октября, трудовой группы и т. п., совершенно выходитъ изъ рамокъ настоящаго курса. Отчасти по этой-же причинѣ, отчасти—просто въ виду недостатка мѣста, я войду въ болѣе подробное разсмотрѣніе однихъ только прогрессивныхъ теченій русской общественной мысли, которыя, думается мнѣ, представляютъ для читателя или

слушателя настоящаго курса наибольшій интересъ, и лишь въ немногихъ словахъ охарактеризую, предварительно, тѣ теченія, представители которыхъ стоятъ, если не во всемъ, то въ наиболѣе существенномъ, на той-же почвѣ, на которой стоитъ современное правительство.

А. Консервативныя теченія, ихъ взглядъ на земельный вопросъ. а) Крайніе взгляды.

При всемъ разнообразіи теченій, которыя могутъ быть подведены подъ эту послѣднюю группу, общею имъ чертою является, прежде всего, стремленіе свести „на нѣтъ“ самое значеніе вопроса о землѣ, доказать, что въ Россіи *вообще* не существуетъ малоземелья, или если оно и существуетъ, то не въ видѣ общаго явленія, а какъ явленіе частное, могущее быть устраненнымъ безъ помощи какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ. Одни доводятъ этотъ взглядъ до крайности. „Общенародное и святое дѣло крестьянскаго благосостоянія, по мнѣнію этихъ однихъ, не только не въ имѣющемъ третьестепенное значеніе надѣльномъ малоземельѣ, но и вообще вовсе не въ обезпеченіи землею“; скорѣе наоборотъ: „при господствующихъ въ настоящее время формахъ крестьянскаго землепользованія надѣльное малоземелье является факторомъ не упадка, а наоборотъ—прогресса въ народнохозяйственной жизни страны“; это, между прочимъ, и потому, что надѣльнымъ малоземельемъ „въ извѣстной степени обезпечивается тотъ минимумъ потребности частновладѣльческаго хозяйства и сельской промышленности въ рабочей силѣ, безъ удовлетворенія котораго русскій народъ умеръ бы съ голоду“. Малоземелье, по

мнѣнію представителей этого крайняго взгляда, не только не зло, а напротивъ, благо. И даже такое явленіе, какъ „нищенскіе“ дарственные надѣлы, которое и въ глазахъ самого правительства представляется явленіемъ безусловно печальнымъ и требующимъ рѣшительныхъ мѣръ помощи,– и то нисколько не огорчаетъ представителей *этого* взгляда: „стимулъ малоземелья оказалъ бы неизмѣримо болѣе могущественное дѣйствіе въ дѣлѣ подъема народнаго благосостоянія, если бы въ 1861 году четвертные надѣлы получили болѣе широкую область примѣненія, и такимъ образомъ группа дарственниковъ оказалась болѣе значительной“ (гр. Салтыковъ). Жалѣть приходится, такимъ образомъ, не о томъ, что въ 1861 году былъ придуманъ фокусъ, приведшій къ почти полному обезземеленью одной десятой части всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а о томъ, что такихъ почти обезземеленныхъ не оказалось больше...

б) болѣе умѣренные взгляды.

Другіе не идутъ, конечно, такъ далеко: они не думаютъ, чтобы безземелье крестьянъ или дарственные надѣлы были полезнымъ и желательнымъ дѣломъ. Они *признаютъ*, напротивъ, существованіе малоземелья, приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ это было развито мною въ 1-ой лекціи, но думаютъ, что лишь по отношенію къ извѣстнымъ, наиболѣе страдающимъ отъ малоземелья, группамъ (дарственники и т. п.) нужда въ землѣ должна быть непремѣнно удовлетворена путемъ расширенія крестьянскаго землепользованія. Для главной массы крестьянства

существующее въ настоящее время „утѣсненіе“ можетъ и должно быть устраняемо, если не исключительно, то преимущественно посредствомъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и къ повышенію производительности земли, при чемъ на первое мѣсто представители этого взгляда выдвигаютъ измѣненіе условій и порядковъ пользованія крестьянскими надѣльными землями: замѣну общиннаго владѣнія личною собственностью, уничтоженіе чрезполосности, переходъ къ хуторскому разселенію и къ отрубному владѣнію землею. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, по мнѣнію представителей этого взгляда, либо вовсе не можетъ принести никакой пользы, либо можетъ сыграть роль только палліативной, временной мѣры, которой малое значеніе не оправдывало бы принятія какихъ-либо широкихъ и рѣшительныхъ мѣръ. Этотъ взглядъ одни, опять таки, доводятъ до послѣдней крайности. По ихъ мнѣнію, бороться съ малоземельемъ путемъ расширенія земельнаго обезпеченія крестьянъ „значило бы только оттягивать, но не устранять конечный результатъ его примѣненія, который неизбѣжно сводится къ чрезвычайному дробленію земли до микроскопическихъ клочковъ, исключающихъ возможность вести какое бы то ни было хозяйство. „Поэтому, думаютъ представители этого взгляда, *всякія* мѣры къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія путемъ переселеній на свободныя казенныя земли и усиленной покупки крестьянскимъ банкомъ частновладѣльческихъ земель для продажи крестьянамъ являются палліати-

вами, лишь поддерживающими иллюзію земельнаго обезпеченія"; дѣйствуя въ этомъ направленіи, придется „черезъ 25—30 лѣтъ стоять передъ тою-же задачею, передъ которой мы остановились теперь въ виду явнаго оскудѣнія сельскаго населенія и крайне убыточныхъ для государства и разорительныхъ для народа и всей страны періодическихъ недородовъ и голодовокъ. Стоитъ ли,—восклицаютъ они,—тратить силы и средства на такую неблагодарную задачу!" (Никольскій).

Другіе, опять-таки, менѣе послѣдовательны. Они хотя и видятъ во всякихъ мѣрахъ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, паллиативъ, но сознаютъ невозможность обойтись безъ этого палліатива, сознаютъ необходимость мѣръ, направленныхъ непосредственно къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія и къ устраненію земельной тѣсноты Но они находятъ такія мѣры желательными и возможными лишь постольку, поскольку онѣ не стоятъ въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ правомъ и въ частности—съ правомъ частной земельной собственности. Они допускаютъ поэтому такія мѣры, какъ возможно широкое развитіе переселенія, какъ передача нуждающимся въ землѣ крестьянамъ казенныхъ и удѣльныхъ земель, какъ передвиженіе въ руки малоземельнаго крестьянства также и частновладѣльческихъ земель, — послѣднихъ, однако, не иначе, какъ въ порядкѣ купли-продажи, по добровольному соглашенію съ нынѣшними землевладѣльцами, участіе же правитель-

Принудительное отчужденіе.

ства въ этомъ дѣлѣ допускаютъ лишь въ формѣ кредитной помощи и посредничества, въ томъ, приблизительно, видѣ, какъ это въ настоящее время дѣлаетъ крестьянскій поземельный банкъ Но и болѣе, и менѣе рѣшительные сторонники разсматриваемаго направленія выступаютъ рѣшительными противниками расширенія крестьянскаго землевладѣнія на основѣ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. По мнѣнію однихъ, опять-таки, принудительное отчужденіе безусловно недопустимо ни при какихъ обстоятельствахъ, — оно представляетъ собой „грубѣйшій актъ варварскаго произвола“, „прямое и рѣшительное отрицаніе права собственности, того права, на которомъ стоитъ вся современная жизнь и вся міровая культура“; такіе безусловные противники принудительнаго отчужденія не допускаютъ его *ни въ какомъ* случаѣ и ни въ какихъ размѣрахъ: „достаточно, чтобы *разъ* такой разгромъ земельной собственности былъ произведенъ въ какомъ бы то ни было масштабѣ, чтобы все частное землевладѣніе сдѣлалось призрачнымъ и утратило то значеніе и тотъ интересъ въ глазахъ собственника, который служитъ ему неизсякаемымъ стимуломъ заботъ о землѣ, хлопотъ объ улучшеніи хозяйства и проч.“ (гр. Салтыковъ) Другіе (М. И. Горемыкинъ, Д. И. Пестржецкій, А. С. Ермоловъ, проф. Цытовичъ, и др.) ставятъ вопросъ нѣсколько иначе: они не утверждаютъ, чтобы принудительное отчужденіе было *безусловно* недопустимо съ точки зрѣнія общихъ понятій о правѣ собственности, или даже прямо высказываютъ, что принудительное отчужденіе

не противорѣчило бы началамъ права вообще и права собственности въ частности, если бы оно было, дѣйствительно, полезно и необходимо. Но оно, по мнѣнію представителей этого взгляда, прежде всего *не* необходимо, потому что желательное расширеніе крестьянскаго землевладѣнія можетъ быть достигнуто и безъ принудительнаго отчужденія, посредствомъ переселенія, скупки предлагаемыхъ владѣльцами земель чрезъ крестьянскій банкъ и т. п.; а затѣмъ—оно и не полезно, скорѣе даже вредно, главнымъ образомъ потому, что существованіе крупнаго землевладѣнія и владѣльческаго хозяйства необходимо для страны, уничтоженіе же его въ порядкѣ принудительнаго отчужденія было бы вредно съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народнаго хозяйства и, въ концѣ-концовъ, невыгодно для самихъ крестьянъ. Исходя изъ такихъ соображеній, одни изъ представителей разсматриваемаго теченія, опять-таки, вовсе не допускаютъ принудительнаго отчужденія, какъ способа расширенія крестьянскаго землевладѣнія; другіе же (напр., А. С. Ермоловъ) допускаютъ принудительное отчужденіе въ случаяхъ особенно рѣзкой нужды въ землѣ, напр., для надѣленія дарственниковъ, для возвращенія крестьянамъ отобранныхъ при выходѣ на волю „отрѣзныхъ“ земель и т. п., но въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Значеніе частнаго землевладѣнія и владѣльческаго хозяйства.

Какъ я только-что мимоходомъ упоминалъ, сторонники разсматриваемаго теченія признаютъ существованіе крупнаго и средняго землевладѣнія необходимымъ въ

общихъ интересахъ народнаго хозяйства и выгоднымъ для самихъ тѣхъ крестьянъ, въ интересахъ которыхъ могло бы послѣдовать принудительное отчужденіе. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, я признаю за этимъ взглядомъ *извѣстную долю* истины; я считаю именно, что существованіе *извѣстной части* владѣльческихъ хозяйствъ, именно тѣхъ, которыя ведутся болѣе или менѣе интенсивно и въ особенности—которыя связаны съ тѣми или другими техническими производствами, дѣйствительно полезно для страны и выгодно для окрестнаго крестьянскаго населенія. Но представители разсматриваемаго теченія идутъ въ этомъ направленіи гораздо дальше и признаютъ необходимымъ и полезнымъ *всякое* частное землевладѣніе и всякое владѣльческое хозяйство. Путемъ весьма подробныхъ вычисленій (какія даютъ, главнымъ образомъ, А. С. Ермоловъ и Д. И. Пестржецкій) они доказываютъ, что владѣльческія земли, благодаря лучшему хозяйству, даютъ гораздо большее количество продукта, нежели крестьянскія; что благодаря ихъ большей производительности эти земли, оставаясь въ рукахъ владѣльцевъ, даютъ окрестному населенію гораздо большій доходъ, въ видѣ заработковъ, чѣмъ то-же населеніе могло бы получать само, если бы получило эти земли въ надѣлъ и повело на нихъ обычное крестьянское хозяйство; они думаютъ, поэтому, что переходъ владѣльческихъ земель въ крестьянскія руки былъ бы не только не выгоденъ, но наоборотъ—повелъ бы къ значительному сокращенію производительности земледѣлія: количество получаемаго хлѣба сократи-

лось бы на сотни милліоновъ пудовъ, прекратился бы вывозъ хлѣба за границу, безъ котораго Россія не можетъ обойтись, а населеніе, лишившись необходимой поддержки со стороны владѣльческаго хозяйства, оказалось бы въ еще худшемъ положеніи, нежели теперь. По убѣжденію гр. Салтыкова, уничтоженіе владѣльческаго хозяйства, связанное съ переходомъ земель въ крестьянскія руки, „грозило бы крестьянамъ не чѣмъ инымъ, какъ голодною смертью“; „широкую поддержку крестьянскому хозяйству можетъ оказать прежде всего *расширеніе* хозяйства частновладѣльческаго“, „единственнымъ способомъ дать приложеніе вакантнымъ нынѣ рабочимъ силамъ населенія должно быть улучшеніе положенія помѣщичьяго хозяйства, созданіе для него такихъ условій, при которыхъ явился бы расчетъ его развивать и расширять, что дастъ заработокъ свободнымъ рабочимъ силамъ крестьянъ“. Ликвидація же частнаго землевладѣнія „прямо осуждаетъ на голодъ и праздность и ту часть крестьянства, которая, какъ-никакъ, а все же кормилась доселѣ, посредственно или непосредственно, всецѣло или отчасти, около частновладѣльческаго хозяйства“.

Община и міръ. Съ полнымъ единодушіемъ, затѣмъ, сторонники разсматриваемаго теченія видятъ „корень зла“ въ существующихъ порядкахъ крестьянскаго землепользованія. Длинный рядъ авторовъ (Риттихъ, Никольскій, Гурко, Горемыкинъ и др.) доказываетъ, что этотъ корень зла—въ „зависимости крестьянъ отъ общины и міра“ и въ неразрывно связанной съ этимъ чрез-

полосицѣ и длинноземельѣ, дѣлающихъ совершенно невозможнымъ хорошее и выгодное веденіе хозяйства. „Въ заботахъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ, — говоритъ г. Никольскій, — мы поставили большинство послѣднихъ и весь ихъ бытъ въ такія условія, при которыхъ развитіе трудовой энергіи и увеличеніе производительности труда прямо немыслимы, особенно на томъ пространствѣ, гдѣ господствуетъ общинное землевладѣніе, которое убиваетъ всякіе стимулы для развитія такой энергіи хозяина-земледѣльца и связываетъ его по рукамъ и ногамъ“. Общинное землевладѣніе „безусловно исключаетъ возможность разверстанія крестьянскихъ надѣльныхъ земель на отдѣльные хозяйственные участки и дѣлаетъ чрезполосицу неизбѣжной и неустранимой“; связывая общественниковъ обязательными для всѣхъ порядками хозяйства, „община подгоняетъ всѣхъ подъ одинъ уровень, и притомъ подъ уровень худшихъ и наименѣе способныхъ хозяевъ“; община самымъ нежелательнымъ образомъ вліяетъ даже на нравственныя качества крестьянъ, ибо вмѣсто качествъ, желательныхъ и необходимыхъ въ свободномъ гражданинѣ, развиваетъ въ крестьянинѣ „стадность, разнуздывающую низменные инстинкты, какъ послѣдствіе того сознанія, что самъ по себѣ человѣкъ ни въ чемъ не воленъ, и что „на міру и смерть красна“; нравственныя качества крестьянъ „теперь, по общимъ отзывамъ, ниже, чѣмъ были въ крѣпостную эпоху, потому что тогда хотя и существовала зависимость, но отъ лица часто образованнаго и культурнаго, которое не относилось безразлично

къ нравственнымъ качествамъ крѣпостныхъ, какъ относится ихъ новый владыка—многоголовый, но безличный сельскій міръ“ (Никольскій). Община оказывается виноватою даже въ такихъ вещахъ, какъ законъ 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ [1]): „не даромъ,— говоритъ г. Никольскій,—законъ о семейныхъ раздѣлахъ касается только крестьянъ, имѣющихъ общинное землевладѣніе“; община, по мнѣнію г. Никольскаго, виновата и въ этомъ, хотя законъ 1886 г. выдумала не община, а чиновники, стремившіеся обуздать крестьянъ —хотя этотъ законъ подчиняетъ семейные раздѣлы не общинѣ, а произволу земскаго начальника, и хотя этотъ законъ именно потому и остался мертвою буквой, что оказался въ рѣшительномъ противорѣчіи съ взглядами, понятіями и потребностями крестьянъ.

Таковы, въ самомъ сжатомъ изложеніи, существеннѣйшія черты того консервативнаго теченія, съ которымъ я имѣлъ въ виду познакомить своихъ слушателей и читателей. Входить въ критическое разсмотрѣніе его я здѣсь не буду: оцѣнка изложенныхъ только что взглядовъ сама собою вытекаетъ изъ всего изложеннаго въ настоящемъ курсѣ.

Б) Соціалъ-демократическое теченіе.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію двухъ главнѣйшихъ изъ прогрессивныхъ теченій русской общественной мысли, и начну съ соціалъ-демократическаго теченія.

---

[1]) См. ч. I, лекція 3-я.

Въ своихъ теоретическихъ ученіяхъ, которыя, какъ я выше отмѣчалъ, только и могутъ быть предметомъ разсмотрѣнія въ настоящемъ курсѣ, русская соціалъ-демократія является, отзвукомъ западно-европейской, въ особенности нѣмецкой соціалъ-демократіи, а потому мнѣ необходимо начать съ обзора отношеній этой послѣдней къ аграрному вопросу.

Ортодоксальная нѣмецкая соціалъ-демократія.

Вамъ, конечно, извѣстно, какъ соціалъ-демократическая теорія представляетъ себѣ эволюцію, общественное развитіе въ области обрабатывающей промышленности: развитіе это идетъ отъ мелкаго ремесленнаго производства, черезъ крупное капиталистическое хозяйство, къ соціализму Мелкое хозяйство—это низшая форма, неспособная бороться съ крупнымъ капиталистическимъ производствомъ, а потому оно, силою вещей, *должно* исчезнуть, и чѣмъ скорѣе оно исчезнетъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ скорѣе совершится затѣмъ и переходъ къ соціалистической организаціи народнаго хозяйства. Такъ-же смотритъ такъ называемая „ортодоксальная“, правовѣрная соціалъ-демократія и на эволюцію въ области землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Это было опредѣленно высказано еще въ 1869 году, въ обращенномъ къ земледѣльческому населенію Женевскомъ „манифестѣ“. „Не только крупный капиталъ самъ по себѣ,—читаемъ мы въ этомъ манифестѣ,—но и всѣ добытыя наукою и техникою средства (растеніеводство, химія, машины), примѣненныя въ крупномъ хозяйствѣ, неумолимо сокрушаютъ всякую конкуренцію мелкаго хозяй-

ства". Крупное хозяйство „производитъ дешевле, лучше и больше"; поэтому, „во-1-хъ, земля для него имѣетъ большую цѣнность, и оно будетъ все больше и больше скупать вокругъ себя всѣ земли, по какимъ бы причинамъ онѣ ни продавались; во-вторыхъ, крупное хозяйство отвѣчаетъ интересамъ всего общества и становится необходимымъ условіемъ общаго блага Поэтому, заключалъ манифестъ, мелко-крестьянскій способъ хозяйства вслѣдствіе всемогущества капитала, вліянія науки, хода дѣйствительности и интересовъ всего общества безповоротно и безпощадно обреченъ на постепенную смерть". Приблизительно въ томъ-же смыслѣ высказывался Марксъ еще въ 3-мъ томѣ своего „Капитала": мелкая собственность, по взгляду Маркса, представляетъ лишь переходный пунктъ въ развитіи земледѣлія,—къ ея неизбѣжному исчезновенію ведутъ: уничтоженіе развивающимся крупнымъ производствомъ сельской домашней промышленности, безъ которой не можетъ существовать мелкое земледѣліе; постепенное обѣднѣніе и истощеніе почвы, занятой подъ мелкую культуру, и конкуренція капиталистически-ведущейся крупной сельскохозяйственной культуры

Почти на той-же точкѣ зрѣнія и посейчасъ стоитъ правовѣрная, ортодоксальная соціалъ-демократія, и самый выдающійся ея представитель, Каутскій, подробно доказываетъ, что и въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ обрабатывающей промышленности, всѣ преимущества на сторонѣ крупныхъ предпріятій Эти преимущества выражаются уже въ области домоводства: крупное хо-

зяйство имѣетъ огромную экономію на общей для большого числа людей кухнѣ, на отопленіи жилыхъ помѣщеній, на помѣщеніяхъ для скота. Оно не несетъ тѣхъ потерь на землѣ, пропадающей подъ межниками, на сѣменахъ, попадающихъ на тѣ-же межники, какія неизбѣжно несетъ мелкое хозяйство. Но крупное хозяйство имѣетъ и гораздо болѣе важныя преимущества, и прежде всего — въ отношеніи примѣненія машинъ: въ очень мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ примѣненіе ихъ и вовсе невозможно, поскольку же оно и возможно, то машина въ мелкомъ хозяйствѣ не можетъ быть такъ полно использована, слѣдовательно, она менѣе выгодна, чѣмъ въ болѣе крупномъ. То-же самое и относительно рабочаго скота, и относительно рабочей силы: и скотъ и рабочая сила въ мелкомъ хозяйствѣ используются менѣе полно, слѣдовательно обходятся значительно дороже. Затѣмъ, дальше: только крупному хозяйству доступны выгоды раздѣленія труда, только въ крупномъ предпріятіи можно выгодно использовать, съ одной стороны, дорого оплачиваемыхъ, спеціально обученныхъ или такъ называемыхъ квалифицированныхъ рабочихъ, а съ другой—дешевую, простую рабочую силу, только крупное предпріятіе можетъ окупить расходы на содержаніе научно-образованныхъ управляющихъ и служащихъ. Далѣе—крупное предпріятіе имѣетъ всѣ преимущества въ отношеніи такихъ улучшеній земли, какъ орошеніе, осушка и т. п., въ отношеніи пользованія кредитомъ, выгодной закупки необходимыхъ матеріаловъ и выгодной продажи продукта. И ссылаясь на извѣстныхъ

спеціалистовъ по части сельскаго хозяйства, Каутскій заключаетъ такъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что современное развитіе сельскаго хозяйства дало въ руки крупнаго хозяйства оружіе науки и техники, которое позволяетъ ему, при помощи спеціально-подготовленнаго персонала, удерживать въ своихъ рукахъ превосходство".

Какъ же, при такомъ положеніи дѣлъ, можетъ существовать мелкое хозяйство, почему оно не исчезаетъ? *Его* союзники—большее усердіе и старательность мелкаго хозяина сравнительно съ наемнымъ рабочимъ, а главное — *ограниченность потребностей* мелкаго хозяина-крестьянина. Крестьянинъ наверстываетъ на безбожной эксплуатаціи труда батраковъ, если у него таковые есть, а главное—на крайнемъ напряженіи рабочихъ силъ членовъ своей семьи, которое усиливается подъ вліяніемъ производства на рынокъ и растущей конкуренціи; чрезмѣрная эксплоатація труда дѣтей мѣшаетъ, между прочимъ, пріобрѣтенію необходимыхъ знаній,—дѣтей *не учатъ*, потому что они нужны для полевыхъ работъ. Не менѣе важное средство, при помощи котораго крестьянинъ выдерживаетъ конкуренцію,—это, какъ было упомянуто, ограниченіе потребленія: если крестьянинъ-владѣлецъ мелкаго участка работаетъ въ помѣщичьей усадьбѣ, ему еще живется сносно; гораздо хуже живется тому крестьянину, который имѣетъ полный участокъ и живетъ исключительно отъ своего хозяйства. Говорятъ, затѣмъ, что мелкое хозяйство можетъ стать въ лучшія условія, облегчить себѣ конкуренцію путемъ союза, товарищества, ассоціаціи. Но во-первыхъ—

возражаетъ на это Каутскій—ассоціація можетъ обнять только *извѣстные* хозяйственные *моменты*: кредитъ, организацію сбыта продуктовъ, улучшенія земли, нѣкоторыя отдѣльныя производственныя операціи, но не можетъ объединить *всего* производства, значитъ не можетъ доставить мелкимъ производителямъ *всѣхъ* выгодъ крупнаго производства. А во-вторыхъ, и главное,—союзныя организаціи даютъ еще больше выгодъ крупнымъ сельскохозяйственнымъ предпріятіямъ; и наоборотъ—условія крестьянскаго хозяйства весьма мало благопріятствуютъ примѣненію союзной организаціи. Сельское хозяйство, по мнѣнію Каутскаго, вполнѣ доступно для полнаго обобществленія производства. Почему же такого обобществленія, и даже шаговъ къ нему, не наблюдается въ дѣйствительности? Потому, что для этого надо *отказаться отъ права собственности* на орудія производства, въ частности на землю. А разъ это такъ, значитъ, *мелкая крестьянская собственность*—важнѣйшее препятствіе къ обобществленію производства. Только „капиталистическій способъ производства создаетъ предпосылки для обобществленія производства въ крупныхъ размѣрахъ“: пролетаріатъ, обобществленіе самаго производственнаго процесса, классовое противорѣчіе между предпринимателемъ и рабочимъ: „только побѣдоносный пролетаріатъ можетъ взять на себя иниціативу обобществленія производства и создать условія дѣйствительной возможности такого производства для крестьянъ“. И отсюда совершенно ясный практическій выводъ: *соціалъ-*

Возможна ли особая аграрная программа?

демократія не можетъ имѣть особой аграрной программы, не можетъ ставить себѣ задачею сохраненія, а тѣмъ болѣе расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянинъ — не пролетарій; нечего уже говорить о нѣмецкомъ „гроссбауерѣ“, владѣльцѣ крупнаго участка, обрабатывающемъ землю руками батраковъ,—это капиталистъ-предприниматель въ полномъ значеніи этого слова. Но даже и мелкій крестьянинъ, обрабатывающій землю собственными руками, тоже вѣдь *не покупатель* сельскохозяйственныхъ продуктовъ, какимъ является пролетарій, а *продавецъ* такихъ продуктовъ. Онъ, правда, часто бываетъ поставленъ въ необходимость продавать свой трудъ, наниматься на работу, и въ *этомъ* отношеніи онъ стоитъ въ одинаковыхъ условіяхъ съ пролетаріемъ. Но это далеко не дѣлаетъ его *настоящимъ* пролетаріемъ; въ мелкомъ крестьянинѣ, — говоритъ Каутскій,—живутъ двѣ души: одна *крестьянская*, другая *пролетарская*; „усиленіе первой въ интересахъ консервативныхъ партій, укрѣпленіе второй въ интересахъ пролетаріата, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ интересахъ соціальнаго движенія и самихъ крестьянъ“, потому что вѣдь положеніе наемнаго работника *не хуже*, а *лучше* положенія мелкаго крестьянина. А между тѣмъ аграрная программа, обѣщающая охрану крестьянскаго землевладѣнія, убиваетъ въ крестьянинѣ пролетарскую душу,—значитъ, приводитъ не къ тому, что́ нужно въ интересахъ соціальнаго движенія, а къ прямо противуположному. Соціалъ-демократія заинтересована, правда, въ *поднятіи личности* крестьянина, но аграрная

программа обѣщаетъ не поднятіе *личности*, а охрану крестьянскаго *землевладѣнія*, т.-е. охрану тѣхъ оковъ, которыя привязываютъ крестьянина къ его нищетѣ. Задачею соціалъ-демократіи не можетъ быть ускорять процессъ капиталистическаго развитія сельскаго хозяйства, ни тѣмъ болѣе не можетъ быть задерживать его; она должна стараться только ослаблять его пагубныя послѣдствія для заинтересованныхъ слоевъ сельскаго населенія, насколько это возможно безъ ущерба для общаго хода развитія сельскаго хозяйства въ желательномъ для соціалъ-демократіи направленіи. Въ этомъ направленіи Каутскій проектируетъ, въ послѣдней части своей большой работы, цѣлую аграрную программу. Мнѣ нѣтъ надобности входить здѣсь въ изложеніе этой программы; достаточно замѣтить, что аграрная программа Каутскаго далеко отстаетъ не только отъ программы нашей партіи народной свободы, но даже отъ программъ партіи мирнаго обновленія и союза 17 октября...

Итакъ, правовѣрная, ортодоксальная соціалъ-демократія совершенно отвергаетъ всякую аграрную программу, направленную къ расширенію и даже къ простой охранѣ крестьянскаго землевладѣнія. Однако проводить этотъ взглядъ послѣдовательно соціалъ-демократическимъ партіямъ Запада было очень трудно: вѣдь въ каждой изъ западно-европейскихъ странъ имѣются многіе милліоны крестьянъ; крестьяне, конечно, не могутъ сочувствовать такой партіи, которая рѣшительно отказывается отъ заботъ не только о расширеніи, но даже и объ охранѣ ихъ землевладѣ-

нія; а между тѣмъ, не получивъ опоры въ крестьянствѣ, соціалъ-демократія не можетъ достигнуть того господства, къ которому она стремится. И вотъ появляется новое теченіе, особенно сильное среди южно-германскихъ соціалъ-демократовъ, которое выдвигаетъ *самостоятельные* крестьянскіе интересы и самостоятельныя аграрныя задачи соціалъ-демократіи. Это новое теченіе съ особенною силой проявилось на Франкфуртскомъ партійномъ конгрессѣ 1894 года и нашло себѣ самое яркое выраженіе въ докладѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ представителей южно-германской соціалъ-демократіи, Шенланка. И въ этомъ докладѣ повторяются старыя положенія объ упадкѣ и пролетаризаціи крестьянства, но въ то-же время выставляется требованіе о выработкѣ особой „аграрно-политической программы", въ которую была бы включена „защита крестьянства, имѣющая цѣлью охранять интересы крестьянъ, какъ плательщиковъ податей, какъ должниковъ и сельскихъ хозяевъ, и облегчать имъ, съ государственною помощью, раціональное и товарищеское веденіе хозяйства"; поддерживая это предложеніе, другой южно-германскій представитель, Фольмаръ, отмѣчалъ, что „сельскохозяйственное развитіе, въ смыслѣ гибели мелкаго хозяйства, все же *не* совершилось такъ, какъ это предсказывалось соціалистами, предполагавшими быстрое поглощеніе мелкихъ владѣній крупными, раціональное хозяйство которыхъ вскорѣ получило бы господствующее значеніе". Объясненіе Фольмара и резолюція, предложенная Шенлан-

„Ревизіонистское направленіе".

комъ, были приняты на Франкфуртскомъ конгрессѣ очень сочувственно, и было образовано три аграрныхъ комиссіи, которыя и должны были заняться подготовленіемъ докладовъ къ слѣдующему, Бреславльскому конгрессу. Комиссіи эти пошли чрезвычайно далеко съ точки зрѣнія германской соціалъ-демократіи, хотя и очень недалеко съ нашей, русской точки зрѣнія: только одна изъ нихъ, южно-германская, потребовала „раздачи государственныхъ земель въ ленное владѣніе (нѣчто въ родѣ вѣчной аренды или постояннаго пользованія) самостоятельныхъ хозяйствъ“ участками такой величины, „чтобы хозяйствующая на участкѣ семья имѣла тамъ все необходимое для своего существованія“; о принудительномъ отчужденіи земель частнаго владѣнія не было и помина.

Теченіе, выразившееся въ докладѣ Фольмара и трудахъ учрежденныхъ на Франкфуртскомъ конгрессѣ аграрныхъ комиссій, нашло себѣ очень сильный отзвукъ и въ теоретической литературѣ германской соціалъ-демократіи, въ лицѣ, главнымъ образомъ, Бернштейна и въ особенности Давида. Послѣдній посвятилъ вопросу о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ цѣлое большое изслѣдованіе и пришелъ къ выводамъ, прямо противуположнымъ тому, чему учила и учитъ правовѣрная соціалъ-демократія. „Мелкое производство,—говоритъ онъ,—*превосходитъ* крупное въ тѣхъ отрасляхъ, къ которымъ стремится сельское хозяйство западно-европейскихъ культурныхъ странъ, подъ вліяніемъ за-океанской конкуренціи. Этимъ,—продолжаетъ Давидъ,—мы, конечно, приходимъ въ самое рѣзкое противорѣчіе съ Марксовыми пред-

сказаніями въ области аграрныхъ отношеній, мы настаиваемъ на противуположной послѣдовательности развитія: необходимость изъ даннаго участка земли постоянно извлекать все большую массу цѣнностей требуетъ обращенія къ высшей интенсивности и содѣйствуетъ переходу къ мелкому производству". Подробнѣйшее изслѣдованіе техническихъ и экономическихъ условій сельскаго хозяйства приводитъ Давида къ тому заключенію, что „марксистское ученіе о концентраціи производства неприменимо къ сельскому хозяйству". „Сотрудничество или кооперація, раздѣленіе труда, машины—вотъ главныя условія, создающія большую производительность крупныхъ предпріятій въ обрабатывающей промышленности. Въ земледѣліи ни одно изъ этихъ условій не имѣетъ рѣшающаго значенія". Выгоды сотрудничества и раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ ничтожны; машины могутъ быть примѣняемы далеко не вездѣ, онѣ лишь очень немного удешевляютъ или даже вовсе не удешевляютъ производства и совсѣмъ не вытѣсняютъ, какъ въ обрабатывающей промышленности, живого труда; въ отличіе отъ обрабатывающей промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ „улучшеніе машинъ — существенный, но далеко не главнѣйшій двигатель прогресса; механически-техническій принципъ здѣсь не является господствующимъ принципомъ, обусловливающимъ прогрессъ; сельское хозяйство революціонизировали, преобразовали не машины, а научныя открытія", выяснившія дѣйствительную связь между почвой и растительными организмами. Ме-

жду тѣмъ,—говоритъ Давидъ,—„если *техническій* прогрессъ доступенъ мелкому хозяйству только въ большинствѣ случаевъ, то *научный* прогрессъ доступенъ ему всегда, безъ исключенія. Въ этомъ отношеніи крупному хозяйству приходится даже бороться противъ препятствій, которыхъ мелкое хозяйство совершенно не знаетъ. Примѣненіе всѣхъ усовершенствованій въ области питанія растеній, ухода за ними и ихъ охраненія постоянно требуетъ массы подготовленной, квалифицированной живой работы. Но откуда ее достанетъ крупное хозяйство? Оно вынуждено вести дѣло съ толпой незаинтересованныхъ наемныхъ работниковъ, очень мало поддающихся контролю, тогда какъ крестьянинъ *самъ* является своимъ собственнымъ батракомъ, безъ устали работающимъ, заботливымъ и заинтересованнымъ работникомъ". Значеніе этой разницы между личнымъ трудомъ мелкаго собственника и трудомъ батрака въ крупномъ хозяйствѣ „увеличивается по мѣрѣ перехода хозяйства къ болѣе высокой интенсивности", и потому съ повышеніемъ послѣдней, съ являющеюся необходимостью затрачивать все больше труда на обработку извѣстной площади земли, уменьшаются и тѣ преимущества, какія прежде, можетъ-быть, дѣйствительно, имѣло крупное хозяйство: „чѣмъ, поэтому, интенсивнѣе культура, тѣмъ труднѣе вести хозяйство при помощи наемныхъ работниковъ". Отсюда, между прочимъ, разница между тѣмъ вліяніемъ, какое оказываетъ на крупное и на мелкое хозяйство заокеанская конкуренція: говоря вообще, эта послѣдняя вынуждаетъ переходъ къ болѣе интенсивному хо-

зяйству,—но такой переходъ гораздо труднѣе для крупнаго хозяйства, чѣмъ для мелкаго, а потому первое гораздо сильнѣе страдаетъ отъ нея, тогда какъ мелкое хозяйство приспособляется въ необходимомъ направленіи гораздо легче и потому страдаетъ гораздо меньше. Поскольку, затѣмъ, положеніе мелкаго хозяина неблагопріятно въ области товарнаго обмѣна, вытекающія отсюда неудобства устраняются товарищескою организаціей, свободное и широкое развитіе которой должно быть, по Давиду, одною изъ главныхъ задачъ соціалъ-демократіи. И конечный выводъ Давида противоположенъ выводу Каутскаго и вообще правовѣрной соціалъ-демократіи. „Интересы высшей сельскохозяйственной производительности,—говоритъ онъ,—интересы добыванія возможно большей массы продуктовъ, интересы сохраненія плодородія почвы,—все это одинаково требуетъ ускоренія развитія въ сторону мелкой формы хозяйства“. И въ концѣ-концовъ, „одна изъ первыхъ насущныхъ задачъ народнаго хозяйства вообще и въ частности соціалъ-демократіи—это превращеніе крупныхъ сельскохозяйственныхъ производствъ въ мелко-крестьянскія; поддержка крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства всецѣло соотвѣтствуетъ задачамъ развитія производительныхъ силъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ она является для соціалъ-демократіи и политическою необходимостью, потому что привлеченіе массы трудового крестьянства есть неустранимое условіе для завоеванія политической власти“.

Вы видите, такимъ образомъ, какъ далеко идетъ разногласіе въ средѣ германской и вообще за-

падно-европейской соціалъ-демократіи. То, что̀ однимъ кажется бѣлымъ, другимъ представляется чернымъ, и наоборотъ. И удивляться этому нечего: вѣдь вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ крупнаго и мелкаго хозяйства—это одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ теоріи и практики сельскаго хозяйства, споръ о преимуществахъ того и другого тянется уже болѣе ста лѣтъ и до сихъ поръ еще весьма далекъ отъ своего разрѣшенія. Однако, господствующимъ въ германской соціалъ-демократіи до сихъ поръ остался взглядъ Каутскаго, который нашелъ себѣ чрезвычайно авторитетную поддержку въ лицѣ ближайшаго сотрудника Маркса и признаннаго истолкователя этихъ взглядовъ, Энгельса. „Обязанность нашей партіи,—заявилъ Энгельсъ, — постоянно уяснять крестьянамъ совершенную безъисходность ихъ положенія при господствѣ капитализма, совершенную невозможность удержать за ними ихъ мелкую собственность, какъ таковую, совершенную неизбѣжность того, что капиталистическое крупное производство раздавитъ ихъ немощное, устарѣвшее мелкое хозяйство такъ-же, какъ желѣзнодорожный поѣздъ сокрушаетъ попавшуюся ему на пути тачку. Дѣйствуя такъ, мы будемъ дѣйствовать въ духѣ экономическаго развитія, которое уже само раскроетъ глаза крестьянамъ и сдѣлаетъ ихъ воспріимчивыми къ нашимъ словамъ“. И на Бреславльскомъ съѣздѣ, которому были представлены доклады трехъ учрежденныхъ вслѣдствіе постановленія Франкфуртскаго съѣзда аграрныхъ комиссій, проектъ аграрной программы, послѣ трехдневныхъ горячихъ преній, былъ от-

вергнутъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Было признано, что „представленный аграрною комиссіею проектъ аграрной программы подлежитъ отклоненію, такъ какъ эта программа обѣщаетъ крестьянству улучшеніе его положенія, слѣдовательно, укрѣпленіе его частной собственности"; земледѣльческая программа признается соотвѣтствующею интересамъ не пролетаріата, а его эксплуататоровъ, и всѣ государственныя мѣропріятія на пользу крестьянства, какія предлагались программой, отклоняются, какъ „снабжающія государство эксплуататоровъ новыми орудіями власти".

Русскіе соціалъ-демократы.

Такое рѣшеніе вопроса объ аграрной крестьянской программѣ совершенно соотвѣтствовало и образу мыслей русскихъ соціалъ-демократовъ. „Русскіе марксисты,—говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій, который самъ былъ прежде однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей марксистскаго теченія русской общественной мысли,—съ восторгомъ привѣтствовали рѣшеніе Бреславльскаго съѣзда, отвергнувшаго проектъ аграрной программы и огромнымъ большинствомъ признавшаго, что соціалъ-демократія рѣшительно отказывается отъ защиты интересовъ крестьянства, какъ такового". Русская соціалъ-демократія въ то время уже начинала уже сознавать всю трудность своего положенія. „Мы чувствовали,—говоритъ тотъ-же Туганъ-Барановскій,—что, строго стоя на почвѣ теоріи Маркса, усматривающей въ пролетаризаціи населенія (включая сюда и крестьянство) единственный путь къ соціализму, мы, юные и убѣ-

жденные соціалисты, рѣшительно ничего существеннаго не могли дать крестьянамъ. Правда, мы обѣщали отстаивать гражданскія и политическія права крестьянъ, какъ и всей остальной народной массы. Мы стояли за свободу и широкую демократію во всѣхъ областяхъ народной жизни, но мы прекрасно сознавали, что все это не только должно показаться крестьянамъ недостаточнымъ, но что масса крестьянства сочтетъ всевозможныя гражданскія и политическія права чистой насмѣшкой и издѣвательствомъ надъ собой, если права эти не дадутъ мужику того, что ему нужно прежде и больше всего — земли и земли. Земли же,—продолжаетъ г. Туганъ-Барановскій,—мы обѣщать не могли, не разрывая со всѣмъ нашимъ теоретическимъ прошлымъ", не идя вразрѣзъ съ теоріей марксизма. „Бреславльская резолюція явилась для насъ огромною нравственною поддержкой. Въ согласіи съ нѣмецкою соціалъ-демократіей мы не боялись устоять на своей позиціи, какъ ни трудна она была въ практическомъ отношеніи"...

И въ самомъ дѣлѣ,—ни одинъ изъ теоретиковъ русской соціалъ-демократіи не предлагалъ ничего похожаго на аграрную программу, и самый видный изъ нихъ, П. П. Масловъ, еще въ первомъ изданіи своего большого труда, вышедшемъ въ 1903 году, стоитъ на строго-марксистской точкѣ зрѣнія. Онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки Гертца, Булгакова и др. изслѣдователей доказать жизнеспособность мелкаго хозяйства, и на основаніи подробнаго изслѣдованія настаиваетъ на существованіи стремленія, „тенденціи къ раз-

витію производительныхъ силъ посредствомъ техническаго прогресса", для чего требуется „технически болѣе цѣлесообразная организація труда въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, организація крупныхъ предпріятій". Пора бы,—говоритъ Масловъ,—„понять, что можно защищать *крестьянина* и не защищать формы мелкаго производства, и обратно: считать крупное производство наиболѣе прогрессивной формой и не быть защитникомъ крупныхъ собственниковъ". Для Маслова первый и основной вопросъ — это вопросъ о необходимости развитія производительныхъ силъ; этою необходимостью опредѣляется и направленіе хозяйственнаго развитія, и „какая бы то ни было программа, не считающаяся съ этимъ фактомъ, будетъ или утопическою, или реакціонною". Совершенно утопическими Масловъ признаетъ, поэтому, господствовавшіе въ 70 и 80-хъ годахъ такъ называемые „народническіе взгляды" (о которыхъ я буду говорить ниже); „тогда, какъ и теперь, говоритъ онъ, видѣли одну изъ главныхъ причинъ тяжелаго положенія населенія въ малоземельѣ; единственный выходъ при этомъ видѣли въ крестьянскомъ многоземельѣ; выходъ, казалось, былъ, и на него указывали, пока не убѣдились въ утопичности надеждъ на возможность въ настоящее время этого выхода". По убѣжденію Маслова, выходъ совершенно иной: развитіе производительныхъ силъ должно создавать и, въ свою очередь, создаваться перераспредѣленіемъ производительныхъ силъ населенія между различными отраслями производства, въ сторону расширенія производства орудій и средствъ про-

изводства"; или проще сказать: развитіе производительныхъ силъ требуетъ пролетаризаціи, обезземеленья все большей части крестьянства и развитія, на этой основѣ, обрабатывающей промышленности,—и такая пролетаризація является необходимымъ послѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ страны Развитіе производительныхъ силъ *безъ* развитія обрабатывающей промышленности возможно только въ странахъ съ крайне рѣдкимъ населеніемъ и чрезвычайнымъ земельнымъ просторомъ, какъ это еще недавно было въ Америкѣ; при той густотѣ населенія, какая существуетъ уже у насъ, въ Россіи, должно наступить одно изъ двухъ: *или* развитіе обрабатывающей промышленности съ пролетаризаціей извѣстной части населенія, *или* „полная отсталость и даже паденіе производительныхъ силъ страны". Послѣднее и случилось у насъ: обрабатывающая промышленность запоздала появленіемъ, и въ *этомъ* бѣда, а не въ малоземельѣ: „въ среднемъ на душу наличнаго населенія въ Россіи приходится довольно много земли, распредѣленной болѣе благопріятно для земледѣльческаго населенія, чѣмъ въ другихъ странахъ". Бѣда въ томъ, что у насъ слишкомъ много *земледѣльческаго* населенія: „при существующихъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ оно все не можетъ кормиться отъ земли; малоземелье создается не только распредѣленіемъ земли и продукта, но и недостаточностью продукта для *всего* земледѣльческаго населенія". Наше малоземелье—это малоземелье „совсѣмъ особаго рода"; оно происходитъ оттого, что земледѣльческое на-

селеніе составляетъ слишкомъ большую часть общаго населенія страны (а это происходитъ, очевидно, отъ недостаточнаго развитія промышленности), оттого, что засѣвается слишкомъ малая часть земли, и оттого, что урожаи слишкомъ низки. И выходъ изъ кризиса только одинъ: „перераспредѣленіе производительныхъ силъ между производствами“; такое перераспредѣленіе „повело бы къ сокращенію избыточнаго населенія, которое при существующемъ ихъ распредѣленіи оказывается излишнимъ“; чѣмъ сильнѣе развитъ обмѣнъ между отдѣльными хозяйствами, тѣмъ сильнѣе развито раздѣленіе труда, и чѣмъ быстрѣе развитіе техническаго прогресса, тѣмъ чаще становится необходимымъ перераспредѣленіе производительныхъ силъ между отдѣльными отраслями промышленности, тѣмъ болѣе бѣдственныя послѣдствія ведетъ за собой всякое препятствіе къ передвиженію населенія изъ одной отрасли производства въ другую“.

Такимъ образомъ, виднѣйшій представитель русской соціалъ-демократіи не даетъ *никакой* аграрной программы, не дѣлаетъ никакихъ предложеній, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія; такое расширеніе, съ точки зрѣнія только что изложенныхъ взглядовъ, было бы только вредно, потому что оно задерживало бы „передвиженіе населенія“ отъ земледѣлія къ обрабатывающей промышленности.

Муниципализація земли.

Совсѣмъ другое мы видимъ черезъ два года, когда рѣзко выразилось крестьянское движеніе Въ вышедшемъ въ 1905 году второмъ изданіи своей

книги П. П. Масловъ проводитъ ту-же теорію развитія производительныхъ силъ, но къ ней уже придѣлана аграрная программа. Г. Масловъ и здѣсь не задается мыслью „поддержать мелкое земледѣльческое хозяйство: хозяйственное развитіе общества,—говоритъ онъ,—приводитъ къ разрушенію все большаго и большаго числа мелкихъ хозяйствъ и къ превращенію части ихъ въ крупныя“, или, говоря проще, къ такой-же концентраціи сельскохозяйственнаго производства, какая имѣетъ мѣсто въ обрабатывающей промышленности. Но *пролетаризація*, т.-е. переходъ крестьянъ въ составъ рабочаго класса,—одно, а *пауперизація*, т.-е. обнищаніе крестьянства,—совсѣмъ другое: „чѣмъ больше нужда въ землѣ, тѣмъ больше у крестьянъ стремленіе къ „уравнительному“ землепользованію, и обратно, болѣе обезпеченное землею населеніе гораздо болѣе дифференцировано“; или, говоря проще, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ земля разравнивается между всѣми, и всѣ одинаково нищи, въ многоземельныхъ идетъ именно то, что, съ точки зрѣнія г. Маслова, является желательнымъ: пролетаризація одной части населенія и образованіе, въ рукахъ другой, болѣе крупнаго хозяйства. Чтобы облегчить такую дифференціацію, такое разслоеніе крестьянства на предпринимателей и пролетаріевъ, и нужна земельная реформа: „уменьшеніе или уничтоженіе платежей по „голодной“ арендѣ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія дадутъ не только толчокъ хозяйственному развитію деревни и разслоенію ея населенія, уничтожатъ пережитки крѣпостного права, но и ослабятъ ту конкурен-

цію полухозяевъ и полурабочихъ, которая понижаетъ заработную плату и въ городѣ и въ деревнѣ". Съ *этой* точки зрѣнія Масловъ сочувствуетъ тому расширенію крестьянскаго землевладѣнія, какого требуютъ всѣ прогрессивныя группы. Но ожидать отъ такого расширенія поднятія благосостоянія низшихъ слоевъ крестьянства Масловъ считаетъ невозможнымъ: „безхозяйная группа населенія ничего не выиграетъ, ибо даже рента съ земли будетъ цѣликомъ получаться тѣми, кто ведетъ хозяйство". Съ другой стороны, „раздѣлъ земли между общинами, создавая многіе милліоны мелкихъ земельныхъ собственниковъ-общинниковъ, затрудняетъ мобилизацію землепользованія, развитіе хозяйства и можетъ создать политическій и экономическій застой"; при передачѣ земли въ руки общинъ замедлится сосредоточеніе земли въ рукахъ верхняго слоя земледѣльческаго населенія, задержится и пролетаризація массъ. Выходъ отсюда одинъ: „расширеніе *общественнаго* земельнаго фонда на счетъ крупнаго частнаго землевладѣнія", съ обращеніемъ земельной ренты въ доходъ областныхъ демократическихъ организацій. *Какъ* будетъ использованъ этими организаціями земельный доходъ,—„это рѣшается борьбою различныхъ группъ, составляющихъ населеніе области". *Какъ* будетъ распредѣляться земля, что̀ съ нею сдѣлаютъ мѣстныя демократическія организаціи,—на этотъ вопросъ Масловъ вовсе не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Но во всякомъ случаѣ такая „передача земельнаго фонда, которымъ расширится крестьянское землепользованіе, въ распоряженіе обла-

стныхъ организацій, является наиболѣе раціональною", наиболѣе правильною „съ точки зрѣнія тѣхъ, кто не можетъ непосредственно воспользоваться этою землей".

Здѣсь, мы видимъ, выражена та мысль о „муниципализаціи" земли, которую П. П. Маслову удалось, вскорѣ послѣ того, провести, хотя и съ большими оговорками, совершенно изуродовавшими эту мысль, въ резолюціи такъ называемаго „объединительнаго" съѣзда соціалъ-демократической партіи. Разсматривать эти резолюціи, какъ и вообще тѣ программные и тактическіе оттѣнки, которые боролись и продолжаютъ бороться въ средѣ с.-д. партіи, я не буду: *это* уже область *текущей практической политики*, изученіе которой совершенно не входитъ въ задачи нашего курса. Но и оставаясь въ предѣлахъ изложеннаго, я не могу не замѣтить, что даже самая идея муниципализаціи не представляется особенно ясною: *что такое* эта муниципализація, что, въ дѣйствительности, кроется подъ этимъ красивымъ, но весьма неяснымъ названіемъ? По мнѣнію Туганъ-Барановскаго, муниципализація, т.-е. передача земли въ вѣдѣніе демократическаго самоуправленія, непремѣнно приведетъ къ тому, что земля, въ главной своей массѣ, перейдетъ въ руки трудовыхъ земледѣльцевъ: „никакъ нельзя предположить,—говоритъ онъ,—чтобы г. Масловъ серьезно имѣлъ въ виду оставить экспропріированную (у частныхъ владѣльцевъ) землю въ арендномъ пользованіи крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ". Но едва ли г. Туганъ-Барановскій въ этомъ случаѣ правъ. Въ

своихъ агитаціонныхъ „платформахъ“ с.-д. партія обѣщаетъ, правда, крестьянству поддержку *всѣхъ* революціонныхъ выступленій, до полной конфискаціи всѣхъ владѣльческихъ земель Но самъ г. Масловъ смотритъ на дѣло иначе: „крупныя конфискованныя имѣнія,—говоритъ онъ,—перейдя въ собственность демократическаго самоуправленія, будутъ эксплуатироваться *въ большинствѣ случаевъ капиталистами* за платежъ аренды“; преимущество муниципализаціи г. Масловъ видитъ именно въ томъ, что она „устранитъ необходимость варварской расправы съ хорошо поставленными крупными хозяйствами“, т.-е уничтоженія ихъ, и „путемъ экспропріаціи земельной собственности дастъ возможность использовать техническія пріобрѣтенія этихъ хозяйствъ въ интересахъ всего населенія“. Передать мелкимъ земледѣльцамъ г. Масловъ предполагаетъ только тѣ земли, „на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство (т.-е. арендуемыя крестьянами!), или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодья“.

В) Народническое теченіе.

Перехожу теперь къ обзору того теченія, которое удобнѣе всего будетъ назвать *народническимъ;* повторяю еще разъ—я буду говорить не о какихъ-нибудь партіяхъ, въ родѣ с.-р., н.-с., трудовой группы и т. п.; я буду говорить о *цѣломъ, широкомъ общественномъ теченіи,* которое ведетъ свое начало отъ Чернышевскаго, теперь же воплотилось, въ *болѣе* или *менѣе* полной мѣрѣ, въ программахъ цѣлаго ряда политическихъ партій: с.-р., н.-с., и т. д. Въ литературѣ это теченіе

представлено Пѣшехоновымъ, Качоровскимъ, Туганъ-Барановскимъ и многими другими.

Конечно, въ *основной* своей сущности стремленія народниковъ имѣютъ очень много общаго съ стремленіями соціалъ-демократовъ· „народники и марксисты боролись и умирали за одно и то-же, имѣли одну и ту-же соціальную вѣру, и потому споръ ихъ былъ споромъ братьевъ-соратниковъ, а не враговъ (Туганъ-Барановскій)“; однако, вѣдь и въ жизни бываетъ, что братья ненавидятъ другъ друга такъ, какъ они не ненавидятъ никого изъ постороннихъ; и вражда между народниками и марксистами была, пожалуй, болѣе лютая, чѣмъ вражда тѣхъ и другихъ къ представителямъ совсѣмъ постороннихъ, враждебныхъ по существу теченій. Вражда эта не затихла и до сихъ поръ. А между тѣмъ жизнь, какъ правильно замѣчаетъ М. И. Туганъ-Барановскій, ведетъ къ примиренію между обоими теченіями. Она показываетъ, что въ области развитія обрабатывающей промышленности были ближе къ истинѣ соціалъ-демократы. Но зато „та-же жизнь доказала, что въ области земледѣлія ничего похожаго на вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства капиталистическимъ помѣщичьимъ хозяйствомъ не наблюдается; наоборотъ, крестьянское хозяйство вытѣсняетъ капиталистическое. Точно такъ-же и община (гибель которой пророчествовали марксисты!) не только не исчезла подъ вліяніемъ проникновенія въ деревню товарнаго хозяйства, но обнаружила большую устойчивость и способность къ дальнѣйшему развитію“.

Его теоретическое обоснованіе.

Вообще, въ области аграрныхъ отношеній „народники оказались правы, настаивая на своеобразіи русскихъ экономическихъ отношеній и русскаго экономическаго развитія“, потому что вообще аграрныя отношенія и аграрное развитіе „не укладываются ни въ какой общій типъ и въ высшей степени индивидуальны и своеобразны: въ различныхъ странахъ наблюдаются самыя разнообразныя сочетанія всевозможныхъ формъ земледѣльческаго хозяйства“. Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что „и русскія аграрныя отношенія, и русское аграрное развитіе весьма своеобразны и не похожи на такія-же отношенія и развитіе другихъ странъ“. Въ частности, земельный вопросъ у насъ „выдвинутъ не книгой, а самою жизнью, мужикомъ, неспособнымъ, при крайне низкомъ уровнѣ земледѣльческой техники, гнетѣ налоговъ и всевозможнаго безправія, обезпечить себѣ существованіе работой на своемъ надѣлѣ, который онъ получилъ при своемъ освобожденіи, и который съ тѣхъ поръ такъ сильно уменьшился, благодаря приросту населенія“. И, вытекая изъ всей совокупности условій, „русское крестьянское движеніе необходимо должно было принять форму требованій *націонализаціи земли*“, въ чемъ, по мнѣнію Туганъ-Барановскаго, заключается и его самая существенная особенность, и міровое значеніе, „какъ предвѣстника окончательнаго торжества международнаго соціализма“. Условія русской жизни, — говоритъ Туганъ-Барановскій,—„не могли вселить крестьянину уваженія къ институту частнаго землевладѣнія. Еще не такъ

давно, пока не закончился процессъ колонизаціи Европейской Россіи, земли имѣлось въ изобиліи, и крестьянинъ, какъ еще на нашихъ глазахъ въ Сибири, имѣлъ передъ собой, дѣйствительно, „ничью", свободную, незанятую землю. Огромные государственные и частновладѣльческіе лѣса въ лѣсныхъ районахъ Россіи почти не эксплоатировались, и населеніе свыклось съ мыслью, что каждый можетъ пользоваться лѣсомъ въ мѣру своихъ потребностей. Такъ обстояло дѣло многія сотни лѣтъ; въ это время сложилось въ законченныя формы и укоренилось трудовое правосознаніе русскаго народа, свойственное каждому народу на первыхъ ступеняхъ его развитія, пока между трудящимся человѣкомъ и окружающей его природой не стоитъ земельный собственникъ". „Условія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства были, правда, мало благопріятны для сохраненія трудового права въ его чистотѣ; но еще менѣе они могли внушить крестьянину уваженіе къ принципу частнаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе то обстоятельство, что наше крестьянство, въ своей массѣ, не можетъ существовать трудомъ на своей собственной землѣ, а должно или пріарендовывать землю на сторонѣ, или же работать по найму на землѣ помѣщика, и то и другое—на крайне тяжелыхъ условіяхъ. Неудивительно поэтому, что условія пореформеннаго хозяйства пріучили крестьянина видѣть въ крупномъ земельномъ собственникѣ своего главнаго врага". Въ концѣ-концовъ „психика русскаго крестьянина заключаетъ въ себѣ нѣчто своеобразное и рѣзко отличается

какъ отъ пролетарской, такъ и отъ крестьянской психики Запада. *Нашъ* крестьянинъ далеко не пролетарій, и идеалы его не пролетарскіе и не соціалистическіе. У него есть свое хозяйство, которое онъ страстно любитъ, и съ которымъ онъ разстанется только подъ давленіемъ крайней необходимости". Психика нашего мужика „не есть пролетарская психика, но это и не психика западно-европейскаго хозяйственнаго крестьянина. Мечтой, но мечтой несбыточной, нашего крестьянина является свое, зажиточное, самостоятельное хозяйство. Для этого у него имѣются рабочія силы, но не имѣется самаго главнаго—земли. Земли у него мало. Понятно, что земля и явилась важнѣйшимъ экономическимъ требованіемъ народныхъ массъ". И на ряду со всѣми указанными условіями, г. Туганъ-Барановскій приписываетъ огромное значеніе воздѣйствію русской интеллигенціи. Эта послѣдняя „представляетъ собой огромную духовную силу, значеніе которой не идетъ ни въ какое сравненіе съ небольшою численностью этой общественной группы. Русская соціалистическая интеллигенція ведетъ борьбу за народные интересы уже много десятилѣтій", она „является духовнымъ вождемъ борющагося народа и указываетъ ему ближайшія цѣли и способы борьбы". И если „со стихійными вспышками крестьянскаго гнѣва правительство справилось бы безъ труда, какъ оно справилось въ свое время съ неизмѣримо болѣе мощными крестьянскими возстаніями Разина и Пугачова", то „народныя массы съ интеллигенціею во главѣ представляютъ собой несравненно болѣе грозную силу".

Почти такъ-же представляетъ себѣ дѣло и К. Р. Качоровскій—въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ знатоковъ экономическаго положенія и земельныхъ распорядковъ русскаго крестьянства. Онъ только останавливаетъ особое вниманіе на особенностяхъ историческаго развитія русскаго общества и народа. На Западѣ огромное вліяніе оказало, въ свое время, и продолжаетъ оказывать римское право; вмѣстѣ съ римскою культурою, оно постепенно проникло и въ народныя массы, „вытравляя изъ послѣднихъ первобытныя начала трудового союзнаго обычая и правосознанія“; на Западѣ сложился сильный средній классъ, и въ самомъ крестьянствѣ успѣли развиться собственническія понятія и собственническіе вкусы. Напротивъ, въ Россіи всегда существовала и посейчасъ осталась глубокая пропасть между верхами русскаго общества и народными массами, между „господами“ и народомъ. Только верхи кое-какъ усвоили западно-европейскую культуру, а низы „такъ и остались при своемъ первобытномъ строѣ, при своемъ союзно-трудовомъ бытѣ“. И когда пришло время „распаденія цѣпей крѣпостныхъ, то вскрылось въ Россіи огромное внутреннее противорѣчіе, открылась огромная пропасть между той культурой, которая была мало-по-малу перенята у Запада узкою чиновно-дворянскою вершиною русской соціальной пирамиды, и той первобытной культурой, при которой осталось придавленное въ низахъ пирамиды, только что раскрѣпощенное крестьянство“. Съ другой стороны, и правительство постоянно колебалось между желаніемъ поддержать возможную

неприкосновенность „патріархальнаго“ крестьянскаго быта, въ которомъ по недоразумѣнію видѣли консервативное начало, опору самодержавно-бюрократическаго строя, и тѣмъ, что̀ было бы единственно цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія интересовъ командующихъ классовъ: насажденіемъ всѣми способами началъ индивидуализма, созданіемъ массы между собой не связанныхъ, мелкихъ и мельчайшихъ землевладѣльцевъ“, т.-е. той политикой, которой держится современное правительство, и которая такъ рѣзко выразилась въ указахъ 9 и 15 ноября 1906 года и въ дѣятельности землеустроительныхъ комиссій. Эта „двойственная и нерѣшительная политическая игра оказалась крайне неудачной для бюрократіи и вообще для командующихъ классовъ: повидимому, для нихъ въ результатѣ получились всѣ минусы и ни одного плюса“. Но эта неустойчивость пореформенной правительственной политики имѣла огромное значеніе: „для длиннаго историческаго періода государство сочло для себя выгоднымъ не трогать эти первобытные обычаи и дало пустить имъ такіе глубокіе и прочные корни, что эти обычаи продолжаютъ расти и питаться даже тогда, когда бюрократическое государство уже сочло ихъ подозрительными, опасными, нежелательными“... Благодаря именно этой нерѣшительной политикѣ, въ народѣ уцѣлѣли основы стараго народнаго обычнаго права—*трудового* права, которое слагается изъ двухъ существенно важныхъ началъ: *права затраченнаго труда и права на трудъ*; съ одной стороны, *права каждаго трудившагося*

воспользоваться плодами своего труда, съ другой—*права каждаго желающаго трудиться* на необходимыя ему орудія производства, въ особенности, на необходимую для этого землю. Право труда и право на трудъ—по существу очень разныя вещи: право затраченнаго труда ведетъ къ обособленію землевладѣнія, ибо затратившій трудъ на обработку земли стремится сдѣлать землю своею; право на трудъ ведетъ, напротивъ, къ уравненію землепользованія, къ развитію общиннаго духа и общинныхъ порядковъ. Но *оба* они, и право труда и право на трудъ, одинаково враждебны помѣстному или капиталистическому землевладѣнію. „Право труда говоритъ, что владѣльцы-капиталисты не обрабатываютъ сами земли, а потому не имѣютъ права ни на нее, ни на ея продуктъ, а имѣютъ право тѣ, кто ее обрабатываетъ. Право на трудъ заявляетъ, что капиталистическая земельная собственность нарушаетъ равномѣрность распредѣленія между людьми основного, необходимаго для ихъ жизни, блага, и требуетъ уравнительнаго его распредѣленія сообразно равному праву всѣхъ людей“.

Оцѣнка крестьянскаго и владѣльческаго хозяйства.

Но вѣдь всѣхъ этихъ положеній не отрицаютъ, конечно, и соціалъ-демократы... Если они отвергаютъ особую крестьянскую программу, если ихъ теорія не требуетъ уничтоженія крупнаго частнаго землевладѣнія, то это только потому, что они считаютъ крупное владѣльческое хозяйство полезнымъ и необходимымъ съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ страны. Представители народническихъ теченій и съ этой

точки зрѣнія отвергаютъ право на существованіе крупнаго землевладѣнія и частновладѣльческаго хозяйства. Они берутъ у экономической науки, западно-европейской и русской, весь очень изобильный запасъ доводовъ противъ крупнаго и въ пользу мелкаго землевладѣнія и хозяйства (такими доводами особенно изобилуютъ работы гг. В В. Карышева, А. И. Чупрова, Булгакова, Косинскаго, и мн. др.), и на основаніи всей совокупности этихъ доводовъ приходятъ къ заключенію, что „крестьянское предпріятіе оказывается вполнѣ жизнеспособною, сильною формой предпріятія, способной вынести невзгоды экономической жизни *лучше*, — не только такъ-же хорошо, но даже лучше!—чѣмъ капиталистическое предпріятіе, и притомъ формою, способною усвоить самую совершенную технику", самые лучшіе способы веденія хозяйства и обработки земли (Косинскій). Они думаютъ, что, „передвигая землю въ руки трудящихся массъ, мы не только не насилуемъ жизни, а наоборотъ, дѣйствуемъ въ полномъ согласіи съ законами ея развитія, а слѣдовательно, и въ интересахъ цѣлаго общества" (тоже). За владѣльческимъ хозяйствомъ и крупнымъ землевладѣніемъ представители народническихъ теченій не признаютъ *никакого* положительнаго значенія. Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія соціальной справедливости „именно крупная земельная собственность есть самый несправедливый видъ собственности, такъ какъ вся она выросла на крови и насиліи. Сильные люди обратили въ рабство земледѣльца и захватили его землю. Въ теченіе многихъ поколѣній земледѣлецъ оставался про-

стымъ рабочимъ скотомъ своихъ господъ, жившихъ въ роскоши и довольствѣ, ничего не дѣлая, на счетъ того, чьимъ удѣломъ была нищета и непрерывный трудъ“ (Туганъ-Барановскій). Но тоже и съ хозяйственной точки зрѣнія: въ то время, какъ „капиталисты-предприниматели, какъ классъ, отнюдь не могутъ признаваться непроизводительнымъ общественнымъ элементомъ“, ибо „руководительство хозяйственнымъ предпріятіемъ есть чрезвычайно важное и отвѣтственное хозяйственное дѣло“, и „искусный и ловкій предприниматель несомнѣнно увеличиваетъ своею дѣятельностью общую сумму національнаго богатства“, — землевладѣлецъ, „отношеніе котораго къ землѣ выражается лишь взиманіемъ тяжелой дани съ земледѣльца, никакого участія въ созданіи національнаго дохода не принимаетъ и является, съ хозяйственной точки зрѣнія, трутнемъ, живущимъ медомъ, собраннымъ рабочею пчелой“. Поэтому и „коренная земельная реформа можетъ быть произведена безъ малѣйшаго потрясенія народнаго хозяйства“, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если владѣльцы не ведутъ хозяйства за свой счетъ, а земля состоитъ въ арендѣ у крестьянъ: „если бы земля перешла отъ крупныхъ собственниковъ всему народу, государству, то она могла бы попрежнему оставаться въ пользованіи отдѣльныхъ земледѣльцевъ, и форма земледѣльческаго предпріятія, способъ земледѣльческаго производства нисколько бы не измѣнился“.

Но вѣдь въ крестьянской арендѣ состоитъ далеко не вся владѣльческая земля. Есть имѣнія,

и даже не мало, гдѣ ведется хозяйство за счетъ владѣльцевъ,—значитъ, хозяйство капиталистическое. Не составитъ ли уничтоженіе *такихъ* хозяйствъ потери въ культурно-экономическомъ отношеніи? Бо́льшая часть приверженцевъ разсматриваемаго направленія совершенно не останавливается на этомъ вопросѣ, считая его, очевидно, предрѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ и даже не заслуживающимъ особаго разсмотрѣнія. Другіе успокаиваются на томъ, что „законъ развитія въ области сельскаго хозяйства другой, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности въ сельскомъ хозяйствѣ замѣчается раскапитализированіе производства, совершенно обратно тому, что̀ имѣетъ мѣсто въ обрабатывающей промышленности“,—что „области съ наиболѣе интенсивнымъ хозяйствомъ являются областями съ преобладающимъ крестьянскимъ хозяйствомъ: съ ростомъ интенсивности хозяйства земледѣліе мельчаетъ, и раскапитализированіе, переходъ къ мелкому трудовому хозяйству становится тѣмъ рѣшительнѣе“ (Косинскій). Что̀ касается въ частности до *русскаго* владѣльческаго хозяйства, то за нимъ не признается рѣшительно *никакихъ* заслугъ и никакого права на существованіе, даже съ производственной точки зрѣнія: сущность его сводится исключителано къ эксплуатаціи крестьянской нужды путемъ кабальной аренды и кабальнаго найма, и чѣмъ скорѣе оно покончитъ свое существованіе, тѣмъ будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ производственномъ. И какъ подробно развиваетъ А. В. Пѣшехоновъ, самое существованіе помѣщичьяго хозяйства,

само по себѣ не принося никакой пользы, до крайности затрудняетъ существованіе крестьянскаго хозяйства: „направленіе, — говоритъ Пѣшехоновъ, — въ которомъ можетъ развиваться крестьянское хозяйство, далеко не совпадаетъ съ тенденціями, какія можетъ проявлять хозяйство частновладѣльческое. Частный предприниматель заинтересованъ лишь въ размѣрахъ разницы между валовымъ доходомъ и издержками производства; *сколько людей* кормится отъ земли, и какъ кормятся, для него безразлично. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ хозяйство, ведущееся на счетъ самихъ трудящихся. Его существованіе неразрывно связано съ людьми, которые въ немъ работаютъ и отъ него кормятся. Сокращеніе затратъ на рабочую силу для него не только не имѣетъ смысла, но идетъ вразрѣзъ съ его основными задачами“; *его* задача—удовлетвореніе потребностей крестьянской семьи, а потому „развиваться оно можетъ только въ одномъ направленіи,—увеличивая общую массу производимыхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи его интересы никогда не могутъ прійти въ противорѣчіе съ интересами всего общества. Это крупное, съ общественной точки зрѣнія, преимущество крестьянскаго хозяйства является, однако, слабымъ пунктомъ въ его борьбѣ съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Возможность для послѣднаго пользоваться всѣми техническими и общественными условіями, чтобы сокращать свои затраты на рабочую силу, даетъ ему крупное преимущество надъ хозяйствомъ крестьянскимъ. Этого преимущества было бы вполнѣ достаточно, чтобы стереть послѣднее съ

лица земли", чтобы уничтожить крестьянское хозяйство, „если бы у него не было въ распоряженіи не менѣе сильнаго средства въ борьбѣ за существованіе. Крестьянинъ можетъ понизить свой доходъ до уровня заработной платы, т.-е. отказаться отъ предпринимательской прибыли и отъ причитающейся на его долю земельной ренты"; если нѣтъ другого выхода, онъ можетъ,—добавлю отъ себя,—понизить свой доходъ и *ниже* уровня заработной платы, лишь бы какъ-нибудь просуществовать. И вотъ, „вздувая цѣны на землю и сбивая цѣны на продукты, онъ дѣлаетъ капиталистическое хозяйство на арендованной землѣ невозможнымъ, на собственной землѣ безцѣльнымъ. Въ первомъ случаѣ предприниматель не можетъ оплатить ненормально-высокую ренту, во второмъ—сдачу земли въ аренду земледѣлецъ предпочтетъ собственной ея эксплуатаціи. Взаимная конкуренція дѣйствуетъ такимъ образомъ угнетающе на тотъ и другой типъ хозяйства",—она одинаково вредна и для крестьянскаго, и для владѣльческаго хозяйства: чтобы вести правильное хозяйство „у трудящагося крестьянства нѣтъ средствъ, а капиталистамъ надъ этимъ не изъ-за чего работать". Такимъ образомъ, оставивъ часть земли помѣщикамъ, „дѣятели освободительной эпохи завязали узелъ", который разрубить можетъ только „рѣшительная мобилизація земли въ ту или другую сторону,—въ сторону предпринимателей или трудящихся"; должно исчезнуть съ лица земли либо крестьянское, либо владѣльческое хозяйство. „Рано или поздно, въ той или иной

формѣ, при нашемъ участіи или помимо насъ, она должна осуществиться".

Радикальные и умѣренные оттѣнки.

Вотъ какъ стоитъ вопросъ о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, о крупновладѣльческомъ и трудовомъ хозяйствѣ у представителей народническаго теченія. Болѣе рѣшительные его представители дѣлаютъ отсюда совершенно естественный выводъ: они требуютъ полной націонализаціи всей земли, полнаго уничтоженія всего нетрудового землевладѣнія, въ формѣ простого отобранія или конфискаціи. „Вся земля всему народу и безъ всякаго выкупа" — таковъ лозунгъ радикальнаго народничества. Этотъ лозунгъ совпадаетъ съ „платформой" современной русской соціалъ-демократіи; разница только въ томъ, что у народниковъ онъ естественно вытекаетъ изъ всего ихъ міровоззрѣнія, изъ всего ихъ пониманія законовъ развитія въ области сельскаго хозяйства, тогда какъ „платформа" соціалъ-демократовъ стоитъ въ полномъ противорѣчіи и съ ихъ теоретическими воззрѣніями, и даже съ ихъ программными положеніями.

На ряду съ радикальнымъ народничествомъ существуетъ, однако, и рядъ болѣе умѣренныхъ народническихъ оттѣнковъ. Таковы, въ большей или меньшей степени, народные соціалисты, трудовики, таковы нѣкоторые изъ болѣе лѣвыхъ „кадетъ". Существенныя отличія болѣе умѣреннаго отъ радикальнаго народничества, во-первыхъ, въ томъ, что первое не предполагаетъ распространять націонализацію земли на мелкое землевладѣніе трудового размѣра и, во-вторыхъ,

въ томъ, что оно, такъ или иначе, допускаетъ выкупъ подлежащей изъятію изъ крупнаго владѣнія земли. Изъятіе отъ націонализаціи мелкихъ, въ частности крестьянскихъ владѣній, признается неизбѣжнымъ потому, что „крестьянская масса не позволитъ сразу разрушить всѣ исторически сложившіяся въ крестьянской-же средѣ земельныя отношенія“ (Туганъ-Барановскій); чтобы земельная реформа могла быть осуществлена на практикѣ, признается необходимымъ поставить дѣло такъ, чтобы не возстановлять противъ нея многочисленный классъ мелкихъ трудовыхъ земледѣльцевъ, хотя неизбѣжнымъ послѣдствіемъ изъятія надѣльныхъ земель и мелкихъ владѣній отъ націонализаціи является невозможность достигнуть полной уравнительности въ распредѣленіи земли. Сложнѣе второй вопросъ — о выкупѣ за подлежащія націонализаціи земли. Можно ли, прежде всего, отстаивать выкупъ съ точки зрѣнія справедливости? Многіе думаютъ, что да. „Какое,— говорятъ они,— основаніе отбирать безвозмездно землю, разъ капиталисты оставляются при обладаніи капиталомъ? Какое основаніе отбирать безъ вознагражденія купленныя на деньги земли, разъ деньги, у кого они остались, *не* подлежатъ отобранію? Но другіе (напр., Туганъ-Барановскій) рѣшительно отвергаютъ такого рода точку зрѣнія: у меня украли часы и кошелекъ; одного вора, съ часами, поймали; такъ неужто же будетъ „несправедливо“ отобрать у него мои часы только потому, что мой кошелекъ пока остался не отобранъ у другого вора?.. И разъ частная собственность на землю по су-

ществу не имѣетъ оправданія съ нравственной точки зрѣнія, разъ она есть „самый несправедливый видъ собственности“, то „кто же долженъ платить выкупъ? Тотъ, кто возвращаетъ свое естественное достояніе, котораго онъ столько лѣтъ былъ несправедливо лишенъ, или же, напротивъ, тотъ, кто несправедливо завладѣлъ этимъ достояніемъ и не по праву пользовался имъ много лѣтъ, въ ущербъ правомѣрному владѣльцу? Съ моральной точки зрѣнія — съ точки зрѣнія справедливости, „вопросъ о выкупѣ ясенъ: единственная *справедливая* выкупная цѣна это — ни копейки землевладѣльцу“ (Туганъ - Барановскій).

Но кромѣ моральной точки зрѣнія существуетъ еще другая, болѣе важная: точка зрѣнія политическая и экономическая. Вѣдь еще Марксъ въ свое время сказалъ, что *при выкупѣ* экспропріація средствъ производства обойдется трудящемуся народу дешевле всего: если дать землевладѣльцамъ умѣренный выкупъ, то земельную реформу будетъ гораздо легче провести, чѣмъ въ порядкѣ простой конфискаціи. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ изъ писателей народническаго направленія Пѣшехоновъ, Елпатьевскій и мн. др.; на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ, изъ нашихъ партій, трудовики и народные соціалисты. Но въ пользу выкупа есть еще и другого рода доводы. „Если бы,—говоритъ Туганъ-Барановскій,—земля не была тѣсно связана съ денежнымъ и промышленнымъ капиталомъ,—въ такомъ случаѣ конфискація земель могла бы произойти безъ всякаго потрясенія промышленнаго развитія страны,

Но вѣдь владѣльческія земли въ большей части заложены — на нихъ лежитъ до полутора милліардовъ ипотечныхъ долговъ. Конфискація земель безъ выкупа была бы равносильна уничтоженію всѣхъ этихъ долговъ". Въ связи съ этимъ „окажется въ невозможности платить свои долги и множество частныхъ лицъ: прежде всего землевладѣльцы, которые лишатся всего своего имущества, затѣмъ земельные банки, держатели закладныхъ листовъ"; будутъ, значитъ, разорены не одни только землевладѣльцы, но и масса ни въ чемъ неповинныхъ людей; и главное —„послѣдуетъ глубочайшее разстройство не только государственнаго, но и частнаго кредита". А если это случится, то изъ страны уйдутъ не только иностранные капиталы,—уйдутъ за границу и наши русскіе капиталы. Это неизбѣжно вызоветъ полную остановку всей нашей капиталистической промышленности. И въ концѣ-концовъ, *именно при конфискаціи земля обойдется народу дороже всего:* „крестьяне заплатятъ за землю, во-первыхъ, потерей подсобныхъ заработковъ въ промышленности и торговлѣ; во-вторыхъ, какъ покупатели товаровъ, попадающихъ въ ихъ руки черезъ каналы торговли, которая придетъ въ разстройство; въ-третьихъ, какъ покупатели продуктовъ капиталистической промышленности (напр., желѣза, плуговъ и проч.), которая также придетъ въ разстройство; въ-четвертыхъ, какъ продавцы продуктовъ своего хозяйства, ибо продажа эта можетъ совершиться лишь черезъ каналы торговли; въ-пятыхъ, какъ производители, нуждающіеся въ кредитѣ; въ-шестыхъ, какъ пла-

тельщики государственныхъ налоговъ, ибо когда капиталы уйдутъ изъ страны и капиталистическая промышленность станетъ, то придется поневолѣ облагать крестьянскую массу,—и, въ результатѣ, земля обойдется крестьянину дороже, чѣмъ при выкупѣ обычнымъ капиталистическимъ способомъ".

Смыслъ націонализаціи.

Такимъ образомъ разница между радикальнымъ и болѣе умѣреннымъ народничествомъ — въ вопросахъ о выкупѣ и о предѣлахъ націонализаціи. Но въ чемъ нѣтъ разницы — это въ вопросѣ о томъ, *какъ быть* съ націонализованною землею. У Качоровскаго мы находимъ, правда, какъ будто-бы намекъ на полное обобществленіе, соціализацію сельскохозяйственнаго производства: онъ предлагаетъ „сознательно распутаться въ сложныхъ нитяхъ народнаго правосознанія" и найти въ нихъ „элементы для переплавки въ максимально—коллективистическую программу". Но затѣмъ даже такой радикальный народникъ, какъ Новоторжскій, не рѣшается мечтать для ближайшаго будущаго о соціализированной эксплоатаціи земли; даже онъ только съ ростомъ умственной и духовной культуры, съ „развитіемъ общественной солидарности", надѣется на „постепенное распространеніе товарищескаго землепользованія, другими словами, перехода къ общественному производству и распредѣленію сельскохозяйственныхъ продуктовъ"; для ближайшаго же времени ожидаетъ лишь „созданія законодательства, благопріятнаго для развитія товарищескаго пользованія государственною землей". И для теорети-

ковъ, и для политиковъ народническаго направленія націонализація или соціализація частновладѣльческихъ земель равносильна простому „изъятію ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходу въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически-организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія“. Вѣдь экспропріація земель у частныхъ владѣльцевъ будетъ связана съ всеобщимъ уравненіемъ. Но „если однажды произойдетъ такое уравнительное перераспредѣленіе земли, то есть полное основаніе думать, что то-же будетъ повторяться и въ будущемъ. Ибо тѣ-же причины должны вызывать тѣ же слѣдствія... И это тѣмъ болѣе, что трудъ лишь первый шагъ; *теперь* переходъ земли въ руки народа требуетъ величайшаго напряженія народной мощи. На пути къ такому переходу стоятъ громадныя препятствія— сосредоточенная сила всего классоваго государства. Когда это сопротивленіе будетъ побѣждено и земля перейдетъ въ руки трудящагося народа, то что̀ можетъ удержать народъ повторить, уже съ неизмѣримо меньшимъ сопротивленіемъ, то, что̀ удалось ему однажды? И можетъ ли народная масса, которая однажды добилась земли и воли, допустить, чтобы земля опять ушла изъ ея рукъ и сосредоточилась въ рукахъ немногихъ?“ (Туганъ-Барановскій).

Таковы главнѣйшія теченія прогрессивной русской общественной мысли: марксистское, или соціалъ-демократическое, и народническое; повторяю — я имѣю въ виду именно *теченія* и ихъ

теоретическую обосновку, а *не* партійныя *программы*, и тѣмъ болѣе не „платформы“: эти послѣднія чрезвычайно разнообразны, далеко не всегда достаточно согласованы съ принципіальными основами тѣхъ или иныхъ теченій, и разборъ ихъ совершенно не входитъ въ задачу настоящаго курса.

Сопоставленіе с.-д. и народническихъ теченій.

Какому же изъ охарактеризованныхъ теченій отдать преимущество? Это вопросъ, на который отвѣтить очень нелегко: каждое изъ нихъ носитъ въ себѣ зерно истины, и каждое изъ нихъ не свободно отъ заблужденій. *Въ общемъ*, несомнѣнно, стройнѣе и послѣдовательнѣе народническое теченіе. Оно съ совершенною послѣдовательностью ведетъ, что̀ называется, свою линію, начиная отъ Чернышевскаго. Оно издавна подчеркиваетъ благопріятныя для крестьянства особенности въ ходѣ развитія сельскаго хозяйства; оно издавна разрабатывало вопросъ о жизненности мелкихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій въ томъ самомъ направленіи, куда въ самое послѣднее время, въ лицѣ Давида, Фольмара и др., вступило меньшинство западно-европейской соціалъ-демократіи. Положеніе русской соціалъ-демократіи всегда было и посейчасъ осталось чрезвычайно труднымъ. *Ея* теоретическіе взгляды цѣликомъ заимствованы у германской соціалъ-демократіи, исходившей, конечно, изъ промышленныхъ отношеній Западной Европы, и потому, поскольку эта теорія проводится послѣдовательно, она мало соотвѣтствуетъ требованіямъ русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ: было бы, можетъ-быть,

очень хорошо, если бы сельское населеніе постепенно дифференцировалось, и если бы значительная часть его, какъ въ Западной Европѣ, уходила отъ земледѣлія и обращалась къ обрабатывающей промышленности. Но *куда*, спрашивается, будетъ уходить это избыточное сельское населеніе? Промышленность на Западѣ дѣйствительно поглощала весь избытокъ населенія; но эта промышленность росла частью за счетъ заморскихъ рынковъ, частью — благодаря обусловленной высокимъ уровнемъ народнаго благосостоянія широтѣ внутренняго рынка. Ни на то, ни на другое, *наша* обрабатывающая промышленность разсчитывать не можетъ: заморскіе рынки захвачены нѣмцами, англичанами и т. п.; свой внутренній рынокъ очень малъ, потому что населеніе бѣдно и обладаетъ очень малою покупательною способностью. *Куда же*, спрашивается, итти крестьянамъ, которые не могутъ прокормиться на своей землѣ?.. Можно съ увѣренностью ожидать, что и наша обрабатывающая промышленность будетъ расти. *Но когда?* Когда устранятся всѣ тѣ неблагопріятныя политическія и культурныя условія, которыя такъ тормозятъ развитіе нашего народнаго хозяйства, а главное — когда у насъ будетъ широкій внутренній рынокъ. Но все это будетъ не скоро, и главное — внутренній рынокъ будетъ только тогда, когда поднимется благосостояніе крестьянскихъ массъ. А *до тѣхъ поръ* крестьянину приходится жить на землѣ и отъ земли, и чтобы онъ могъ прожить, необходимы мѣропріятія въ двоякомъ направленіи: коренныя мѣры—улучшеніе крестьянскаго хозяйства и по-

вышеніе производительности земли; и въ качествѣ временной поддержки—расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Практически, въ своихъ „платформахъ“, русской соціалъ-демократіи пришлось пойти навстрѣчу требованіямъ этой русской дѣйствительности; она даже слишкомъ далеко пошла навстрѣчу этимъ требованіямъ, и постаралась перещеголять даже самое радикальное народничество. Но ея практическія требованія, какъ признаютъ многіе изъ самихъ соціалъ-демократовъ (Громанъ, Юшкевичъ и др.), очень плохо согласуются съ основными началами соціалъ-демократической теоріи: это уже не соціалъ-демократическія, а народническія требованія.

Отношеніе къ капиталистическому сельскому хозяйству.

Въ одномъ, однако, соціалъ-демократическое теченіе — опять-таки, пока оно остается въ области теоретическихъ разсужденій и не заходитъ на скользкую почву „платформъ“,—имѣетъ существенное преимущество передъ народническимъ теченіемъ: оно не забываетъ о хозяйственномъ значеніи владѣльческаго хозяйства, — вопросъ, который представители народническаго теченія рѣшаютъ слишкомъ легко и просто, или на которомъ они не останавливаются вовсе. На этомъ вопросѣ я теперь и долженъ остановиться.

Совершенно просто разрѣшается, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, вопросъ о земляхъ, постоянно сдаваемыхъ въ аренду крестьянамъ. „Если въ странѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, а земледѣліе остается мелкимъ благодаря распространенію мелкихъ арендъ, то уничтоженіе круп-

ной земельной собственности и замѣна ея мелкою собственностью на землю не требуетъ какого бы то ни было измѣненія характера земледѣльческаго производства; послѣднее остается мелкимъ, какимъ и было; коренная реформа земельной собственности можетъ быть произведена въ этомъ случаѣ безъ малѣйшаго потрясенія народнаго хозяйства" (Туганъ-Барановскій). Совершенно ясно, что крупное землевладѣніе при арендномъ хозяйствѣ не имѣетъ за себя никакого оправданія: владѣлецъ не несетъ никакихъ хозяйственныхъ функцій или обязанностей, все его отношеніе къ землѣ сводится къ тому, что онъ получаетъ съ нея доходъ, не дѣлая ничего для созданія этого дохода. Если смотрѣть на дѣло съ производственной точки зрѣнія, владѣльческія земли эксплуатируются не лучше и, пожалуй, даже хуже надѣльныхъ земель: *хуже* потому, что крестьянинъ-арендаторъ лишь временно пользуется арендуемою землей и потому совершенно не заинтересованъ въ улучшеніи ея обработки; хуже еще и потому, что арендуемая земля обыкновенно находится на отлетѣ отъ мѣстожительства арендатора и потому не можетъ быть ни удобрена, ни своевременно обработана, и т. д Въ концѣ-концовъ, крестьянская аренда частновладѣльческой земли — это *худшій изъ всѣхъ*, какіе только есть, способовъ эксплоатаціи земли. Между тѣмъ, если чѣмъ и можно оправдать нетрудовую земельную собственность, такъ только той пользой, какую она приноситъ съ производственной точки зрѣнія. Въ данномъ случаѣ, оче-

видно, ни о какой пользѣ не можетъ быть и рѣчи.

То-же самое приходится сказать и о тѣхъ владѣльческихъ земляхъ, на которыхъ практикуются разнообразнѣйшія формы издольной обработки,— которыя обрабатываются крестьянами изъ части обработанной земли или изъ части получаемаго продукта; и такого рода издольная обработка не менѣе вредна съ производственной точки зрѣнія; для крестьянъ же она еще хуже денежной аренды, потому что стѣсняетъ крестьянина въ самой обработкѣ земли и въ уборкѣ полученнаго продукта. То-же самое, наконецъ, приходится сказать и о земляхъ, обрабатываемыхъ хотя и за счетъ владѣльцевъ, но крестьянскимъ инвентаремъ, въ особенности въ видѣ отработковъ; и такая обработка земли ни чуть не лучше или даже хуже обычной крестьянской, для крестьянъ же она сугубо убыточна, потому что отработки въ самое лучшее время отрываютъ крестьянъ отъ работъ въ собственномъ хозяйствѣ. Поскольку владѣльческія земли эксплоатируются перечисленными способами, частное землевладѣніе не имѣетъ за собою *никакого* оправданія, и защитники его, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ настоящей лекціи, предпочитаютъ вовсе не говорить объ арендныхъ, испольныхъ и т. п землях.

Но вопросъ далеко не исчерпывается сказаннымъ. Частное землевладѣніе — это далеко не одна только мелкая аренда, не одни только „феодально-крѣпостническія“ отношенія, развивающіяся на почвѣ обрѣзковъ, клиньевъ и т. п. Есть и

чисто—капиталистическія хозяйства, и ихъ было бы очень опасно уничтожать сплеча. Говорятъ, что и въ такихъ хозяйствахъ хлѣбъ не растетъ самъ, что и въ такихъ хозяйствахъ работаетъ все тотъ же мужикъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь ситцы, сукно или рельсы тоже сами не растутъ; вѣдь и на фабрикѣ работаетъ рабочій. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что фабрику надо разбить на кусочки и кусочками раздать рабочимъ? Очевидно, нѣтъ; и тѣ, кто думаетъ о коренномъ измѣненіи отношеній между трудомъ и капиталомъ, представляютъ себѣ это измѣненіе не въ видѣ раздѣла фабрикъ и заводовъ между рабочими, а въ видѣ обобществленія, соціализаціи производства. То-же самое и съ сельскохозяйственными предпріятіями капиталистическаго характера; я не имѣлъ бы никакихъ возраженій, если бы были предложены практически осуществимые способы соціализаціи такого рода предпріятій. Но такихъ способовъ пока никто еще не придумалъ...

Въ промышленномъ районѣ и вообще въ сѣверной и средней Россіи сельскохозяйственныхъ предпріятій капиталистическаго типа не такъ много; *сколько* ихъ—этого нѣтъ, однако, возможности точно сказать за недостаткомъ необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній. Но въ западномъ и юго-западномъ краѣ, частью въ Малороссіи, такого рода хозяйство очень распространено. Между тѣмъ *при нашихъ условіяхъ* капиталистическое сельскохозяйственное предпріятіе имѣетъ существенныя преимущества передъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Эти преимущества, свойственныя

вообще капиталистической организаціи, выражаются въ примѣненіи улучшенныхъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ, въ лучшей обработкѣ земли, въ примѣненіи разнаго рода земельныхъ улучшеній, въ болѣе совершенныхъ системахъ полеводства, при которыхъ посѣвы хлѣбовъ чередуются съ посѣвами кормовыхъ травъ, корнеплодовъ и промышленныхъ растеній; наконецъ, въ комбинаціи сельскаго хозяйства съ техническими производствами, перерабатывающими сельскохозяйственные продукты. И въ конечномъ результатѣ такого рода предпріятія даютъ въ полтора и въ два раза, иногда и втрое большіе урожаи, чѣмъ окрестныя крестьянскія земли; въ нихъ разводятся улучшенные сорта хлѣба и другихъ растеній, въ нихъ выращивается лучшій и болѣе цѣнный скотъ. Уничтожить все это — значило бы существеннымъ образомъ сократить производительныя силы страны; а между тѣмъ всякая земельная реформа — въ этомъ правы соціалъ-демократы — должна быть направлена не къ сокращенію, а къ развитію производительныхъ силъ.

Говорятъ на это, что крестьянамъ не легче отъ того, что владѣльческія земли даютъ большіе урожаи, даютъ болѣе цѣнный продуктъ. Но и это не такъ: владѣльческая земля, разъ на ней ведется хорошее капиталистическое, такъ называемое интенсивное хозяйство, требуетъ огромнаго количества рабочихъ рукъ и благодаря этому даетъ окрестному населенію больше выгоды, чѣмъ оно получаетъ съ надѣльной земли, при обычномъ крестьянскомъ хозяйствѣ: деся-

тина свекловичной плантаціи даетъ, напримѣръ, 60—80 и болѣе рублей заработка, тогда какъ надѣльная земля даетъ крестьянамъ 20—25, много 30 рублей всего валового дохода. И такіе заработки свекловичныя плантаціи и т. п. интенсивно обрабатываемыя земли даютъ даже при нынѣшней нищенской заработной платѣ, по 20—30 копеекъ въ день; когда, съ измѣненіемъ политическихъ и экономическихъ условій, повысится заработная плата, заработки будутъ, можно думать, еще значительно больше. При интенсивномъ хозяйствѣ, какъ оно ведется въ нѣкоторой части (большой или малой — сказать нельзя!) владѣльческихъ имѣній, десятина земли кормитъ двухъ человѣкъ, тогда какъ десятина такой-же земли въ крестьянскомъ надѣлѣ едва прокармливаетъ одного. Значитъ, при уничтоженіи такого рода хозяйствъ и раздѣлѣ земли между трудовыми земледѣльцами одинъ, кому останется земля, можетъ-быть, и выиграетъ, но другой навѣрное потеряетъ.

Говорятъ на это дальше, что вѣдь и крестьяне поведутъ такое-же интенсивное хозяйство. Я и самъ принадлежу къ числу тѣхъ, кто вѣритъ въ будущность мелкаго крестьянскаго хозяйства; я знаю, что мелкое хозяйство при извѣстныхъ условіяхъ, какія мы наблюдаемъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной и юго-западной Европы, даетъ не только такіе-же, но даже лучшіе результаты, чѣмъ крупное владѣльческое или капиталистическое хозяйство. Но именно только при извѣстныхъ условіяхъ. Что̀ лучше — мелкое или крупное хозяйство, — это *вполнѣ* за-

виситъ отъ культурныхъ условій, отъ степени умственнаго развитія населенія. „Чѣмъ выше,—говоритъ проф. Косинскій, самъ горячій сторонникъ мелкаго землевладѣнія,—поднимается культурный уровень населенія, чѣмъ интенсивнѣе ведется сельское хозяйство, чѣмъ выше средній уровень образованія, тѣмъ производительнѣе и тѣмъ болѣе способно къ конкуренціи становится крестьянское хозяйство". И это, повторяю, говоритъ горячій сторонникъ самой широкой земельной реформы. Между тѣмъ, что же мы видимъ у насъ, въ Россіи? Вѣдь культурный уровень у насъ чрезвычайно низокъ, образованіе и умственное развитіе народныхъ массъ крайне недостаточно, сельскохозяйственныя знанія, можно сказать, отсутствуютъ,—а при *такихъ* условіяхъ производительность земель, нынѣ занятыхъ подъ капиталистическими хозяйствами, съ переходомъ ихъ въ крестьянскія руки рѣзко понизится, и населеніе только потеряетъ отъ уничтоженія такихъ хозяйствъ.

Вотъ почему я думаю, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія совершенно спокойно можно было бы вести за счетъ арендныхъ земель,—земель, обрабатываемыхъ исполу или крестьянскимъ инвентаремъ. Но интенсивныя капиталистическія хозяйства надо либо принять въ общественное завѣдываніе, соціализировать,—либо надо ждать, пока поднимется уровень умственнаго развитія крестьянства и пока, такимъ образомъ, окажется возможнымъ передать крестьянамъ занятыя подъ такими хозяйствами земли безъ пониженія ихъ производительности. И вотъ—поскольку соціалъ-

демократы считаются съ существованіемъ и значеніемъ капиталистическихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, — постольку ихъ ученія, по моему убѣжденію, стоятъ на болѣе правильной почвѣ, чѣмъ народническія, которыя слишкомъ легко рѣшаютъ вопросъ о судьбѣ такого рода хозяйствъ.

Всероссійская община.

Другой вопросъ, гдѣ представители народническихъ теченій едва ли правы—это вопросъ о *соціализаціи земли*, иначе сказать, — объ образованіи чего-то въ родѣ всероссійской земельной общины, которая будетъ время отъ времени уравнивать землю между трудовымъ населеніемъ цѣлой страны. Чтобы убѣдиться въ неосуществимости, по крайней мѣрѣ, въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ, такого рода идей, достаточно представить себѣ, что многоземельныхъ крестьянъ вздумали бы равнять съ малоземельными. Развѣ многоземельныя общины отдадутъ излишнія по расчету земли для надѣленія малоземельныхъ общинъ, хотя бы своей-же волости, а тѣмъ болѣе чужихъ волостей, уѣздовъ или губерній?.. Конечно, нѣтъ, и всѣ отлично знаютъ, что нѣтъ. Не даромъ вѣдь теоретики народническаго теченія, въ родѣ Туганъ-Барановскаго, не распространяютъ націонализаціи на крестьянскія земли,—не даромъ такъ-же ставятъ вопросъ трудовики и народные соціалисты; иначе говоря, равнять землей малоземельныхъ предполагается только *за счетъ помѣщиковъ, а не за счетъ многоземельныхъ крестьянъ*. Но если теперь нельзя и думать о томъ, чтобы уравнять многоземельныя общины съ мало-

земельными, то тѣмъ болѣе объ этомъ нельзя будетъ думать черезъ 10, 20 или 30 лѣтъ. Если будетъ, въ самомъ дѣлѣ, произведена земельная реформа на основѣ отчужденія однѣхъ владѣльческихъ земель, то вѣдь крестьяне *еще крѣпче* приростутъ къ своей землѣ,—они еще болѣе увѣрятся въ томъ, что *ихъ*, крестьянскую землю, никогда и никто отобрать не можетъ, и уже окончательно не отдадутъ никому своихъ излишковъ. Идеи равненія, чернаго передѣла популярны среди крестьянъ, пока есть владѣльческія и казенныя земли. Владѣльцы, дѣйствительно, сильны; но ихъ, все-таки, всего 130.000, и *ихъ* сопротивленіе еще, пожалуй, можно надѣяться одолѣть. Но какое будетъ возможно „равненіе“, когда владѣльческихъ земель не будетъ? Вѣдь тогда придется преодолѣвать сопротивленіе уже не десятковъ тысячъ помѣщиковъ, а милліоновъ и десятковъ милліоновъ крестьянъ,—сопротивленіе всѣхъ тѣхъ общинъ, у которыхъ къ тому времени окажутся излишки земли, и которыя ни за что и никому не отдадутъ этихъ излишковъ. Вотъ почему я вполнѣ убѣжденъ, что дополнительное надѣленіе, если оно осуществится, осуществится *только одинъ разъ*, и что затѣмъ уже никакого новаго уравненія не будетъ; новые дополнительные надѣлы будутъ производиться развѣ только въ томъ случаѣ, если въ дѣлежку будутъ пущены какіе-нибудь новые запасы некрестьянскихъ земель, напримѣръ остатки владѣльческихъ земель, удобныя земли среди государственныхъ лѣсовъ и т. п.; но оно ни въ какомъ случаѣ и никогда не послѣдуетъ за счетъ земель многоземельнаго крестьянства.

Соціалъ-демократы правы еще и въ томъ отношеніи, что никакая земельная реформа не приведетъ къ водворенію соціальнаго мира въ нашей деревнѣ. „Наемный трудъ,—думаютъ нѣкоторые изъ представителей народническаго теченія (Новоторжскій)—въ общинѣ не долженъ допускаться". Трудно даже представить себѣ, какъ эта государственная или общинная власть „не допуститъ" наемнаго труда... Чтобы устранить соціальное неравенство и вытекающія изъ него послѣдствія, нужно было бы полное соціальное преобразованіе. Пока оно не осуществлено, никакая земельная реформа не устранитъ различія между богатымъ и бѣднымъ, между сильнымъ и слабымъ; закабаленіе одними людьми другихъ будетъ продолжаться съ тою же силою и въ тѣхъ же неприглядныхъ формахъ. И сейчасъ вѣдь кулакъ-торговецъ или свой-же братъ мужикъ закабаляетъ деревенскую бѣдноту и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе нѣтъ помѣщиковъ,—и кабала у торговца или своего брата-крестьянина тоже не изъ легкихъ.

Пособія. *А. Риттихъ.* Зависимость крестьянъ отъ общины и міра.—*Гурко.* Устои народнаго хозяйства Россіи. *Никольскій.* Земля, община и трудъ.—*Гр. Салтыковъ.* Голодная смерть подъ фирмою дополнительнаго надѣла.—*Пестржецкій.* Опытъ аграрной программы.—*Ермоловъ.* Нашъ земельный вопросъ.—*Б. Конштедтъ.* Аграрный вопросъ въ германской соціалъ-демократіи.—*Каутскій.* Аграрный вопросъ.—*Давидъ.* Соціализмъ и сельское хозяйство.—*Масловъ* Аграрный вопросъ въ Россіи.—*Сьворцовъ.* Аграрный вопросъ и Государственная Дума.—*Качоровскій.* Народное право.—*Пышехоновъ.* Земельныя нужды деревни.—*Туганъ-Барановскій.* Націонализація земли

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и улучшеніе крестьянскаго хозяйства.

Въ задачу настоящаго курса совершенно не входитъ намѣчать или разбирать основанія той болѣе или менѣе широкой земельной реформы, которая можетъ быть предпринята въ цѣляхъ *расширенія* крестьянскаго землевладѣнія. Но спрашивается: *что можетъ дать* такая реформа, *даже при самой широкой*, какая только мыслима, постановкѣ дѣла?

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ я вѣрилъ, что все спасеніе мужика, все спасеніе нашей деревни—въ землѣ: дайте только мужику земли, и все остальное приложится само собой. Но мнѣ пришлось потерять эту вѣру; меня заставило утратить ее все то, что мнѣ довелось видѣть за почти двадцать лѣтъ непрерывной работы по переселенческому дѣлу и по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ. За это время я объѣздилъ, можно сказать, всѣ эти окраины,—я видѣлъ всѣ тѣ „новыя мѣста“ и всѣ тѣ „вольныя земли“, куда такъ

жадно стремятся наши измученные земельнымъ голодомъ переселенцы: я видѣлъ знаменитый „Кочетокъ“ — Кокчетавскій уѣздъ, „Китайскій клинъ“, т.-е. туркестанскія предгорья, видѣлъ Приамурье и Уссурійскій край; я видѣлъ такія мѣста, гдѣ крестьянинъ, можно сказать, зарылся въ землѣ, гдѣ ему можно „поширяться“ сколько угодно, гдѣ на крестьянинѣ до сихъ поръ не было никакихъ налоговъ,—видѣлъ наяву то, чего лучше крестьянину, можно сказать, не снится и во снѣ. И я увидѣлъ, что не въ землѣ счастье...

Неудачи переселенцевъ.

Вѣдь какіе милліоны крестьянъ мечтали и мечтаютъ о Сибири и о сибирскихъ вольныхъ земляхъ!.. а между тѣмъ изъ Сибири, за время 1899—1903 гг., возвращалась почти цѣлая пятая часть переселенцевъ—19 человѣкъ изъ каждой сотни. И вѣдь возвращаются еще отнюдь не самые несчастные: возвращается на родину тотъ, кому все-таки *еще есть куда итти*, и *на есть что итти*; самые неудачники не возвращаются, а остаются въ Сибири, потому что имъ и не на что и не для чего возвращаться; самыхъ неудачниковъ приходится, значитъ, искать среди тѣхъ, кто не возвращается, а остается въ Сибири. И статистическія данныя говорятъ намъ, что даже въ такой благодатной мѣстности, какъ Алтайскій округъ, и то до одной пятой части новоселовъ остаются безлошадными или однолошадными (а вѣдь въ Сибири пашутъ не менѣе чѣмъ на парѣ, и потому однолошадный при условіяхъ сибирскаго хозяйства—это все равно, что безлошадный), а почти цѣлая треть обрабаваетъ землю супрягой — значитъ, не имѣетъ воз-

можности вести самостоятельнаго хозяйства. На казенныхъ земляхъ Томской губерніи безлошадные и однолошадные составляютъ также около одной пятой всѣхъ новоселовъ; почти шестая часть ихъ отпускаетъ батраковъ, какъ отпускала „на старинѣ“, а болѣе двухъ пятыхъ бо̀льшую или меньшую часть года продовольствуются покупнымъ хлѣбомъ. Въ киргизской степи безлошадныхъ съ однолошадными почти четверть всего числа новоселовъ, обрабатываютъ землю наймомъ и супрягой отъ одной четверти до двухъ пятыхъ обіцаго числа. Голодовки въ Сибири и киргизскомъ краѣ свирѣпствуютъ такъ-же часто, какъ свирѣпствовали въ самыхъ неурожайныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи,—голодовки по всей формѣ, съ цынгою, эпидеміями тифа, выдачами продовольственнаго хлѣба и казенною трудовою помощью. И въ такомъ положеніи—крестьяне, переселившіеся еще въ самое золотое время сибирскаго переселенія, когда они имѣли возможность водворяться на лучшихъ и самыхъ легкихъ для разработки земляхъ, когда обзаведеніе, благодаря дешевизнѣ хлѣба, скота и строевого матеріала, обходилось очень дешево, а заработки были очень хороши,—въ то время, когда переселенческая семья, попавшая подъ хорошій урожай, за мѣсяцъ страды легко могла заработать хлѣба на круглый годъ, да еще „вырядить“ десятину или двѣ посѣва. *Теперь* дѣло обстоитъ гораздо хуже: лучшія и легкія для разработки земли разобраны,—приходится селиться въ глухой сибирской тайгѣ или въ засушливыхъ, часто безводныхъ, киргизскихъ степяхъ; заработки да-

леко не тѣ, потому что „народу пріумножилось“, и по той же самой причинѣ обзаведеніе стоитъ въ нѣсколько разъ дороже,—едва ли много хорошаго ждетъ теперешнихъ переселенцевъ!..

Причина ихъ—плохое хозяйство.

И если спросить себя, отчего, въ концѣ-концовъ, такъ плохо приходится переселенцамъ „на новыхъ мѣстахъ“, то, какъ это ни больно, приходится сказать: отъ плохого, прямо-таки безобразнаго хозяйства. „Въ 80-хъ годахъ,—пишетъ одинъ наблюдатель, близко видѣвшій переселенческое хозяйство или хозяйничанье на крайнемъ западѣ киргизскаго края (Полферовъ),—вблизи укрѣпленія Актюбе выросъ обширный переселенческій поселокъ; на каждый дворъ давали по 30 дес. отличной земли; кажется, можно было хозяйничать... Но актюбинскій новоселъ иначе распорядился своимъ вольготнымъ положеніемъ: черезъ восемь лѣтъ,—продолжаетъ тотъ же очевидецъ,—мнѣ лично пришлось принимать участіе въ перемѣнѣ отведенныхъ участковъ, въ виду жалобъ переселенцевъ на малоземелье, при чемъ девять десятыхъ оказалось дѣйствительно негодною выпашью, благодаря хищнической системѣ воздѣлыванья, 3—4 года подъ рядъ одной пшеницы. Мало того, на 30—40 верстъ кругомъ всюду распаханы киргизскія степи. Лѣса и талъ вырублены, луга и камыши выкошены, а кобылка, ютившаяся въ этихъ мѣстахъ, стала откладывать яички по пашнямъ и окончательно добила хозяйство новосела,—тогда послѣдній проникъ внутрь степи на правахъ арендатора и снова принялся за свое хищничество“. И я самъ видѣлъ въ томъ же Киргизскомъ краѣ

сколько угодно такихъ картинъ; видѣлъ, какъ превосходная ковыльная степь вокругъ крестьянскихъ поселковъ въ немного лѣтъ превращается въ заросшую полынью, безплодную пустыню, а то и въ сыпучіе пески; видѣлъ, какъ во всѣ стороны разбѣгаются новоселы, всего за какихъ-нибудь пять или десять передъ тѣмъ получившіе по 15 десятинъ на душу непаханой ковыльной земли: вездѣ новоселамъ, оказывается, либо „земли мало“, либо земля „жидкая“, плохая, ненадежная.

А между тѣмъ та полоса киргизскаго края, о которой я только что говорилъ,—это черноземныя степи, очень похожія на многія изъ тѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, откуда двигаются переселенцы; здѣсь, можно было ожидать, переселенцамъ легче всего будетъ разобраться, легче всего будетъ сообразить, какое хозяйство надо вести по мѣстной почвѣ и по мѣстному климату. Такъ что же, въ такомъ случаѣ, въ такихъ уже совсѣмъ не похожихъ на Европейскую Россію мѣстностяхъ, какъ Туркестанъ или Уссурійскій край?.. Въ Туркестанѣ, благодаря плодородной почвѣ и, въ особенности, благодатному южному климату, земля, при поливѣ, даетъ по два урожая въ годъ, неурожаевъ почти не бываетъ, и кромѣ обычныхъ хлѣбовъ, могутъ разводиться и дѣйствительно разводятся туземцами такіе цѣнные и доходные продукты, какъ виноградъ, хлопокъ, рисъ и т. п. Туземецъ, при такихъ условіяхъ, блаженствуетъ на какихъ-нибудь 4—5 десятинахъ. Крестьяне, переселившіеся въ Туркестанъ, получили въ 5—6 разъ больше земли—по 20—30 десятинъ на дворъ; а между тѣмъ имъ и здѣсь

тѣсно: вездѣ, гдѣ только можно, они арендуютъ землю у туземцевъ, вездѣ они хлопочутъ о прирѣзкахъ, а многіе изъ нихъ уже бросили отведенныя имъ земли и ушли, невѣдомо куда, искать все новыхъ мѣстъ и все новаго простора. У туземцевъ ведется правильный плодосмѣнъ—пшеница или ячмень чередуются съ посѣвами травы, съ кормовымъ просомъ или кукурузой; они разводятъ такія цѣнныя растенія, какъ хлопокъ или виноградъ,—они тщательнѣйшимъ образомъ обрабатываютъ и удобряютъ землю. Крестьяне-переселенцы, какъ мнѣ уже приходилось говорить, сѣютъ все одну пшеничку, земли не удобряютъ; они не только не расширили площадь обработанныхъ земель, но, напротивъ, побросали кое-что и изъ того, что обрабатывали туземцы: гдѣ только хоть немного гальки въ почвѣ—крестьяне такой земли уже не обрабатываютъ: „наши, молъ, плуги такой земли не берутъ“... Понятно, что̀ отсюда происходитъ: крестьянину-переселенцу, въ самомъ дѣлѣ, нужно пять десятинъ, чтобы получить столько, сколько туземцу даетъ одна; конечно, ему будетъ тѣсно и на 20, и на 30 десятинахъ; ему еще и потому будетъ тѣсно, что его хозяйство очень быстро истощаетъ, обезсиливаетъ землю,—поневолѣ приходится, въ самомъ дѣлѣ, арендовать и хлопотать о прирѣзкахъ, если же арендовать нечего, а прирѣзокъ не даютъ, то и бѣжать съ насиженнаго мѣста.

Въ Приамурьѣ совсѣмъ другія условія: въ Туркестанѣ нѣтъ или мало дождей, и землю приходится поливать,—въ Приамурьѣ, и въ особенности въ Уссурійскомъ краѣ, дождей слишкомъ много, и

главное—дожди выпадаютъ, главнымъ образомъ, во второй половинѣ лѣта, т.-е. какъ разъ во время созрѣванія и уборки хлѣба и травы. Живущіе или жившіе во многихъ мѣстахъ Амурской области и Уссурійскаго края китайцы превосходно приспособили свое хозяйство къ условіямъ мѣстнаго климата: поля у нихъ раздѣлываются грядками, посѣвъ рядовой, обработка почвы чрезвычайно тщательная, разводятъ не столько зерновые хлѣба, сколько бобовыя и такъ называемыя пропашныя растенія, въ особенности разные виды проса — чумизу и гаолянъ. При такомъ хозяйствѣ почва совершенно не истощается, вырабатываются гораздо болѣе устойчивыя и соотвѣтствующія мѣстному климату сѣмена, посѣвы совсѣмъ мало страдаютъ отъ избытка дождей и отъ развивающихся, благодаря излишней сырости, грибныхъ болѣзней. Переселенцевъ, чаще всего, сажаютъ на земли, отобранныя у китайцевъ. Переселенцы начинаютъ съ того, что перепахиваютъ китайскія поля „по-россійски“, широкими загонами, сѣютъ изъ года въ годъ „россійскую“ пшеницу,—и черезъ какихъ-нибудь 5 или 10 лѣтъ превосходныя китайскія поля приходится забрасывать изъ-за сорныхъ травъ и заводящагося въ посѣвахъ „пьянаго хлѣба“; есть уже цѣлыя деревни, населеніе которыхъ разбѣжалось во всѣ стороны, есть такія, гдѣ заколочена треть или половина домовъ. Переселенцы, немного обжившіеся въ краѣ, отлично понимаютъ негодность своего „россійскаго“ хозяйства, понимаютъ всѣ преимущества китайскихъ пріемовъ обработки земли. Но сами они этихъ пріемовъ не перенимаютъ: имъ „не съ руки“, „не въ привычку“

копаться въ землѣ, какъ копаются китайцы и корейцы. И вотъ, уссурійскіе переселенцы, получившіе огромные надѣлы, по 100 дес. на семью, придумали очень простой исходъ изъ безвыходнаго положенія, создаваемаго негодностью „россійскихъ“ и „непривычностью“ китайскихъ способовъ хозяйства: они сдаютъ свои земли въ аренду, за деньги или исполу, тѣмъ-же китайцамъ и корейцамъ,—часто тѣмъ самымъ, которыхъ согнали съ мѣста, чтобы отдать землю крестьянамъ; изъ настоящихъ мужиковъ-хлѣборобовъ они превращаются, такимъ образомъ, въ маленькихъ помѣщиковъ, такъ же точно живущихъ чужимъ трудомъ, трудомъ китайцевъ и корейцевъ, какъ имъ самимъ, „на старинѣ“, приходилось работать на помѣщиковъ изъ дворянъ или изъ своего-же брата-крестьянина. Въ окрестностяхъ города Никольска и другихъ русскихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края я видалъ десятки китайскихъ хуторовъ—фанзъ и импаней, гдѣ живутъ мужицкіе арендаторы—китайцы и корейцы; мнѣ довелось быть, между прочимъ, въ одномъ небольшомъ казачьемъ поселкѣ, близъ станціи Иманъ: на весь поселокъ собственными руками казаковъ было распахано какихъ-нибудь двѣ или три десятины; но зато до 300 дес. было засѣяно арендаторами-китайцами, съ платой по 12 рублей за десятину. Такъ неужели же затѣмъ нужно переселеніе, неужели затѣмъ переселенцамъ-крестьянамъ даются 100-десятинные, а казакамъ—чуть не 200-десятинные надѣлы, чтобы крестьянинъ или казакъ жилъ помѣщикомъ и, вмѣсто того, чтобы вести хозяй-

ство, занимался сборомъ аренды съ китайцевъ и корейцевъ?..

Вотъ что̀ мы видимъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ земли сколько угодно—гораздо больше, чѣмъ крестьяне могутъ въ самомъ дѣлѣ обработать, гдѣ не можетъ быть разговору и о непосильныхъ платежахъ. Впрочемъ, не къ чему, пожалуй, и забираться въ такія далекія окраины. Мнѣ приходилось уже упоминать въ одной изъ предыдущихъ лекцій о хозяйствѣ колонистовъ-латышей, которыхъ много развелось въ Петербургской, Новгородской, Псковской губерніяхъ. Такъ вотъ—сами крестьяне признаютъ, что „чухна, хозяйничающій на участкѣ такого размѣра, при которомъ русскій крестьянинъ едва имѣетъ хлѣбъ, не только сытъ, но и ѣстъ ветчину, мясо, масло, пьетъ молоко и пр.“ (изъ одного крестьянскаго приговора по Новгородской губерніи).

Вотъ и приходится задуматься: въ землѣ ли счастье? и *что̀ можетъ дать* самая широкая земельная реформа, хотя бы черный передѣлъ *всѣхъ* земель, какія только есть въ нашей странѣ?

Что можетъ дать расширеніе крестьянскаго землевладѣнія.

Посмотримъ же, какія земли могли бы пойти на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Я уже говорилъ о переселеніи въ Азіатскую Россію. Мы знаемъ, что пустого мѣста въ Сибири и въ Киргизскомъ краѣ видимо-невидимо,—но годныхъ для заселенія земель отнюдь не много: свободны необъятныя пространства тайги,–но тайга переселенцамъ не нужна; въ степныхъ мѣстностяхъ годныхъ для поселенія крестьянъ-земледѣльцевъ земель немного, а еще меньше воды,

которою можно было бы воспользоваться для искусственнаго орошенія. До самаго послѣдняго времени переселялось не болѣе 200 тысячъ въ годъ; въ прошломъ, 1907 году переселилось, правда, болѣе полумилліона (впрочемъ, изъ нихъ до 130 тыс. ходоковъ,—значитъ, только около 400 тыс. настоящихъ переселенцевъ), но страшно подумать, что̀ будетъ, если переселеніе еще пару лѣтъ будетъ итти въ такихъ же размѣрахъ. Но пусть даже переселяется ежегодно хоть по полумилліона, — все-таки, вѣдь это только *четвертая* часть годичнаго прироста населенія Европейской Россіи...

Затѣмъ, въ Европейской Россіи имѣются необъятныя пространства земель, принадлежащихъ казнѣ и удѣлу и въ извѣстной части уже предназначенныхъ теперь (указами 12 и 27 августа 1906 г.) къ передачѣ крестьянамъ. Но вѣдь изъ этихъ необъятныхъ пространствъ собственно на земельныя угодья приходится съ небольшимъ 6 милліоновъ десятинъ, сосредоточенныхъ почти исключительно въ юго-восточныхъ губерніяхъ; почти половина этихъ земель приходится на три губерніи: Самарскую, Астраханскую и Симбирскую. Затѣмъ—необъятные казенные лѣса. Но, дѣйствительно, обширныя пространства лѣсовъ — гораздо больше чѣмъ нужно!—имѣются только въ нечерноземной полосѣ и, главнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельская, Вологодская и пр.). Если къ казеннымъ и удѣльнымъ лѣсамъ присчитать еще лѣса частновладѣльческіе, то можно смѣло сказать, что избытокъ лѣсовъ въ нечерноземной полосѣ будетъ достаточнымъ для

удовлетворенія всѣхъ мѣстныхъ земельныхъ нуждъ, даже по очень широкому расчету; остается, положимъ, подъ вопросомъ, *что̀ это* будутъ за земли, что̀ будутъ дѣлать крестьяне съ лѣсными прирѣзками, въ особенности тамъ, гдѣ мало сѣнокосовъ,— но на этомъ мы пока останавливаться не будемъ. Сейчасъ мы должны отмѣтить только одно: что и лѣса сѣвера Россіи, какъ и сибирская тайга, не могутъ ничѣмъ помочь крестьянамъ черноземной полосы, т.-е. какъ разъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ земельный вопросъ всего острѣе и разрѣшеніе его всего насущнѣе: какой-нибудь полтавецъ или курянинъ не пойдетъ въ Костромскую или Новгородскую, тѣмъ болѣе въ Архангельскую губернію. Въ черноземной же полосѣ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ уже настолько мало, что о расширеніи, за ихъ счетъ, крестьянскаго землевладѣнія говорить уже не приходится: казенные лѣса, какіе еще остались, надо не расточать, а беречь, какъ зѣницу ока...

Наконецъ земли частныхъ владѣльцевъ всѣхъ разрядовъ и наименованій. Общая площадь частновладѣльческихъ земель во всей Европейской Россіи—103 милліона удобныхъ десятинъ. Но изъ нихъ надо исключить прежде всего мелкія владѣнія, имѣющія характеръ трудовыхъ, — земли, пріобрѣтенныя крестьянами при посредствѣ крестьянскаго банка и т. п. *Сколько* ихъ—этого въ точности нельзя сказать, но едва ли меньше 20 милліоновъ десятинъ. Изъ остальныхъ 80 или 85 милліоновъ десятинъ владѣльческихъ земель, опять-таки по приблизительному подсчету, 35 или 40-милліоновъ десятинъ лѣсовъ и около 40—45,

много 50 милліоновъ десятинъ земельныхъ угодій. О владѣльческихъ лѣсахъ приходится сказать, примѣрно, то же, что только что сказано о лѣсахъ казны и удѣла: часть ихъ, конечно, можно было бы взять для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, но тоже только въ нечерноземныхъ губерніяхъ, т.-е. какъ разъ тамъ, гдѣ для этого и безъ того достаточно казенныхъ и удѣльныхъ земель.

Предположимъ теперь далеко не правдоподобную вещь: что на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія будутъ использованы даже *всѣ* земельныя угодья частныхъ владѣльцевъ, въ количествѣ, допустимъ, 50 милліоновъ десятинъ; прибавимъ къ этому полностью 6 или $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ земельныхъ угодій казны и удѣла, прибавимъ десять милліоновъ, или даже совершенно неправдоподобную цифру—20 милліоновъ десятинъ лѣсовъ, которые, предположимъ, также удалось бы использовать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Въ итогѣ получается все-таки всего только 65—75 милліоновъ десятинъ. А у крестьянъ уже сейчасъ имѣется до 113 милліоновъ десятинъ надѣльныхъ, да по послѣднимъ даннымъ—до 25 милл. дес. купчихъ земель Значитъ, все, что можно, по самому неправдоподобному широкому расчету, использовать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, составитъ прибавку, кругомъ, по одной десятинѣ на каждыя двѣ десятины теперешняго крестьянскаго владѣнія. Конечно, *такъ* земля не будетъ распредѣляться: добавлять по десятинѣ на каждыя двѣ десятины, т.-е. добавить имѣющему 100 дес. еще

50 десятинъ, а имѣющему всего двѣ десятины — только одну, было бы явною безсмыслицей. Ясно, значитъ, что бо̀льшая часть могущихъ быть использованными для расширенія крестьянскаго землевладѣнія земельныхъ запасовъ страны должна будетъ пойти на удовлетвореніе земельной нужды наиболѣе обездоленныхъ группъ крестьянства, тѣмъ же, кто лучше обезпеченъ землей, достанется гораздо меньше, чѣмъ по десятинѣ на каждыя двѣ наличныхъ десятины, многимъ же изъ нихъ, мы сейчасъ увидимъ, и вовсе ничего не достанется.

Примѣрный общій подсчетъ.

Не такъ давно я сдѣлалъ попытку вычислить, сколько требуется земли для того, чтобы довести земельное обезпеченіе крестьянъ, по расчету на наличную численность населенія, до нормъ высшаго или указнаго надѣла, установленныхъ положеніями 19 февраля. Для 44-хъ губерній, для которыхъ мнѣ удалось сдѣлать соотвѣтственныя вычисленія, получилось 73 милліона десятинъ; общее количество земли въ тѣхъ же 44-хъ губерніяхъ, считая въ томъ числѣ всѣ земельныя угодья казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ, а также весь избытокъ лѣсной площади, не превышаетъ 45—50 милліоновъ десятинъ; значитъ, въ итогѣ по 44 губерніямъ для надѣленія по нормамъ 1861 года не хватаетъ, примѣрно, 25 милліоновъ десятинъ. Если взять не общіе итоги, а цифры по отдѣльнымъ губерніямъ и районамъ, то оказывается, что земельные запасы могли бы быть достаточны для надѣленія по нормамъ 1861 года во всемъ сѣверномъ полѣсьѣ,

въ пріозерныхъ, частью бѣлорусскихъ губерніяхъ. Уже въ промышленномъ, подмосковномъ районѣ земельныхъ запасовъ оказывается недостаточно. Нечего уже и говорить о черноземной полосѣ: здѣсь только въ шести губерніяхъ, именно Самарской, Симбирской, Казанской, Херсонской, Таврической и Волынской, надѣлы, при полномъ использованіи всѣхъ земельныхъ запасовъ, могли бы быть доведены до нормъ высшаго или указнаго надѣла по положеніямъ 1861 года; во всей центральной земледѣльческой полосѣ это оказывается совершенно невозможнымъ. Недохватка земли могла бы быть, въ извѣстной части, покрыта излишками сѣверныхъ лѣсовъ,—но мы уже знаемъ, что сѣверные лѣса не могутъ быть использованы для устройства населенія черноземной полосы — они ему не нужны.

Все это, конечно, только прикидки, приближенныя вычисленія. Но сущность дѣла едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: въ нечерноземной полосѣ земельныхъ запасовъ *можетъ* хватитъ для надѣленія по нормамъ 1861 года, въ *черноземной — нѣтъ*. Но, вѣдь, что̀ такое нормы 1861 года?.. При нынѣшней плохой обработкѣ земли и при низкой ей производительности, онѣ чрезвычайно далеки отъ такъ называемыхъ „трудовыхъ нормъ“, онѣ ниже, для многихъ мѣстностей, даже чѣмъ потребительныя нормы; иначе сказать, надѣлъ по нормамъ высшихъ или указныхъ надѣловъ по положеніямъ 19 февраля не можетъ ни дать крестьянамъ возможности использовать весь свой трудъ на своей землѣ, ни обезпечить удовлетворенія ихъ скромныхъ потребительныхъ

нуждъ: продовольствія, одежды и т. п. Но отсюда ясно, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, хотя бы для этого были использованы *всѣ* земельные запасы страны, хотя бы въ странѣ не осталось *никакого*, кромѣ крестьянскаго, землевладѣнія, не можетъ привести къ коренному разрѣшенію нашего аграрнаго вопроса, не можетъ исцѣлить тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ страдаетъ наше крестьянство.

Сущность аграрнаго вопроса—кризисъ первобытнаго земледѣлія.

Вѣдь въ чемъ, въ концѣ-концовъ, причина и низкихъ среднихъ урожаевъ, и столь частыхъ полныхъ неурожаевъ, и хроническаго недоѣданія, и періодически повторяющагося голоданія нашего крестьянства, ведущаго, въ концѣ-концовъ, къ физическому вырожденію народныхъ массъ? Въ томъ, что существующіе хозяйственные порядки — залежное хозяйство нашего юга и юга-востока, трехполье нашего центра и большей части сѣвернаго полѣсья—уже не отвѣчаютъ условіямъ современной густоты крестьянскаго населенія или, иначе сказать, не соотвѣтствуютъ размѣрамъ того надѣльнаго и внѣнадѣльнаго земельнаго фонда, на которомъ хозяйствуютъ крестьяне. Чтобы залежное хозяйство опять могло сдѣлаться раціональнымъ, правильнымъ, чтобы оно опять начало давать крестьянину не 30 и не 25 пудовъ съ десятины,— для этого надо бы было устроить такъ, чтобы земля могла отдыхать, сколько нужно для возстановленія ея производительныхъ силъ; но это было бы возможно лишь при такомъ просторѣ, какой сейчасъ имѣется развѣ только въ наибо-

лѣе рѣдко населенныхъ и многоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири; или, иначе говоря, залежное хозяйство могло бы давать хорошіе урожаи развѣ только если бы крестьянскіе надѣлы увеличились гдѣ втрое или вчетверо, а гдѣ—въ пять, въ шесть и болѣе разъ. Чтобы крестьянинъ могъ получать хорошіе урожаи при трехпольѣ,—для этого нужно было бы, чтобы у него на десятину пашни было гдѣ десятина, а гдѣ $1^1/_2$ и даже 2 десятины луга; нужно, вообще, возстановить правильное соотношеніе между посѣвною и кормовою площадью. Но все это, очевидно, практически совершенно неосуществимо: неоткуда взять земли, чтобы увеличить крестьянское землепользованіе въ 3, 4 или 5 разъ, неоткуда взять столько луговъ, чтобы на каждую десятину пашни пришлось хотя бы по одной десятинѣ покоса. А если это такъ, то дѣйствительнаго выхода изъ переживаемаго нами аграрнаго кризиса можно искать *исключительно* въ подъемѣ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, въ переходѣ къ такимъ способамъ обработки земли, при которыхъ населеніе, какъ оно есть сейчасъ, могло бы получать достаточные урожаи и достаточный доходъ отъ своего хозяйства.

Выходъ—въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства.

И особенно ясно сказанное станетъ, если посмотрѣть, какъ могла бы отразиться даже самая широкая земельная реформа, какъ могли бы отразиться даже самыя рѣшительныя мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, на отдѣльныхъ, различно обезпеченныхъ землею, группахъ и разрядахъ нашего кре-

стьянства. Земли, мы видѣли, на всѣхъ хватить не можетъ,—значитъ, при распредѣленіи ея придется сообразоваться со степенью земельной нужды. Въ первую голову, конечно, получатъ землю дарственники, вообще всѣ тѣ, у кого очень мало земли, гораздо меньше, чѣмъ имѣютъ, кругомъ, крестьяне каждой губерніи или каждаго уѣзда. *У нихъ* земли прибавится, конечно, много,— но все-таки сколько же? Самое лучшее, если у нихъ послѣ земельной реформы окажется немногимъ больше земли, чѣмъ имѣютъ теперь среднеземельные. Среднеземельнымъ достанется уже немного: ихъ надѣлы возрастутъ уже не втрое или вчетверо, а на какую-нибудь четверть или треть. Многоземельнымъ, напримѣръ, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, при равномѣрномъ распредѣленіи земли не достанется ничего, — не потому, конечно, не достанется, чтобы имъ не было тѣсно (при *теперешнемъ* крестьянскомъ хозяйствѣ нѣтъ крестьянъ, которымъ не было бы тѣсно!), а потому, что для нихъ *земли неоткуда будетъ взять;* и если многоземельнымъ и удастся урвать себѣ какіе-нибудь клочки земли, — это возможно будетъ только въ прямой ущербъ гораздо болѣе нуждающимся въ землѣ, малоземельнымъ элементамъ. А между тѣмъ, вѣдь, бѣдствуетъ, болѣе или менѣе, *все* наше крестьянство, а если и не все, то, во всякомъ случаѣ, никакъ не одни малоземельные: вѣдь голодаетъ, вырождается физически, бродитъ по заработкамъ и въ концѣ-концовъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, не только дарственникъ, съ его чуть не сплошь занятымъ подъ усадьбу „нищенскимъ“ надѣломъ, но и

тотъ среднеземельный крестьянинъ, котораго надѣлъ для дарственника — предѣлъ его мечтаній, и тотъ многоземельный, которому, какъ я сказалъ, и вовсе не приходится мечтать о расширеніи его землевладѣнія. Значитъ, вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства и о повышеніи производительности земли имѣетъ одинаково важное значеніе для *всего* нашего крестьянства, все равно, хорошо ли, или плохо оно обезпечено землей,—и безъ этого *никакое*, практически осуществимое, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не избавитъ крестьянина отъ постояннаго недоѣданія и частыхъ голодовокъ.

Неотложность вопроса.

Казалось бы, что говорить объ этомъ,—это значитъ, какъ говорится, ломиться въ открытую дверь: говорить вещи, которыя и безъ того всякому ясны, которыя и безъ того всякій понимаетъ. Вѣдь само собою разумѣется, надо заботиться о томъ, чтобы земля давала больше,—это признаетъ всякій, и никому не придетъ въ голову сказать, что *не нужно*, чтобъ земля давала больше. Но какъ слѣдуетъ, серьезно объ этомъ, въ концѣ-концовъ, никто не думаетъ: крестьяне, да и нашъ братъ, интеллигентъ, убѣждены въ томъ, что все дѣло, въ концѣ-концовъ, въ землѣ. Достаточно вспомнить тѣ рѣчи, которыя раздавались и въ первой и во второй Государственной Думѣ, когда кто-нибудь заикался о томъ, что нужна не только земля, а нужно и лучшее хозяйство: „Какая тамъ улучшенная культура, — восклицали депутаты-крестьяне,—когда земли нѣтъ!“ „Культура — дѣло

барское!“ „Посадить бы барина на дарственный надѣлъ — посмотрѣли бы, какую онъ бы завелъ культуру“... Вотъ смыслъ крестьянскихъ рѣчей въ Государственной Думѣ. Приблизительно такъ же, однако, разсуждаютъ и интеллигенты. „Агрикультурный прогрессъ (или проще улучшеніе способовъ обработки земли)—гласитъ проектъ резолюціи того состоявшагося въ апрѣлѣ 1905 года совѣщанія по земельному вопросу, на которомъ впервые вслухъ провозглашенъ былъ принципъ принудительнаго отчужденія земли,—встрѣчаетъ непобѣдимое препятствіе, прежде всего, въ крестьянскомъ малоземельѣ, устраненіе котораго и должно быть ближайшею задачею поземельной политики“. Или вотъ, какъ выражаетъ ту же мысль одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ экономистовъ М. И. Туганъ-Барановскій, въ своей книжкѣ, посвященной вопросу о земельной реформѣ: „Безземельнымъ и малоземельнымъ надо прежде всего получить землю, а потомъ уже думать объ улучшеніи пріемовъ ея обработки“. Или еще одинъ примѣръ — отзывъ извѣстнаго дѣятеля по части общественной агрономіи, В. В. Винера: „Самою главною заботою,—говоритъ онъ,— для улучшенія коренного крестьянскаго хозяйства явится увеличеніе доходности, т.-е. урожайности крестьянской земли“. Явится, но когда? *послѣ нарѣзки земли*, — и эти слова авторъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть курсивомъ. Выходитъ что же? заботиться объ улучшеніи пріемовъ обработки земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ, о повышеніи производительности крестьянскихъ земель, хотя и надо, но надо когда-то *послѣ*,

послѣ того, какъ будетъ расширено крестьянское землевладѣніе. А я говорю на это: да, расширить крестьянское землевладѣніе надо, но одного расширенія крестьянскаго землевладѣнія мало,—самое важное, это улучшеніе крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности земли; и позаботиться объ этомъ надо *не когда-то потомъ*, а *сейчасъ же*, потому что медлить въ этомъ дѣлѣ нельзя, потому что каждый пропущенный годъ влечетъ за собой все новыя непоправимыя бѣды.

Значеніе малоземелья.

Безземелье и малоземелье, дѣйствительно, мѣшаетъ улучшенію обработки земли, дѣлаетъ его даже невозможнымъ. Совершенно вѣрно. Но *кому* оно мѣшаетъ улучшать хозяйство? Очевидно — беззе-мельнымъ и малоземельнымъ. Безземельный, само собою ясно, не можетъ улучшить обработки земли, которой у него нѣтъ. Столь же очевидно не можетъ думать объ улучшеніи хозяйства дарственникъ съ его четвертнымъ надѣломъ—это настолько ясно, что объ этомъ не приходится много говорить. Ну, а бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе полный надѣлъ? Развѣ *и имъ* недостаточный размѣръ надѣловъ мѣшаетъ улучшать свое хозяйство? Едва ли; мы видѣли, напротивъ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне, именно потому, что имъ становилось тѣсно, во многихъ мѣстностяхъ ведутъ хозяйство далеко лучше, чѣмъ бывшіе государственные, что они гораздо раньше перешли, напримѣръ, къ трехполью, раньше начали удобрять поля. Но допустимъ, что даже полный надѣлъ по положеніямъ 19 февраля, это тоже еще такое малоземелье, при которомъ улуч-

шать хозяйство нельзя. Ну, а бывшіе государственные крестьяне? Развѣ *и имъ* малоземелье препятствуетъ улучшать обработку земли? Это уже совсѣмъ не правдоподобно: вѣдь *ихъ*-то ужъ никто и никогда не признавалъ малоземельными. А переселенцы, съ ихъ 15 десятинами на наличную душу?.. Помилуйте,—воскликнетъ на это всякій, — да какой же *имъ* смыслъ думать объ улучшенныхъ пріемахъ обработки земли, объ интенсификаціи хозяйства, разъ земельный просторъ позволяетъ имъ вести первобытное залежное хозяйство?.. Допустимъ, что это такъ — хотя тоже не совсѣмъ: мы вѣдь видѣли, какія плохія послѣдствія получаются отъ безобразнаго хозяйства нашихъ переселенцевъ. Но повторяю, допустимъ, что это такъ,—что переселенцамъ, въ самомъ дѣлѣ, не къ чему думать объ улучшеніи пріемовъ хозяйства и способовъ обработки земли. Такъ что же получается въ такомъ случаѣ? У малоземельныхъ улучшеніе обработки земли и повышеніе ея производительности встрѣчаетъ „непобѣдимое препятствіе“ въ *малоземельѣ*; у многоземельныхъ оно встрѣчаетъ такое же непобѣдимое препятствіе въ *много*земельѣ; многоземельные не могутъ улучшать хозяйства, потому что у нихъ много земли, а малоземельные, потому что у нихъ земли мало. Но вѣдь должна же быть такая середина, гдѣ нѣтъ ни того ни другого препятствія, гдѣ, значитъ, *можно* улучшать хозяйство? Такая середина, гдѣ *уже* нѣтъ многоземелья и *еще* нѣтъ малоземелья? Неужели и тогда надо ждать съ улучшеніемъ крестьянскаго

хозяйства, съ усовершенствованіемъ способовъ обработки земли? И чего ждать?

Медленность распространенія улучшеній.

„Расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія, — говоритъ тотъ-же М. И. Туганъ-Барановскій,—нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно". Это, мы видѣли, неотразимый доводъ въ пользу необходимости самыхъ широкихъ мѣръ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что надо откладывать мѣры, направленныя къ повышенію производительности народнаго труда? Конечно, нѣтъ, какъ разъ напротивъ: вѣдь если проведеніе въ крестьянскую среду улучшенныхъ способовъ хозяйства требуетъ многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, то тѣмъ необходимѣе *теперь же* приступить къ работѣ въ этомъ направленіи: вѣдь если мы на десятки лѣтъ отложимъ *начало* этой работы, то вѣдь еще на десятки лѣтъ отсрочится ея *конецъ*, еще на десятки лѣтъ оттянется столь необходимое улучшеніе крестьянскаго хозяйства.

И притомъ, дѣйствительно ли это еще такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ улучшеніе крестьянскаго хозяйства требуетъ непремѣнно десятилѣтій? Едва ли... У насъ, правда, улучшенія прививались очень медленно, но это просто потому, что не о томъ думали: вниманіе и крестьянъ, и интеллигенціи, и правительства было направлено въ со-

всѣмъ другія стороны. И, тѣмъ не менѣе, даже у насъ, въ Россіи (мнѣ сейчасъ придется говорить объ этомъ подробнѣе) можно указать примѣры весьма быстраго распространенія тѣхъ или другихъ сельскохозяйственныхъ улучшеній. Еще быстрѣе такія улучшенія распространяются на Западѣ — въ Германіи, въ Италіи и т. п. Прежде, дѣйствительно, повышеніе производительности земли основывалось на дорого стоящихъ улучшеніяхъ, которыя давали плоды лишь по истеченіи болѣе или менѣе длиннаго срока. „Эти расчеты, — говоритъ А. И. Чупровъ,—существенно измѣнились, когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходъ земледѣльца, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена“; земледѣльческія улучшенія въ этомъ новомъ направленіи „дѣйствуютъ быстро, почти немедленно; подъ ихъ вліяніемъ жатва повышается въ тотъ же годъ, возвращая издержки съ обильною, а иногда даже громадною прибылью“; для примѣненія ихъ „не требуется ни продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала“, и, въ концѣ-концовъ, „практика минеральныхъ удобреній, улучшенныхъ сѣмянъ и травопольнаго хозяйства окрылила дѣло земледѣльческаго прогресса среди мелкихъ хозяевъ“; улучшеніе хозяйства можетъ итти чрезвычайно быстро.

Значеніе уровня умственнаго развитія.

Улучшенія крестьянскаго хозяйства могутъ распространяться чрезвычайно быстро, *разъ населеніе сознало* необходимость такого рода улучшеній, поняло невозможность оставаться

при старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ, способахъ хозяйства и пріемахъ обработки земли. Но въ томъ-то и вопросъ: *можетъ ли* наше крестьянство сознать необходимость коренного улучшенія способовъ хозяйства? Для того, чтобы оно могло сознать эту необходимость, чтобы оно могло уразумѣть суть и смыслъ тѣхъ способовъ улучшенной обработки земли, какіе предлагаетъ наука и сельскохозяйственная практика другихъ странъ, для этого—говорятъ обыкновенно—требуется извѣстный уровень образованія и развитія, требуется просторъ для личной и общественной самодѣятельности; и только тогда,—говорятъ дальше,—когда поднимется умственный уровень крестьянскихъ массъ, когда изгладятся слѣды вѣкового гнета, тяготѣвшаго надъ личностью крестьянина, *только тогда* можно надѣяться на коренное улучшеніе способовъ крестьянскаго хозяйства и, значитъ, на существенное повышеніе производительности и доходности крестьянскихъ земель.

И образованіе, и свобода—все это, конечно, необходимо. Но если всего этого дожидаться и до тѣхъ поръ ничего не дѣлать для улучшенія крестьянскаго хозяйства, если до тѣхъ поръ оставаться при нашихъ допотопныхъ пріемахъ обработки земли,—такъ вѣдь „пока взойдетъ солнце, роса глаза выѣстъ“. Пока будетъ вводиться всеобщее обученіе (въ три дня вѣдь его тоже не введешь!), пока оно подниметъ умственный уровень крестьянскихъ массъ, пока изгладятся слѣды вѣкового гнета, — что жъ будетъ *до тѣхъ поръ*? Неужели до тѣхъ поръ сложа руки глядѣть, какъ нашъ черноземъ даетъ 40 и 30 пудовъ съ деся-

тины, какъ сидящій на этомъ черноземѣ крестьянинъ пухнетъ отъ голода и вырождается отъ недоѣданія?!.

И еще другое; мы вѣдь требуемъ для крестьянина всей полноты гражданскихъ и политическихъ правъ, включая избирательное право по четырехчленной формулѣ и вообще участіе въ дѣлахъ государственнаго и мѣстнаго управленія; вѣдь сотни крестьянъ сидѣли и сидятъ въ Государственной Думѣ. Такъ неужели же крестьянинъ, котораго мы, значитъ, *признаемъ* способнымъ разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, далеко выходящихъ изъ обычнаго крестьянскаго кругозора,— неужели этотъ крестьянинъ неспособенъ уразумѣть такія простыя вещи, какъ преимущества хорошихъ сѣмянъ передъ плохими, какъ выгоды, доставляемыя травосѣяніемъ, какъ эффектъ минеральнаго удобренія или глубокой вспашки?.. Это и неправдоподобно, и противорѣчитъ фактамъ. Мы знаемъ, прежде всего, что отнюдь не выше стоящія въ умственномъ развитіи и, конечно, не больше видѣвшія свободы туземныя племена многихъ изъ нашихъ окраинъ — сарты и даже осѣвшіе киргизы въ Туркестанѣ, китайцы и корейцы въ Уссурійскомъ краѣ, туземныя племена Закавказья и т. п.—довели свою сельскохозяйственную технику до такого уровня, который для нашего крестьянина является, пока, недосягаемымъ идеаломъ; мало того — сартовское или китайское хозяйство проявляетъ удивительную подвижность и приспособляемость къ измѣнчивымъ требованіямъ рынка, т.-е. какъ разъ тѣ качества, какія принято связывать съ высокою умственною

культурой. А затѣмъ, вѣдь и самъ нашъ крестьянинъ отнюдь не такъ ужъ безусловно невосприимчивъ къ хозяйственнымъ улучшеніямъ, какъ думаютъ... его искреннѣйшіе, но слишкомъ горячіе друзья. „Мудрено доказывать,—говоритъ все тотъ же А. И. Чупровъ, — недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ (и, конечно, и для необщинниковъ. *А. К.*) послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ“... Достаточно напомнить о такихъ фактахъ, какъ быстрое распространеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, минеральныхъ удобреній, и въ очень многихъ—улучшенныхъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ, нерѣдко безъ всякаго планомѣрнаго воздѣйствія со стороны общественной агрономіи; какъ феноменально-быстрое развитіе, въ Западной Сибири, экспортнаго маслодѣлія, а въ связи съ этимъ и улучшеніе техники крестьянскаго скотоводства; я лично былъ свидѣтелемъ того, какъ нѣкоторые улучшенные сорта сѣмянъ, попавъ въ сибирскую деревню изъ Минусинскаго музея, въ 3—4 года распространились по двумъ громаднымъ сибирскимъ губерніямъ и почти совершенно вытѣснили старые мѣстные сорта. Достаточно вспомнить обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что наше крестьянское хозяйство и при данномъ культурномъ уровнѣ отнюдь не такъ недоступно культурному воздѣйствію; что широко и планомѣрно

поставленная агрономическая помощь *можетъ* дать обильные плоды и ранѣе распространенія всеобщаго обученія, и ранѣе, чѣмъ народъ переродится въ оживляющей водѣ политической свободы.

Вопросъ о средствахъ.

Затѣмъ—вопросъ о средствахъ: на что же крестьянинъ будетъ улучшать свое хозяйство, разъ ему нечего ѣсть, разъ ему не на что удовлетворить своимъ самымъ насущнымъ потребностямъ? Но вѣдь не всѣ же, въ концѣ-концовъ, крестьяне поголовно нищіе! Есть же между ними и такіе, которые имѣютъ пару десятковъ или сотенъ рублей свободныхъ денегъ, или которые могутъ какъ-нибудь эти деньги достать—вся бѣда въ томъ, что эти свободныя или откуда-нибудь добытыя деньги крестьяне употребятъ не на *улучшеніе* хозяйства и земли, а на *расширеніе* размѣровъ своего землепользованія и хозяйства, въ формѣ ли покупки земли или аренды. И отсюда—самый простой отвѣтъ на вопросъ о средствахъ. „Чѣмъ же, — спрашиваетъ себя А. И. Чупровъ, — крестьянскій дворъ будетъ покрывать дополнительныя затраты, неизбѣжно вызываемыя повышеніемъ интенсивности хозяйства? Тѣмъ-же, чѣмъ покрываются въ настоящее время въ малоземельныхъ хозяйствахъ расходы на прикупку недостающаго хлѣба или на арендованіе чужихъ земель“... А если у той или другой части крестьянства средствъ дѣйствительно нѣтъ, то средства *должны* быть доставлены государствомъ или обществомъ, должны быть доставлены всѣми воз-

можными путями, и прежде всего—широкою организаціею мелкаго народнаго кредита. Средства, говорю *я*, *должны* найтись, потому что въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства — единственный дѣйствительный выходъ изъ аграрнаго кризиса; въ немъ — вся будущность нашего крестьянства и нашей страны. И организовать потребный для этой цѣли кредитъ будетъ, мнѣ думается, тѣмъ легче, что современная наука и сельскохозяйственная техника выработали цѣлый рядъ такихъ средствъ къ повышенію производительности земли, которыя даютъ чрезвычайно быстрые и вѣрные результаты и, слѣдовательно, вполнѣ обезпечиваютъ скорое погашеніе ссудъ.

Условія рынка.

Есть еще одно возраженіе. Говорятъ, повышеніе производительности крестьянской земли можетъ оказаться, въ концѣ-концовъ, невыгоднымъ для самихъ крестьянъ. Вѣдь крестьянинъ ведетъ теперь, какъ мы отчасти видѣли въ нашей первой лекціи, не натуральное, а въ значительной мѣрѣ денежное хозяйство; ему приходится *продавать* хлѣбъ, значитъ—для него важны хлѣбныя цѣны; если крестьянская десятина вмѣсто нынѣшнихъ сорока пудовъ будетъ давать, ну хоть, скажемъ, 60 пудовъ, если такимъ образомъ будетъ выброшенъ на рынокъ лишній милліардъ пудовъ хлѣба, то цѣны на хлѣбъ упадутъ еще сильнѣе, чѣмъ упали за послѣднія 15—20 лѣтъ, и крестьяне, пожалуй, не только ничего не выиграютъ, но скорѣе проиграютъ отъ улучшенія своего хозяйства: имъ придется отдавать весь вновь производимый избытокъ хлѣба, отдавать задешево, чтобы какъ-

нибудь покрыть нужду въ деньгахъ на подати и на всякій другой расходъ

Мнѣ думается, однако, что и это возраженіе не имѣетъ существеннаго значенія. Вѣдь когда мы говоримъ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, о повышеніи производительности земли,— это вовсе не значитъ непремѣнно, что будетъ попрежнему производиться въ однѣхъ губерніяхъ все одна только пшеница съ овсомъ, въ другихъ— рожь съ овсомъ. Важно то, сколько *теперь* земля мало даетъ крестьянину и сколько она *должна* давать больше. Но *что* она должна давать: хлѣбъ, картофель на винокуреніе, свеклу на сахаръ или кормовыя травы для откармливанія скота, — это вопросъ совсѣмъ другой, и, конечно, тѣ, кто будутъ помогать крестьянину вырабатывать улучшенные способы и пріемы хозяйства, должны будутъ сообразоваться съ тѣмъ, *что выгодно* въ данное время и въ данной мѣстности: если выгодно производить зерновые хлѣба — нужно будетъ выработать такое хозяйство, чтобы получалось побольше пшеницы или ржи; если будетъ выгодно откармливать скотъ или производить молочные продукты — выработается такое хозяйство, въ которомъ будетъ получаться меньше хлѣба, но больше кормовъ, и т. д. Но *для всякаго* выгоднаго хозяйства необходимо, чтобы была повышена производительность земли, чтобы крестьяне вели хозяйство не такъ, „какъ повелось“, а какъ велитъ наука и какъ предписываетъ правильный расчетъ. Такъ или иначе, но улучшенное хозяйство *можетъ* и *должно* стать выгоднымъ для крестьянина-земледѣльца, и во вся-

комъ случаѣ оно его прокормитъ. А развѣ можетъ быть выгоднымъ *теперешнее* крестьянское хозяйство, дающее кругомъ 40, 30, а то и 25 пудовъ съ десятины,—то хозяйство, которое обезпечиваетъ крестьянамъ лишь постоянное недоѣданіе и безысходную нищету?..

Словомъ, съ какой бы стороны ни подходить къ вопросу о необходимости и возможности теперь же, не откладывая въ долгій ящикъ, приступить къ энергичной работѣ, направленной непосредственно къ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства, къ повышенію производительности крестьянскихъ земель, — какія бы ни разсматривать возраженія,— результатъ получается одинъ: возраженія эти, доказывая *трудность* предстоящей задачи, отнюдь не доказываютъ, однако, ея *неразрѣшимости*. А трудности, какъ бы онѣ ни были велики, необходимо преодолѣть, потому что *всякая* земельная реформа останется безплодной, если не будетъ повышена производительность крестьянскихъ земель; и такія хорошія вещи, какъ грамотность, политическая и личная свобода и т. п., лишь постольку могутъ отразиться на хозяйственномъ положеніи крестьянина, поскольку онѣ будутъ способствовать улучшенію его хозяйства. А это приводитъ насъ еще къ одному, первостепенно важному соображенію. Вѣдь какъ бы ни были увеличены земельные надѣлы, каково бы ни было вліяніе просвѣщенія и свободы, — все-таки крестьянинъ *самъ* не отыщетъ тѣхъ путей, которыми должно итти улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства. „Исторія перемѣнъ въ хозяйственной техникѣ ясно

свидѣтельствуетъ, что стремленіе къ нимъ безъ помощи свѣдущихъ лицъ не можетъ даже и возникнуть среди мелкихъ земледѣльцевъ“ (А. И. Чупровъ). Крестьянина надо *научить*, что дѣлать для того, чтобы поднять свое хозяйство,— а между тѣмъ *къ этому мы* совершенно не готовы.

Необходимость въ помощи улучшенію крестьянскаго хозяйства.

Сказанное мною только-что можетъ показаться и, вѣроятно, многимъ кажется ни съ чѣмъ не сообразнымъ. *Учить крестьянина* обрабатывать землю!.. Сколько разъ крестьянскіе депутаты и въ первой, и во второй Думѣ поднимали на смѣхъ тѣхъ, кто говорилъ о томъ, что крестьянамъ надо учиться лучше вести хозяйство, лучше обрабатывать землю... Крестьянинъ, дескать, самъ знаетъ, какъ обходиться съ землей; онъ сызмалолѣтства привыкъ обрабатывать землю, онъ знаетъ каждый клочокъ ея, знаетъ, какъ и за что взяться; мужикъ знаетъ землю, и земля мужика знаетъ. Въ томъ-то, однако, и бѣда, что дѣло тутъ обстоитъ не такъ просто. То унаслѣдованное отъ прадѣдовъ знаніе земли, то знакомство со способами и пріемами ея обработки, какимъ обладаетъ крестьянинъ, было достаточно до поры, до времени, когда было просторно, когда можно было распахивать свѣжія земли и косить необъятные луга. Да и то оно было не совсѣмъ достаточно: насколько лучше были бы урожаи и въ черноземныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и въ киргизской степи, и въ Уссурійскомъ краѣ, если бы крестьянинъ въ самомъ дѣлѣ *зналъ*, какъ надо

взяться за обработку земли!.. Нечего уже говорить о томъ, что крестьянскаго знанія и умѣнья не можетъ хватить, когда земля повыпахалась, когда стало тѣсно, когда уже нельзя надѣяться на солнышко да на дождичекъ, когда уже нельзя вести хозяйство на авось: захочетъ, дескать, Господь, такъ и на камнѣ хлѣбушко вырастетъ... Вѣдь сельское хозяйство — это такое же искусство, такое же трудное дѣло, какъ и всякая другая промышленная дѣятельность, а можетъ-быть, и еще труднѣе. Въ промышленности тоже когда-то обходились безъ науки, тоже когда-то всякій „самъ зналъ“, что и какъ надо дѣлать: всякая крестьянка умѣла ткать, всякій крестьянинъ безъ труда выучивался и выдѣлывать кожи, и ковать желѣзо, каждый могъ построить избу или наладить телѣгу либо сани. *Теперь* за все это принялась наука, и человѣкъ, не обладающій большими знаніями, не можетъ вести ни ткацкаго, ни красильнаго, ни металлургическаго, ни строительнаго дѣла,—для всего этого надо знать физику, химію, электротехнику, нужно пройти практику на одной или лучше — на нѣсколькихъ хорошо устроенныхъ фабрикахъ. То же самое и въ сельскомъ хозяйствѣ. До сихъ поръ мелкій земледѣлецъ въ Россіи, русскій крестьянинъ, обходился „своимъ умомъ“, какъ еще какихъ-нибудь 100 или 150, а гдѣ и 50 лѣтъ тому назадъ, обходились и въ Западной Европѣ, онъ велъ хозяйство „какъ повелось“, какъ научили его дѣды и отцы, онъ руководствовался примѣтами, поговорками, пріурочивалъ работы къ церковнымъ праздникамъ и т. д. Теперь такъ вести

дѣла уже нельзя. Старые способы хозяйства не годятся, нужно вырабатывать и вводить въ употребленіе новые. Очень многое изъ такого новаго уже примѣняется въ другихъ странахъ или даже на нѣкоторыхъ окраинахъ нашей необъятной страны: плодосмѣнъ, посѣвы кормовыхъ травъ, искусственныя удобренія, правильная обработка почвы, искусственное орошеніе или осушка, подборъ сортовъ разводимыхъ растеній и улучшеніе сѣмянъ. Такъ неужели же надо „своимъ умомъ доходить“ до всего того, что уже давно придумано и испытано другими?.. Но главное, безъ чего нельзя обойтись теперь, — это примѣненіе науки къ сельскому хозяйству. Такія вещи, какъ искусственныя удобренія, травосѣяніе и т. п., это все вещи, которыхъ *нельзя* примѣнять безъ разбора, ибо отъ этого легко можетъ получиться одинъ только вредъ: искусственное удобреніе должно быть сообразовано съ химическимъ составомъ почвы — одной почвѣ нужны азотистыя, а другой—фосфорнокислыя удобренія; оно должно быть сообразовано и съ посѣвами—одни растенія берутъ изъ почвы фосфоръ, другія известь, значитъ, одни требуютъ фосфористыхъ, другія известковыхъ удобреній. Если вводится травосѣяніе, надо выбрать травы, соотвѣтствующія почвѣ и климату, надо принять мѣры противъ односторонняго истощенія почвы (клевероутомленіе и пр.),— для этого нужно извѣстное чередованіе травы съ другими растеніями, нужны извѣстныя искусственныя удобренія. Наука выработала затѣмъ не мало способовъ борьбы съ разными злоключеніями, отъ которыхъ страдаютъ

разные посѣвы. Въ понятіи крестьянъ разныя „помхи“—головня, медвяная роса и т. п., — это просто попущеніе Божіе, противъ котораго ничего нельзя подѣлать; наука выяснила, что все это болѣзни, которыя можно лѣчить, какъ лѣчатъ болѣзни у людей и у скота. „Своимъ умомъ“ дойти до всего этого нельзя, всему этому надо учиться, а кто не учился, долженъ слушать совѣта у тѣхъ, кто учился. Даже такая простая, казалось бы, вещь, какъ выборъ сортовъ того или другого хлѣба, въ дѣйствительности совсѣмъ не проста: надо умѣть подобрать сортъ, подходящій къ почвѣ и климату; если такого сорта нѣтъ, надо умѣть вывести его изъ мѣстныхъ или изъ привозныхъ сѣмянъ. Или подборъ хорошихъ и подходящихъ орудій— плуговъ, сѣялокъ и т. п.: надо умѣть подобрать плугъ, подходящій къ данной почвѣ, соотвѣтствующій тѣмъ культурамъ, подъ которыя имѣется въ виду обрабатывать землю. Все это дѣло агрономической науки и общественной агрономіи: агрономическая наука должна выработать для каждой мѣстности подходящіе пріемы и способы хозяйства, общественная агрономія должна познакомить съ этими способами населеніе, должна помочь крестьянамъ выбрать тѣ изъ этихъ способовъ, которые болѣе всего соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ, которые болѣе всего отвѣчаютъ имущественной состоятельности, выгодамъ крестьянскаго хозяйства. На Западѣ въ послѣднее время это сознали вполнѣ, и получилось огромное улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ работами проф.

А. И. Чупрова или хотя бы съ одною его книжкой „Реформа земледѣлія въ Италіи“, гдѣ дается очеркъ дѣятельности такъ называемыхъ странствующихъ каѳедръ, или странствующихъ профессоровъ по земледѣлію, — лицъ, по способу дѣятельности и по своимъ задачамъ имѣющихъ много общаго съ нашими земскими агрономами. „Неутомимою пропагандой каѳедры, — говоритъ, напримѣръ, А. И. Чупровъ о Пармской провинціи, — возбужденъ живѣйшій интересъ къ введенію новыхъ пріемовъ хозяйства; повсюду говорятъ, спорятъ, разсуждаютъ объ улучшеніяхъ, объ удобреніяхъ, о новыхъ сѣвооборотахъ, тогда какъ двадцать лѣтъ тому назадъ хозяйство велось еще вполнѣ по старой рутинѣ“,—т.-е „какъ повелось отъ дѣдовъ“. „И это,— продолжаетъ А. И. Чупровъ,—не одни слова, а факты: достаточно принять въ расчетъ хотя бы одно распространеніе минеральныхъ удобреній; потребленіе ихъ выросло теперь въ нѣсколько десятковъ разъ сравнительно съ періодомъ до основанія каѳедры“. И что̀ главное — „результаты новыхъ пріемовъ бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Стоитъ выѣхать изъ города, и вы тотчасъ же будете окружены роскошными полями, въ которыхъ клеверъ и люцерна чередуются съ великолѣпными хлѣбными посѣвами, — наглядное доказательство того, что пропаганда каѳедры не осталась пустымъ звукомъ, такъ какъ раньше поля занимались исключительно хлѣбными злаками. И это,—замѣчаетъ А. И. Чупровъ,— не въ какомъ-нибудь отдѣльномъ уголкѣ, а на пространствѣ многихъ десятковъ километровъ“. И

то же,—добавлю я отъ себя,—не только въ Парм-ской, но и въ другихъ провинціяхъ Италіи, гдѣ улучшеніе мелкаго крестьянскаго и арендаторскаго хозяйства также идетъ чрезвычайно быстро. Есть общины, „гдѣ земледѣльческое производство за десять лѣтъ выросло разъ въ двадцать“; есть селенія, которыя „бросаются теперь въ глаза своими роскошными виноградниками, а между тѣмъ за какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ одинъ дикій кустарникъ“; есть деревни, откуда „еще недавно люди уходили въ тосканскую маремму (болотистую мѣстность) на заработки и оттуда приносили хлѣбъ и лихорадку, а нынѣ никто не отправляется туда, потому что на мѣстѣ имѣется достаточно пищи не только для прокормленія, но даже для сбыта на сторону“.

Недостатокъ ея у насъ.

У насъ въ этомъ направленіи пока сдѣлано чрезвычайно мало. Правительство, можно сказать, даже не принималось какъ слѣдуетъ за необходимыя мѣры для улучшенія крестьянскаго хозяйства. Министерство земледѣлія за 12 лѣтъ своего существованія сдѣлало очень мало для владѣльческаго и, можно сказать, ничего не сдѣлало для крестьянскаго хозяйства: *да и не могло* сдѣлать: деньги находились на все, на что угодно, но ихъ никогда не было для министерства земледѣлія. Гораздо больше сдѣлали земства, земская агрономія; все, что сдѣлано для улучшенія крестьянскаго хозяйства, сдѣлано, въ концѣ-концовъ, одними земствами. Но и они пока тоже сдѣлали еще очень мало. „Изъ обширной про-

граммы агрономическаго содѣйствія народу,— говоритъ опять-таки А. И. Чупровъ, глубокій знатокъ даннаго вопроса, — выполнено до сихъ поръ земскими организаціями немного. Въ черноземной полосѣ еще твердо не установлено, повидимому, какую систему полеводства слѣдуетъ рекомендовать крестьянамъ взамѣнъ отживающаго зернового трехполья, и дѣло находится пока въ подготовительной стадіи". И не только въ черноземной полосѣ, но даже и въ тѣхъ изъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ общественная агрономія достигла своего наибольшаго расцвѣта. Мы восторгаемся, и совершенно законно, необыкновенною быстротою распространенія травосѣянія въ московско-тверскомъ районѣ. Но изъ трудовъ В. Г. Бажаева, игравшаго такую видную роль въ дѣлѣ распространенія здѣсь травосѣянія, мы узнаемъ, что оно пока весьма мало способствовало общему улучшенію крестьянскаго хозяйства. И почему это?.. Потому, что „довѣрчивому сельскому люду рекомендовали травосѣяніе не въ современной постановкѣ, съ широкимъ примѣненіемъ минеральныхъ туковъ, а въ устарѣлой формѣ", не принявъ необходимыхъ мѣръ „къ провѣркѣ на тщательныхъ мѣстныхъ опытахъ того, что давно выработано въ теоріи и въ практикѣ безчисленныхъ заграничныхъ хозяйствъ" (А. И. Чупровъ). Нечего уже говорить о такихъ мѣстностяхъ, какъ заволжскій юго-востокъ, гдѣ общественная агрономія (въ данномъ случаѣ даже не земская, а казенная), въ лицѣ самоотверженнаго труженика В. С. Богдана, только начала отыскивать выходъ изъ господствующаго

здѣсь безпорядочнаго пестрополья — того самаго, которое даетъ крестьянину въ среднемъ 23 пуда съ десятины. Или какъ вологодское полѣсье, гдѣ трехполье уже стало пережиткомъ, продолжающимъ кое-какъ существовать лишь благодаря широко развитой арендѣ казенныхъ сѣнокосовъ (а эта аренда, въ свою очередь, до крайности затрудняетъ использованіе, для землеустроительныхъ цѣлей, обширнаго земельнаго фонда Вологодскаго края). И здѣсь современныя земельно-хозяйственныя условія настоятельно требуютъ чего-то другого; но чего—это общественная агрономія даже еще не начинала намѣчать; да и какъ ей было начать, когда Никольское земство какъ разъ въ послѣднее время упразднило даже несчастную должность уѣзднаго агронома!.. „Работа дѣятелей общественной агрономіи, — говоритъ В. Г. Бажаевъ въ недавней своей статьѣ,— была необходима потому, что она накопляла драгоцѣннѣйшій запасъ опытныхъ указаній и вообще подготовляла почву для будущей мирной дѣятельности при обновленныхъ общественныхъ условіяхъ“. Подготовляла, но, читатель видитъ, еще очень мало подготовила. Общественная агрономія должна быть усилена во много разъ, она должна работать, не покладая рукъ, не увлекаясь никакими дѣйствительными или мнимыми „требованіями настоящаго момента“, — работать дальше въ томъ-же направленіи. Она должна энергично и послѣдовательно готовиться къ тому, несомнѣнно, близкому моменту, когда крестьяне сознаютъ, что все ихъ спасеніе — въ коренномъ улучшеніи пріемовъ земледѣльческой культуры, и

обратятся съ своими запросами къ общественной агрономіи. Неужели и тогда придется сказать, что „изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу выполнено до сихъ поръ немного?“ И не скажетъ ли тогда народъ, что напрасно его тѣшили безплодными надеждами и мечтами, а не дѣлали какъ разъ того, что было наиболѣе неотложнымъ и необходимымъ?..

Но для того, чтобы общественная агрономія могла дѣлать свое великое дѣло, нужно, прежде всего, чтобы русское общество и народъ *прониклись вѣрою* въ громадную важность этого дѣла, чтобы была предоставлена необходимая свобода, и чтобы были налицо необходимыя денежныя средства. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, работать, когда полицейскій надзоръ и контроль мѣшаетъ рѣшительно всякому начинанію, тормозитъ всякое живое дѣло? Какъ работать, когда нѣтъ гроша денегъ на необходимые опыты и другіе расходы? Какъ работать, когда агрономическую организацію то открываютъ, то закрываютъ, то опять открываютъ? И добро бы уничтожали земскую агрономію помѣщичьи, дворянскія земства!.. Нѣтъ, сплошь и рядомъ предложенія объ уничтоженіи агрономіи исходятъ или находятъ горячую поддержку со стороны гласныхъ-крестьянъ. Въ трудахъ недавняго съѣзда старообрядцевъ можно найти ходатайства объ упраздненіи должностей агрономовъ, вмѣстѣ съ земскими начальниками и прочими „безполезными“ должностными лицами... Народъ, къ несчастью, не понимаетъ или плохо понимаетъ значеніе агрономической помощи, да и вообще необходимость коренного

улучшенія способовъ и пріемовъ крестьянскаго хозяйства: это все, молъ, барскія затѣи, годныя для помѣщика, но совсѣмъ не подходящія для крестьянина; это, пожалуй, еще и просто разговоры, которыми думаютъ отвести глаза крестьянамъ, чтобы они поменьше думали о господской землѣ. Но пока народъ такъ думаетъ, пока народъ не хочетъ учиться и переучиваться вести хозяйство, до тѣхъ поръ у насъ будутъ урожаи самъ—3 и самъ—4, до тѣхъ поръ не прекратятся голодовки и постоянное недоѣданіе. Безъ науки, безъ улучшенія способовъ и пріемовъ обработки земли, которое можетъ дать крестьянину только наука, нѣтъ способа поднять крестьянское хозяйство.

Заключеніе. На этомъ я заканчиваю. И конецъ, послѣдній выводъ изъ всего мною сказаннаго, будетъ такой: корень зла, источникъ тѣхъ бѣдъ, которыя переживаетъ русское крестьянство, а съ нимъ и вся Россія, никакъ не въ одной землѣ. Есть въ крестьянской средѣ милліоны людей, которымъ, дѣйствительно, нѣтъ возможности прожить на своей землѣ, — для нихъ земля должна найтись, имъ земля должна быть дана. Но есть милліоны и десятки милліоновъ такихъ, кому вполнѣ возможно было бы безбѣдно прожить на своей землѣ, для кого земли и неоткуда будетъ взять даже при самой широкой земельной реформѣ,—но они *не умѣютъ* взять съ земли того, что она можетъ и должна была бы дать. Корень зла въ народной темнотѣ, въ плохомъ хозяйствѣ. И чтобы помочь горю, надо поднять крестьянское хозяйство, надо внести свѣтъ въ темную крестьянскую среду. *Объ этомъ* должны

думать государство, земство, общество; но и сами крестьяне должны понять, что постарому жить и постарому вести хозяйство уже нельзя. Надо выучиться вести хозяйство такъ, чтобы десятина давала вдвое противъ того, что она даетъ сейчасъ; это нужно потому, что удвоить число десятинъ противъ того, что теперь обрабатываетъ крестьянинъ, нѣтъ способа — земли неоткуда взять. Но для того, чтобы десятина давала столько, сколько теперь даютъ двѣ или хотя бы только полторы десятины, необходимо, чтобы народъ повѣрилъ наукѣ, принималъ то, что̀ можетъ дать ему наука.

И нужно еще, чтобы крестьяне пріучались дѣйствовать союзомъ. Міръ, говорятъ, великъ человѣкъ. Не тотъ *старый* міръ, который только умѣлъ передѣлять землю и наваливать подати, какія наложитъ начальство, а *новый* міръ—товарищество, артель, ассоціація. Товарищество дастъ крестьянину кредитъ и спасетъ его отъ хищныхъ лапъ всякаго рода ростовщиковъ, которымъ теперь въ деревнѣ такая легкая пожива. Товарищество поможетъ крестьянину купить все, что ему нужно, дешево и хорошо: купить орудія, сѣмена, искусственныя удобренія и т. п. Товарищество поможетъ крестьянину выгодно продать хлѣбъ и другіе продукты, потому что оно будетъ продавать хлѣбъ большими, хорошо отсортированными партіями, будетъ рядиться съ купцомъ, какъ равныя стороны, — если же отдѣльному крестьянину нельзя ждать, пока хлѣбъ продастся, оно ссудитъ его деньгами подъ принятый у него хлѣбъ. Товарищество поможетъ

крестьянину переработать молоко на масло или сыръ, который можно выгодно продать въ столицѣ или за границей, переработать хлѣбъ на спиртъ, картофель на патоку или крахмалъ; оно заведетъ для крестьянъ общественныя молотилки или сортировки, возьмется за осушку болотъ, которыя обратятся въ тучные луга, за орошеніе земель въ мѣстахъ, страдающихъ отъ засухи, за облѣсеніе песковъ, теперь засыпающихъ крестьянскія поля.

Союзное начало, вмѣстѣ съ свободою и знаніемъ, — вотъ въ чемъ коренное рѣшеніе нашего земельнаго вопроса.

Пособія. *А. И. Чупровъ.* Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды.—*Онъ же.* Къ вопросу о земельной реформѣ.—*Онъ же.* Реформа земледѣлія въ Италіи.—Сборникъ «Аграрный вопросъ», изд Петрункевича и кн. Долгорукова, т. I, статья *А. А. Чупрова,* т. II, ст. *Кауфмана* (Къ вопросу о нормахъ дополнительнаго надѣленія) и *Дена.—Кауфманъ.* По новымъ мѣстамъ.—*Онъ же.* Переселеніе. Мечты и дѣйствительность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Лекція первая. Сущность аграрнаго вопроса 7

Лекція вторая. Аграрный вопросъ и главнѣйшія теченія русской общественной мысли 62

Лекція третья. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и улучшеніе крестьянскаго хозяйства . . 125